

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ЯНВАРЬ

2002

ТЕВЕС 5762

N 1 (117)

ПРОШЛО ЛИ ВРЕМЯ ЧУДЕС?

В Торе описано множество великих чудес. А где они сегодня? У каждого человека есть множество проблем, и как бы хотелось, чтобы они разрешались чудесным образом. Однако этого не случается. И все же нам хочется чудес. А что это такое – чудеса?

Если пристальной вглядеться в жизнь, вдуматься в ее сущность – в ней много чудесного. Например, вся природа – это, безусловно, чудо. И то, что человек, просыпаясь утром, чувствует себя здоровым, и то, что каждый день видит, как поднимается и заходит солнце – тоже чудеса. Написано: тот, кто засеивает поле, делает это потому, что верит в Б-га, – в то, что по воле Всевышнего эти семена взойдут и посеянное будет расти. И хотя все мы привыкли к тому, что семена дают всходы, тем не менее это – чудо. Специалисты-агрономы, которые хорошо себе представляют процесс роста, знают, что должно совпасть много разных моментов, произойти множество процессов, чтобы из семени выросло, например, дерево. Однажды, когда я был в израильской пустыне, мне рассказали, как там вырастают кустарники. Воды в пустыне нет, и развитие растений очень затруднено, так что каждый маленький кустик – чудо. А если взять тело человека – это настоящий двигатель жизни!..

Но как люди обычно представляют себе чудо? Обязательно как нечто сверхъестественное! Есть такая известная история об ученом еврее. Всю жизнь он учил Тору, Талмуд. И вот однажды стало известно, что скоро на город, где он живет, налетит страшный ураган, река выйдет из берегов, и все будет затоплено. Нужно было как можно скорее спастись. Но еврей сказал: «Я учу Тору, и ничего со мной не случится». Когда вода залила землю, к его дому подплыла лодка, но он отказался в нее сесть, сославшись на учебу. Вода все прибывала, и ученому еврею пришлось уже забраться на стол. Опять к дому подплыла лодка, но, как и в прошлый раз, он сказал, что о нем позаботится Всевышний. В конце концов вода затопила весь дом, и еврею пришлось взобраться на крышу. Вдруг в небе появился вертолет, ему спустили веревочную лестницу, чтобы поскорей взбирался. Но он ждал чудес и отказался. Итог печален: он утонул. Представ перед Б-гом, еврей спросил: «Почему Ты не спас меня, ведь всю жизнь я так самозабвенно учил Тору, Талмуд?!» Тогда Б-г ответил: «Я пытался спасти тебя три раза: дважды посылал лодку, потом вертолет. Но ты отказался». В ожидании сверхъестественного мы проглядываем настоящее чудо, приходящее по естественным каналам.

В мире есть разные чудеса, по меньшей мере их три вида. Одни происходят в рамках законов природы, не противореча им. Такие при желании можно постараться объяснить рационально. Например, чудо Пурима. Эстер стала женой царя (закроем глаза на то, что выбор Ахашвероша отчего-то пал именно на нее и она незадолго до планируемой акции Амана заняла место предшественницы-антисемитки). Благодаря особому достоинству, обаянию, уму и дипломатичности она сумела наладить с мужем особые отношения (не чудо ли, что ничто не нарушило их в критический момент?), а в силу этого в конце концов спасла свой народ. На чей-то взгляд, это просто стечение обстоятельств.

Есть другие чудеса. Как в Хануку. Маленькие, неопытные, плохо вооруженные еврейские отряды победили многочисленную, хорошо оснащенную, закаленную в боях греческую армию. Эта победа принадлежит к такому виду чудес, когда, с одной стороны, кажется совсем невероятным, как при всех различиях этих армий еврейская смогла

победить греческую. С другой стороны, это чудо можно объяснить тем, что евреи испытывали огромный энтузиазм, защищая своего Б-га, свои права, они были умнее, лучше знали территорию, где велись бои, и старались нападать на противника там, где он не мог в полную силу использовать свое оснащение. К тому же им повезло!.. Хорошо.

Но бывают и такие чудеса, которые объяснить невозможно. Например, масло, которого могло хватить только на один день, горело восемь дней. Это превосходит законы природы. Какое же чудо является более великим: то, что превосходит законы природы, или которое остается в ее рамках?.. Чудеса вроде чуда Пурима или те, которые не сумел понять ученый еврей, происходят очень часто, практически с каждым человеком, и мы сможем найти массу объяснений этим чудесам, лишь бы закрыть на них глаза.

Недавно я был в Костроме – после реконструкции, ремонта там открыли синагогу. Построена она была в начале прошлого века, через двадцать-тридцать лет ее закрыли, как это делали тогда, «по просьбе трудящихся» или самих евреев. Шестидесять-семьдесят лет она простояла закрытой.

А пару лет назад ее евреям вернули, и теперь, наконец, она действует. По этому поводу был небольшой праздник. Я принимал в нем участие и вспоминал. Предыдущий Любавичский Ребе, Ребе Раяц, был сослан именно в этот городок. Это было время, когда, казалось, у еврейской религии больше нет будущего в России. Но синагога еще не была закрыта. И вот Ребе молился и думал, что ждет еврейский народ, будет ли вообще в этой стране община?.. Позже он покинул Россию, потому что дольше оставаться не имело смысла. И вдруг спустя годы в тот же самый месяц, когда здесь в последний раз молился Ребе, в тот же самый день, в тех же стенах играет еврейская музыка, дети поют, и люди радуются тому, что синагога открылась. Я чувствовал, что происходит чудо, и спрашивал себя: о чем думал Ребе Раяц, когда молился? Он думал, что будет такое чудо. Он называл это чудо самым высшим в природе.

Некоторые во всем готовы видеть только логику, стараются так или иначе все объяснить. А верующий человек почувствует, увидит чудо.

Действительно, таких чудес, которые противоречили бы законам природы, в последнее время мы, к сожалению, не наблюдаем. Что ж, жизнь мира проходит определенные этапы. В Торе запечатлено множество периодов в жизни людей. Сначала появились наши праотцы, это были нормальные люди, рожденные в браке, и Тора называет имена их родителей. Потом у них появились семьи, и уже 70 еврейских семейств вошли в Египет, откуда – в сопровождении великих чудес – вышел целый народ, который после странствий по пустыне, сопровождаемых чудесами, чудесным образом получил Тору на Синае.

В то время, когда был создан еврейский народ, чудеса были необходимы, чтобы зародить веру. Потом было вхождение в Израиль, строительство Храма, где свершалось множество чудес... Это можно сравнить с рождением ребенка. Кто скажет, что его появление – не чудо?! Первые дни после рождения мать не оставляет младенца ни на минуту, но с каждым днем он становится все более самостоятельным, через год даже может держать ложку и под присмотром взрослых делать первые шаги. В дальнейшем опека родителей нужна ему все меньше, пока он не начинает жить собственной жизнью. Но все, что вложено в него, будет оставаться в нем.

Сегодня еврейский народ стоит на пороге родительского дома, готовый к самостоятельной жизни. Это поколение делает последние шаги перед встречей с

Мошиахом. И поэтому сегодня просить о чудесах равносильно тому, что взрослый, сильный, самостоятельный человек вдруг скажет: хочу, чтобы кто-нибудь меня поддерживал при ходьбе!

Есть такое еврейское правило: человек не должен полагаться на чудеса, не должен думать, что Б-г за него своим чудом разрешит целый ком накопившихся тяжелых проблем. Он должен трудиться, делать все зависящее от него и просить благословения Б-га. Говорят: «Не проси Б-га работать за тебя, попроси благословить тебя в делах».

Есть люди, которые говорят: буду служить Б-гу так, как я это понимаю. Но это значит, что молиться и служить Б-гу изо всех сил, даже преодолевая свои возможности, делать больше, чем предписано, я не готов. Кто задумывался, почему еврейство России удостоилось тех чудес, какие мы видим сегодня? Потому что были такие евреи, которые ради своей веры шли на самопожертвование, делали все для того, чтобы их внуки помнили об этом. Очевидно, тем самым эти евреи и заслужили нынешние чудеса. И очень важно не забывать благодарить Б-га за все, что он для нас совершает.

Часто бывает, когда мы просим Б-га о маленьком чуде и оно совершается, мы сразу начинаем подыскивать рациональные объяснения, чтобы разувериться в чудесном. Одна пожилая женщина, переходя реку по непрочному мосту, пообещала Б-гу: если она благополучно переберется на другой берег, то пожертвует на синагогу 100 тысяч. А перебравшись, сказала: «Добралась-то я сама, но раз уж обещала, то хватит и 50 тысяч!» До чуда человек всегда думает что, если оно произойдет, то с той поры он все будет делать по-другому: поверит в Б-га, станет исполнять заповеди, соблюдать кашрут... А как только чудо свершится, то поскорей старается заглушить внутренний голос и жить, как и жил... Инертность мешает человеку быть достойным чудес.

Āĕāāī ūé ðāāĕēī Dīññē Āādē Ēāqāð

Аааеоа

ДЕНЬ В ЖИЗНИ ЕВРЕЯ

Чтобы жизнь была плодотворной, необходимо осознавать не только неостановимость временного потока, но и систему отсчета времени, которой мы пользуемся. Мы привыкли сверяться с теми или иными таблицами – на циферблате или на экране компьютера: в них протяженность дня разбита на часы и минуты, а отрезки времени, отведенные для работы, трапезы, удовольствия или отдыха, раскрашены разными цветами.

Календарь, часы и органайзер служат нам подспорьем так же, как и прочим людям, осознающим, что жизнь на нашей планете протекает во времени. Но, будучи евреями, мы следуем и другому, не столь явному календарю, сверяясь с часами духовными: для нас существуют календарь и часы истории. Мы евреи, и для нас фигуры Авраама, Ицхака и Якова неразрывно связаны с нашими сущностными представлениями об утре, полудне и вечере – о пути солнца по небосводу. Адам, Моше и царь Давид размечают наш год, то есть чередование сезонных циклов; память о двенадцати сыновьях Якова – прародителях двенадцати колен Израиля – легла в основу нашего деления времени, будь то двенадцать делений, что нанесены на циферблат часов, или двенадцать перекидных страничек настенного календаря, каждая из которых отображает один из месяцев года.

Двенадцать сыновей Якова

Как сказано в книге Брейшис, двенадцать сыновей Якова родились от четырех его жен. Объединить их можно в три различные группы:

- 1) шесть сыновей Леи: Реувен, Симон, Леви, Иеуда, Исахар и Звулун;
- 2) двое сыновей Рахели, любимой жены Якова и «главной опоры дома» Израиля (Мидраш Раба, Брейшис, 71:2): Иосеф и Биньямин;
- 3) четверо сыновей, рожденных «служанками»: Бильгой – Дан и Нафтали, и Зильпой – Гад и Ашер.

И у каждой из этих трех групп сыновей Якова особая роль в том, что касается разделения нашего дня: сыновья Леи олицетворяют нашу активность в том, что связано с насущными делами; сыновья Рахели – связанное с отправлением обязанностей, вмененных еврею его еврейством; «сыновьям служанок» предназначено править всем тем, что присутствует в нашей жизни постольку-поскольку, и оказывать посильную помощь и поддержку всякому нашему действию и порыву.

Синагога, Бейс а-Мидраш и рынок

Каждый день еврея начинается с молитвы – «служения сердца» (Дворим, 11:13; согласно Талмуду, Таанис, 2а). Первая осознанная мысль, с которой начинается всякий день, и первые произносимые нами слова – они проникнуты сознанием присутствия Б-га в нашей жизни и осознанием того, что каждым вздохом мы обязаны Ему (Шулхан Орух а-Рав /ранняя версия/, Орах Хаим, 1:4-6; Кицур Шулхан Орух, 1:2). И хотя формальную молитву приходится отложить, покуда мы встанем с постели, умоемся, оденемся и поспешим (Шулхан Орух, Орах Хаим, 90:12) в синагогу, именно молитва должна быть первейшим делом всякого нашего дня. Как сказано в Шулхан Орух, Своде еврейских законов: «Время читать утреннюю молитву начинается едва взойдет солнце... И когда наступает время молитвы, возбраняется посещать друга или заниматься личным делом, или же отправляться в путь, прежде чем была прочитана утренняя молитва» (там же, 89:1-3).

После чтения утренней молитвы переходят «из синагоги в Бейс а-Мидраш», чтобы отдать «время изучению Торы» (там же, 155:1; после Талмуда, Брохойс, 64а, и Шабос, 31а), которую следует читать каждый день. И лишь затем мы устремляемся в «светский» мир, переходя к удовлетворению своих материальных нужд и поиску средств к жизни (Шулхан Орух, там же, 156:1).

Эти три рода деятельности проходят под часами сыновей Леи. Реувен, Шимон, Леви и Иеуда олицетворяют различные ступени молитвы и связанное с ней «служение сердца», Исахар – изучение Торы, Звулун же – погружение в «дела рыночные».

Служение сердца

«Лестница стоит на земле, а верх ее достигает неба» (Брейшис, 28:12; ср. Зоар, ч. I, 266 б; Мидраш Раба, Брейшис, 68:12) – это в сущности молитва. У этой лестницы четыре ступени: Реувен, Шимон, Леви и Иеуда, или же – любовь, трепет, единение и самоотверженность.

В сердце человека находят приют сотни, если не тысячи различных переживаний. Однако все они могут быть сведены к двум основным устремлениям: порыву приблизиться к чему-либо, чтобы постичь отдаленное, и порыву отойти прочь, отпрянуть. К первой категории принадлежат такие чувства, как любовь, страстный порыв, доброта; ко второй – трепет, страх, почтительность и смиренная покорность.

В спектре сердечных переживаний находятся также те эмоции, что соединяют оба порыва. И в эмоциональных связях, выстраиваемых человеком зрелым, должны присутствовать в некоем единстве оба отношения – и любовь, и почтение. Такого рода чувства наполнены как стремлением к единению, так и трепетом, устанавливающим пределы этому порыву.

На самом деле такой синтез любви и трепета – высшая форма выражения чувств, идущих из глубины сердца. Однако есть и более высокая ступень для жизни сердца – отвержение эмоций. Дело в том, что всякая эмоция, всякое переживание, которые можно представить либо как экспансию нашей самости, либо как самоумаление, или же как соединение того и другого, есть лишь выражение нас самих. Но любое истинное переживание связи с кем-то или чем-то, что выше нас, неизбежно подразумевает отказ от личных интересов и эгоизма.

Лестница молитвы насчитывает четыре ступени. На первой ступени «служения сердца» (здесь вершина подъема – первая часть молитвы Шма) наша задача – раскрыть в себе чувство любви к Б-гу, облечь в слово стремление приблизиться к Нему. Вторая ступень (совпадающая со второй частью Шма) призвана пробудить в нас чувство почтения к Г-споду и трепета перед Ним. Третья ступень (она связана с благословением «Истинный и Предвечный», читаемым между Шма и молитвой Амида, или, как ее еще называют, Шмонэ-эсрэ) сплавляет воедино любовь и трепет, присущие нашему отношению к Б-гу. На четвертой ступени (достигаемой во время чтения Амиды в полной самоотрешенности) мы преодолеваем эмоции как таковые, отринув все чувства и желая достичь состояния, когда мы полностью препоручаем себя Б-гу и взываем к Нему всем своим существом.

В терминологии Кабалы и хасидизма любовь и трепет – это глаза и уши сердца. Зрение – самое интимное и «нутряное» из наших чувств; слух – наиболее опосредованное и «внешнее». Потому любовь – желание быть ближе, рожденное сердцем, соотносится со способностью «зрения», а трепет, рожденный в сердце порыв сделать шаг назад, отшатнуться – со «слухом».

Реувен, чье имя происходит от ивритского реийа, «зрение», названный так матерью потому, что, ниспослав ей первенца, «Б-г увидел горе мое (Леи), то теперь полюбит меня муж мой» (29:32), олицетворяет первую стадию молитвы, элемент «любви» в нашем служении сердца. Симон – от шмиа, «слух», названный так матерью, ибо сказала она: «услышал Б-г, что я не любима и дал мне и этого» (29:33), – символизирует вторую стадию молитвы, когда сердце замирает от почтения и трепета. Леви, чье имя значит «привязанность», «присоединение» (его рождение побудило Лею сказать: «с этого раза муж мой прильнет ко мне, ибо родила я ему трех сыновей» [29:34]), олицетворяет единство любви и трепета на третьей стадии молитвы. Иеуда же, чье имя значит «хвалящий» («На сей раз восхваляю Б-га», – провозгласила Лея после его рождения [29:35]), олицетворяет четвертую ступень молитвенной лестницы – самозабвение во имя Б-га, которое выражается нами в безмолвном чтении Амиды в состоянии полной самоотрешенности (детально четыре стадии молитвы в их соотношении с четырьмя старшими сыновьями Якова рассмотрены в Тора Ор, Ваейце, 45а-г).

Поддержка друг друга

Перед кончиной Яков призвал двенадцать сыновей своих и «говорил им... и благословил их: каждого по его дарованию благословил он их» (49:28). Двести тридцать три года спустя Моше точно так же благословил двенадцать колен Израиля, каждое из которых насчитывало к тому моменту по несколько десятков тысяч человек. Благословения Якова и Моше описывали индивидуальный характер каждого из колен и определяли роль, назначенную им в сообществе Израиля.

Благословение Якова Звулуну и Исахару звучало так: «Звулун у берега морей водворится, он и у корабельной пристани (49:13)... Исахар, осел костистый (“Стойко несущий ношу Торы, как сильный осел, навьюченный тяжелой поклажей” – Раши), лежащий среди заград (49:14)».

Прощальные же слова Моше, обращенные к двум этим коленам, были: «Радуйся, Звулун, выходу твоему, а Исахар – в шатрах твоих» (Дворим, 33:18).

Комментарий поясняет это следующим образом. Звулун и Исахар заключили своеобразный союз: первый поселился на побережье и выходил на кораблях в море, ведя

торговлю, получая прибыль и поддерживая тем Исахара, который занимался одним лишь изучением Торы (Раши, Дворим, там же; Мидраш Танхума, Ваейце, 11 и пр.).

Исахар и Звулун тем самым олицетворяют еще два важных аспекта ежедневного расписания еврея. Пройдя четыре ступени по лестнице сердца, которое служит Б-гу в молитве, еврей переходит «из синагоги в Бейс а-Мидраш», чтобы, изучая Тору – слова мудрости и воли Б-га, обращенные к человеку, «прикипеть» к Б-гу разумом, прикрепиться к Нему. Совершив это, еврей выходит в мир в роли человека, у которого собственное дело, или того, которому средства к существованию дает его специальность, – чтобы «во всех путях познавать Б-га» (Притчи, 3:6) и «всякое деяние совершать во имя Неба» (Пиркей Овойс, 2:12).

Ибо всякий еврей, будь его призванием образ жизни Звулуна или же Исахара, должен в течение дня отдать дань и тому, и другому. Будь он крайне занятым бизнесменом или простым работником, он не свободен от обязанности изучать «хотя бы одну главу Торы утром и одну – вечером» (Талмуд, Менохойс, 99б). Как погруженный в дела веры обитатель шатра нашей Торы, так и тот, кто ревностно несет поклажу всех установлений иудаизма, – оба они являются жителями материального мира: в силу необходимости, а также в силу общих условий существования они должны также участвовать в обмене, составляющем экономическую основу жизни, о которой сказано, что и она должна стать частью их жизни как евреев и их связи с Б-гом.

Иосеф и Биньямин

«Все пророки, – говорит в Талмуде мудрец рабби Йоханан, «свидетельствовали о том, что касается [воздаяния] для баал-тшува». Но что касается подлинного цадика – «Ничьи глаза не видят того, [что он] лишь Твой, Г-споди» (Талмуд, Брохойс, 34б).

Мнение рабби Йоханана, отмечает Талмуд, противоречит мнению, высказанному другим мудрецом, рабби Абуей, который объявил: «Там, где баал-тшува (раскаявшийся) устоит, не устоять совершенному цадик» (там же).

Цадик означает «праведный»; баал-тшува – «тот, кто возвращается», совершив покаяние. В буквальном смысле цадик – тот, кто всю жизнь живет в согласии с Б-жьей волей, а баал-тшува – кающийся грешник, человек оступающий и уклоняющийся от верного пути, но раз за разом искупающий свои ошибки и возвращающийся к достойной жизни и повиновению воле Б-га.

В более широком значении цадик и баал-тшува являют два разных способа существования, два отношения ко всему, что человек делает в течение дня: от молитвы и «служения сердца», изучения Торы до заключения торговых сделок.

Цадик сосредоточен лишь на добре внутри себя и окружающем его мире. Свою жизненную миссию он видит в том, чтобы по мере сил культивировать свои позитивные качества, а также все то доброе, что он видит в других, все, что есть чистого и святого в Б-жьем мире. Все негативное должно быть подавлено и отброшено, оно не достойно ничего, кроме презрения. Когда же со злом надо вступить в борьбу, до этого зла не опускаются, но встают над ним, увеличив добро в собственной душе и в мире, – и силы зла рассеиваются, как рассеивается тьма перед потоком света.

Отношение баал-тшува к миру состоит в том, что такой человек готов иметь самое непосредственное дело со злом в себе и в мире: скорее, он будет бороться с этим

злом, чем отвергать его, он будет пытаться его преобразить, а не преодолеть, возвысившись над ним. Сталкиваясь с любой сущностью, любой силой, такой человек стремится извлечь ядро добра из кожуры покрывающего его зла, ибо добро явлено в Б-жьем творении.

При том, что мнения рабби Йоханана и рабби Абуи противоположны, каждый из этих подходов имеет свои преимущества: отношение к жизни цадика возводит к высотам, которых «не видит никто, кроме Г-спода», тогда как отношение баал-тшува выводит на пространства, где «совершенному цадику не устоять».

Служение сердца, совершаемое цадиком, не омрачено никакими отрицательными переживаниями и побуждениями. Оно освобождает священный пыл сердца, исполненного чистоты и совершенства, которые баал-тшува даже не надеется достичь. С другой стороны, молитва баал-тшува есть борение – борение между добром и злом, сражающимися в его сердце, между Б-жественным и животным началами. И это борение, эта битва воспламеняет в нем любовь, трепет, «прикрепленность» к Г-споду и самозабвенность ради Него, которые достигают совсем иной интенсивности, чем у цадика. И во время этой борьбы возникает возможность полной победы над врагом, когда тот преобразается в союзника, когда все мирские устремления сердца очищаются от их профанной сущности и превращаются в священный порыв.

Для цадика, изучающего Тору, она не замутнена ошибочными истолкованиями, разум его свободен от влияния плохих учителей, что позволяет читающему вбирать Б-жественную мудрость столь чистым и

совершенным образом, что баал-тшува даже не может себе этого представить. С другой стороны, то, как учится баал-тшува, продираясь через тернии в лабиринте заблуждений и непонимания в поисках истины, дает ему глубину знания и живое отождествление с познанным, недостижимые для сознания, свободно проникающего в сущностную сердцевину всякой мысли. Для баал-тшува, когда он сталкивается с Торой, через опровергнутые доводы и отринутые ложные истолкования открывается сама многомерность Б-жественной истины, пребывающая недоступной для цадика с его свободным познанием сути (эти два метода изучения Торы представлены двумя различными методологиями, нашедшими свое выражение соответственно в Вавилонском и Иерусалимском Талмудах).

Когда цадик соприкасается с миром материальным, его внимание сосредоточено исключительно на тех сущностях, которые имеют значение для его служения Б-гу, а все прочее для него просто не существует. Тем самым цадик достигает того, что любые материальные аспекты существования, с которыми он сталкивается, «очищаются» и «возвышаются», сам же он пребывает незапятнанным «прозой жизни». В то же время для баал-тшува рынок – минное поле негативных влияний и искушений, неизменно оставляющих свой след на его личности, а порой и полностью подчиняющих его. Однако борьба с этими враждебными элементами и победа над ними означают для него, что те становятся частью данного ему «познания Б-га на всех путях». Тем самым баал-тшува приходит к служению Г-споду в рамках материальной жизни, которое сложнее и больше, чем служение цадика: связь баал-тшува с Б-гом объемлет и те элементы Б-жьего творения, которые остаются вне пределов «совершенного» служения цадика.

Имя Иосеф означает «да прибавит» – родив Иосефа, мать его выразила надежду: «Да прибавит мне Б-г другого сына» (Брейшис, 30:24). Глубинное значение этих

слов заключается в том, что Иосеф олицетворяет стремление к тшуве: «прибавить иного сына» – преобразить все чуждое и враждебное служению Б-гу, что есть в собственной душе и в мире, в «сына», тем самым обратив все это в добро и включив его в священный порядок всего сущего.

Биньямин означает «сын правоты» – так нарек Яков второго ребенка, рожденного ему Рахелью, ибо из всех сыновей своего отца он единственный появился на свет на Святой Земле (Раши, 35:18). То есть Биньямин олицетворяет собой совершенную праведность и предельную святость цадика.

Четыре основных темы

Четверо «сыновей служанок» – Дан, Нафтали, Гад и Ашер – олицетворяют четыре основных темы, в течение всего дня присутствующие в жизни еврея: рассудительность, ощущение собственной причастности, благословение и наполненность.

«Рассудил меня Всесильный», – сказала Рахель, когда служанка ее Бильга родила первого сына от Якова. И назвала Рахель этого сына Дан, что на иврите означает «приговор» (30:6). «Дан будет судить народ свой», – сказал Яков в своем предсмертном благословении (49:16). Если встретится тебе человек, всегда и всюду требующий справедливости, знай, что он – из колена Данова (Талмуд, Псохим, 4а).

«Нафтали» значит «вовлеченность в борьбу» и «ощущение причастности» – второй сын, рожденный Бильгой, был назван так Рахелью в знак того, что «состязалась я с сестрой моей и преодолела» (Раши, 30:8).

В благословении, данном Яковом, а затем и Моше Ашеру, упоминается масло: «Хлеб его жирен» (49:20; традиционно этот стих переводится: «Тучен хлеб его»), – сказал о нем Яков, а Моше – «омывает в масле ногу свою» (Дворим, 33:24). В законе Торы и учении хасидизма «масло» означает качество наполненности: по самой своей природе масло пропитывает все, с чем соприкасается, «проникая туда навсегда» (см. Шулхан Орух, Йоре Деа, 105:5; Ликутей Сихос, т. 1, с. 102 и далее).

И, наконец, Гад означает «благословение» и «счастье». «Пришло счастье!» (Раши, Брейшис, 30:11) – сказала Лея, давая имя старшему сыну Зильпы.

Когда еврей молится (Реувен, Шимон, Леви и Иеуда) или погружен в изучение Торы (Исахар), или же ведет дела (Звулун), то и в совершенной святости цадика (Биньямин), и в преображающей мир борьбе баал-тшува (Иосеф), – во всяком начинании, всяком стремлении и деянии будут споспешествовать «четверо сыновей служанок»: рассудительность, все меряющая установленными нормами, которые определяют, что есть добро, а что – зло (Дан); ощущение причастности к Б-гу и вечного соприкосновения с Ним (Нафтали); «холистическое» отношение к жизни, когда делающий что-либо отдается этому целиком, так что данное дело занимает все его мысли, чувства, все его бытие (Ашер); признание того факта, что предоставленный самому себе он не смог бы сделать ничего – всё, чего нам удастся добиться, мы добиваемся с благословения Б-га и при Его поддержке (Гад)

Аієсїаї

окружением, с нашими привычками и стереотипами поведения, со страстями, что разрывают наше сердце.

Состояние борьбы свидетельствует о том, что обстоятельства существования не всецело подчинены нашей власти, в то же время это знак того, что мы еще не совсем поддались одолевающим нас искушениям: мы стоим против сил, которые пытаются оторвать нас от вечной истины, живущей в глубине души. Собственно, это и есть жизнь в ее полноте, жизнь наиболее продуктивная, в каком-то смысле более продуктивная, чем мгновенное прикосновение к истине, дарующее ощущение совершенства, пребывающего в вечной неизменности.

Но нам ведомы и иные периоды, когда мы чувствуем себя совершенно бессильными перед лицом обстоятельств. Мы только не можем подчинить их, но даже не в силах им противостоять. В такие моменты нам кажется, что жизнь замерла на своих путях, а мы заперты в тюрьме, отданы во власть отчаянья и совершенно беспомощны.

Яков

Яков был цадиком – человеком, совершенным в своей праведности, никогда не оставляющим стремления полностью подчинить себе обстоятельства жизни. В контексте этого совершенного существования он испытал все три состояния, описанные выше.

Годы в Святой Земле были временем, когда ему было дано познать безмятежность совершенной жизни – ничто враждебное внутренней сущности не вторгалось в его тихое изучение Торы, молитву и служение Г-споду. Годы в Харане можно определить как время противостояния и борьбы. В Харане Якову многое пришлось претерпеть от Лавана-обманщика, и все же он одержал верх в навязанной Лаваном игре; многое пришлось там вынести Якову, как он говорит: «Днем жег меня зной, а холод – ночью, и отлетал сон мой от глаз моих» (Брейшис, 31:40). Как сказано было Якову ангелом Эйсав перед возвращением в Харан: «Ты состязался с ангелом и с людьми, и одолел» (32:29). Последние же семнадцать лет своей жизни Яков провел в земле Египетской. И если Харан был «объектом ярости Г-сподней в мире» (Раши, Брейшис, 11:32. «Харан» значит «гнев»), то Египет был «срамом земли» (Брейшис, 42:9 и далее): никакая иная страна ни до, ни после не отошла так далеко от Б-га и не претерпела такой порчи, как Египет. Яков вынужден был воздать честь фараону (Брейшис, 47:7-10), которого в той земле почитали как верховного идола и полубога. И после смерти Якова в земле египетской тело его 40 дней пребывало в руках египетских «врачей», которые набальзамировали его, как то принято было у этого народа (Брейшис, 50:2,3). Потому-то и заповедовал Яков Иосефу похоронить его в Святой Земле (это обещание потребовало от Иосефа множества ухищрений, чтобы получить у фараона согласие; см. Раши, Брейшис, 50:6), ибо боялся, как бы место погребения не стало объектом идолопоклонства (Брейшис, 47:29).

Годы, что провел Яков в Египте, в контексте его совершенно независимой жизни олицетворяют подчинение чуждой силе. Однако почему в Торе эти годы описаны как лучшие годы жизни патриарха (см. Баал а-Турим, Брейшис, 47:28)? Дело в том, что Якову было ведомо: сами обстоятельства обращаются на пользу его народа, и порой, внешне сковав человека и поставив ему пределы, обстоятельства закаляют его дух, а в будущем служат предназначенной ему цели. Ведь именно в Египте сперва под властью, а потом под рабским ярмом фараонов, потомки Якова и стали многочисленным народом Израиля.

Предзнаменования

«Из того, что случилось когда-то с патриархами... мы можем извлечь знание о том, что суждено испытать их потомкам». Им выпадут несколько иные испытания – так подобие отлично от оригинала, но повторяемость все же различима. Наш краткий контакт с трансцендентным кажется слишком скоротечным и не имеющим каких-либо серьезных последствий на фоне нескольких десятков лет жизни Яакова в Святой Земле, жизни безмятежно-праведной; наша борьба предстает мелкой и нелепой, стоит подумать о жизни Яакова в Харане; наше существование, когда мы вынуждены подчиниться чьей-то чуждой власти и неприкрытому гнету, кажется крайне мрачным, если сравнить его с годами, проведенными Яаковом в Египте. Но при всем том три жизни Яакова послужат для нас «знамением», что ведет, вдохновляет и питает наши жизни, как они есть.

Жизнь Яакова в Святой Земле подталкивает нас к тому, чтобы и в своей жизни мы прошли через опыт истинной свободы, когда мы способны подчинить воле своего истинного «я» как внешние, так и внутренние силы, стремящиеся заглушить эту волю.

Его годы в Харане для нас своего рода ободрение: мы не только должны упорствовать и продолжать бороться, но также воспринимать само время, отданное этому противостоянию, как особо напряженное и особо наполненное смыслом из всей нашей жизни. Египетский же период жизни Яакова учит нас, как следует относиться к ситуации, когда мы вынуждены подчиниться силам, сладить с которыми не в нашей власти. Мы можем извлечь из этого и другой урок: такие периоды бессилия – тоже неотъемлемая часть нашей жизни, и мы можем извлечь из них мудрость, познать, что же такое достоинство и цельность. Так что и такие периоды могут рассматриваться как важное и плодотворное время жизни.

Áàáéσáá

БЛИЗНЕЦЫ

È éíáá íáñòáéí áðáí ÿ ðíáíá áá, è áñò - áééçí áñú á óòðíáá áá. Á íðé ðíááò áá áñííí óé íáéí ðéé, è áçüéá ííáéòóóá, è íááüçáéá áí ó íá ðééó áéóð íéòü ñéáçáá. «Ýòíò áñíáé ðáíúéá». Íí áááá áñçáðáòéé íí ðééó ñáíð, éáé áñò áñíáé áðáò áá. È ííá ñéáçáéá: «Éáé íðíðíáááóñü óú íáíðíéíí!» È íáðáééé áí óéí ÿ Íáðá. Ííòíí áñíáé áðáò áá, óéíòíðíá íá ðééá áéáü íéòü è íáðáééé áí óéí ÿ Çáðá.

Áðáéσéñ 38:27-30

[Á ááííí íòðíáéá ñéáçáíí] «áñ áðáí ÿ ðíáíá áá»; éíáá æá áñáñðéòñü í ðéáéá ñéáçáíí: «è íáñòáéí áé áðáí ÿ ðíáéòü». Á íáííí ñéó-áá íá éñíéíééñü áñá ííéíúé ñóé ááðáí áí ííñòé [è ðíáééá], áñ áòíðíí æá-ðíáééá çáíáðáí áí íí.

[Á äáííîî îò ðüíáéá] ñéíáí «áéèçíáóü» äáíí áííéííî íáíéñáíéè, òíáñà éáé á éñòíðéè Ðéáéè ñéíáí ðòí íáíéñáíí íáííéíí, éáí íáéí èç ðíæääííüò [Ðéáéíé] áüè íááíáð í ðááíí, çááñí æá íáá áüèè í ðááááíí ü.

Ðáèè

Среди многочисленных рождений, упоминаемых в книге Брейшис, о рождении близнецов говорится дважды: у Ицхака и Ривки рождаются Яков и Эйсав; у Тамар и Иеуды – Перец и Зерах.

При том, что в этих рождениях много сходного, в повествовании о них есть важные различия, касающиеся как обстоятельств, связанных с беременностью, так и некоторых специфических черт родившихся на свет пар близнецов.

Ицхак и Ривка двадцать лет прожили в бездетном браке; они молили о детях, при этом каждый в своих призывах к

Б-гу подчеркивал праведность другого (Мидраш Раба, Брейшис, 25:21;). Союз Ицхака и Ривки, освященный Г-сподом, дал двух сыновей, во многом отличных друг от друга: Яков вырос кротким мудрецом, Эйсав – грубым материалистом, которому доступен лишь поверхностный смысл вещей (Брейшис, 25:27).

Сыновья Тамар были зачаты при куда менее возвышенных обстоятельствах. Изначально Тамар была выдана замуж за Эра, старшего сына Иеуды. После его преждевременной смерти мужем Тамар стал младший брат покойного, Онан. Но и Онан умер бездетным. Тамар же, убедившись, что Иеуда не собирается отдавать ее третьему своему сыну, Шеле, переделась блудницей и соблазнила Иеуду. Когда беременность ее открылась, Тамар, по приказу Иеуды, едва не была приговорена к смерти за разврат; и лишь когда предъявила вещи, принадлежащие Иеуде, которые он оставил ей в залог своей платы, тот понял, что «блудница», с которой он возлежал, – его бывшая сноха, а близнецы в утробе ее им же самим зачаты (38:6-26).

Однако если дети, что родились от брака Ицхака и Ривки, были один праведен, а другой нет, то близнецы, появившиеся на свет в результате двусмысленного союза Тамар и Иеуды, оба были праведными. И все цари Израиля, от Давида до Мошиаха, ведут свой род от потомства Тамар (см. Рут, 4:18-22).

Это своеобразная «зеркальность», которой отмечены обе беременности и оба рождения близнецов, нашла отражение и в словах, что описывают соответствующие события. О Ривке сказано в Торе: «И настало время ей родить, и вот – близнецы в чреве ее» (25:24), тогда как о Тамар сообщается: «И когда настало ей время родить, и вот – близнецы в чреве ее» (38:28). Мудрецы обратили внимание на это различие в описании и, объясняя его, подчеркивали, что Ривка проносила положенный срок и родила по истечении девяти месяцев, тогда как Тамар родила раньше срока, на седьмом месяце (Раши, Брейшис, 25:24 и 38:27).

Также мудрецы замечали, что само слово близнецы, те'омим, предстает в этих двух рассказах Торы в различном написании. В языке Священного Писания многие слова могут быть написаны или в «полной» форме, или в «усеченной», когда одна или две буквы опущены. В случае с рассказом о рождении Переца и Зераха

слово те'омим написано в полной форме, когда же речь идет о рождении Яакова и Эйсав, дана «усеченная» запись, с пропуском букв алеф и йод. Это, по словам комментаторов, связано с тем, что близнецы, рожденные Тamar, «оба были мужами праведными, тогда как [у Ривки] один был праведником, другой – отступником» (Раши).

Иными словами, Ривка, выносив полный срок, родила при этом близнецов не вполне «полноценных» – один из них был с изъяном. Тогда как Тamar, при неполном сроке беременности, родила потомство «полное» и совершенное.

Семена зла?

Однако была ли и впрямь «совершенной» беременность Ривки? Мидраши высказываются за то, что несправедный сын Ривки заявил о зле, заложенном в нем, еще в материнской утробе.

Тора говорит, что «толкались сыновья в утробе ее» (Брейшис, 25:22). В мидраше дано следующее объяснение: «Всякий раз, когда входила она в дом молитвы или дом учения, Яаков толкался, стремясь выйти наружу... Всякий же раз, когда входила она под кров, где служили идолам, толкался Эйсав, чтобы выйти наружу» (Мидраш Раба, Брейшис, 63:6). Ривка, недоумевающая, почему столь разное ведут себя ее чада в утробе, «пошла спросить Б-га», и было сказано ей в ответ: «Два племени в чреве твоём, и два народа разойдутся из лона твоего» (Брейшис, 25:22,23).

Но в мидрашах есть и иные высказывания, которые утверждают, что Эйсав и Яаков оба взрастали как праведники, пребывая в благочестивой атмосфере родительского дома под опекой своего отмеченного святостью деда Авраама, и «лишь позже Эйсав погубил себя своими делами» (Зогар, I, 138б; Ялкут Шимеони, Иеошуа, 23).

Это аргумент в пользу нашего изначального предположения о зачатии, беременности и рождении, не запятанных злом, в результате которых, все-таки, на свет появляется «потомство, отмеченное изъяном», но последнее связано лишь с тем фактом, что Эйсав, движимый своей свободной волей, выбрал путь ко злу.

Сходное противоречие можно увидеть в суждениях мудрецов о сотворении мира Б-гом. С одной стороны, в мидрашах говорится, что «мир сотворен был во всей своей полноте» – то есть законченным и ни в чем не ведающим недостатка (Мидраш Раба, Брейшис, 14:7). И при том этот совершенный мир, сотворенный Б-гом, содержал возможность несовершенства и даже зла. В сущности, это свойство было частью самого совершенства как такового. Потому Мидраш, приводя стих «И видел Всесильный все, что он создал, и вот, весьма хорошо», дает комментарий: «весьма хорошо» – склонно к добру; «и вот, весьма хорошо» – склонно ко злу... «весьма хорошо» – будет ко благу; «и вот, весьма хорошо» – будет к страданию... «весьма хорошо» – рай; «и вот, весьма хорошо» – ад... «весьма хорошо» – ангел жизни; «и вот, весьма хорошо» – ангел смерти (там же, 9:9-12; ср. к тому же месту Коэлес, 3:15: «Хорошо» – склонность к благу; «весьма хорошо» – склонность к злу).

Две тонкости

Основной постулат иудейской веры: «Свобода выбора дана каждому человеку: если он желает обернуться к добру и быть праведником – все в его руках; если он желает обернуться ко злу и быть грешником – все в его руках» (Рамбам, Законы Тшувы, 5:1).

Однако мы видим, что одни люди восприимчивей ко злу, чем другие. Талмуд, говоря об Иове, видя в нем прообраз всякого, кому выпало претерпеть зло, указывает, что тот возвышал свой голос к Б-гу: «Создатель мироздания! Ты сотворил праведника и Ты сотворил грешника» (Талмуд, Бава Басра, 16а).

В Тании рабби Шнеур-Залман поясняет, что Б-г действительно сотворил «праведников» и «грешников»: «Праведники (цадиким) – те, кто в силу своей природы питают отвращение ко злу и желают одного только блага – потому ли, что они были такими рождены, или потому, что преобразили свои дурные желания в желание блага. Грешники же – это не означает, что они на самом деле грешники, но что они как грешники лишь в своих мыслях и помыслах и всегда будут бороться, дабы отвлекать свое внимание от них, и чтобы покорить зло. Но не смогут уничтожить его совсем, ибо это совершается праведником» (Тания, гл. 27).

Б-гу любезны оба описанных типа людей, населяющих Его мир. «Есть два вида вещественной вкусной пищи: один – то, что нежно и сладко, а другой – то, что остро или кисло, но все это хорошо приправлено и приготовлено, так что получается пища, оживляющая душу», а потому «есть два вида удовольствия Всевышнего наверху: одно – от полного уничтожения зла... что совершается праведниками; второе – когда покоряется зло, покуда оно еще сохраняет свой натиск и силу... – это совершается средними» (там же).

Таково глубинное значение сказанных Ривке слов о «двух народах», что в утробе ее. Тяготение ко злу, проявленное одним из ее близнецов, было не пороком, но в основе своей лишь «вторым видом вкусной пищи», также любезной Б-гу. И лишь позже, когда Эйсав предпочел не бороться со своей склонностью ко злу, а предаться ей, то, что было заложено в сыновьях Ривки как двойственность, стало «изъяном» ее пары близнецов.

Пребывая в утробе Ривки, Яков и Эйсав являли собой «полноту» ее беременности, ибо та заключала обе основополагающие потенции, которые Б-г вложил в творение: наслаждение совершенным благом, а также определенное удовольствие и чувство достижения цели, проистекающее исключительно из борьбы с противостоящим человеку злом.

Беременность же и роды Тамар описаны как процесс, противоположный первому, когда неблагоприятные обстоятельства и дурные поступки могут быть очищены, так что изначальное совершенство, в котором берет начало все, потенциально существующее, восстанавливается в своей полноте. Ибо когда потенциальные зло, страдание, ад и смерть актуализируются, есть возможность достижения большего совершенства путем удаления зла и преображения его во благо.

Восхождение на гору Сион

В этом – парадоксальная суть нашего существования: совершенство порождает несовершенство (как беременность Ривки), ибо ничто не может быть названо истинно совершенным, покуда в нем сохраняется внутренняя потенция для борения, делающая эту сущность уязвимой для несовершенства. Несовершенное же дает бытие совершенному (как беременность Тамар), когда сама уязвимость оборачивается тем, что в итоге борьба оказывается вознаграждена, а достигнутый результат – рождение совершенной пары близнецов, в которой явлено нетронутое злом благо, зло же – изгнано.

Вся история – благородное и исполненное страдания движение к разрешению этого парадокса, когда с приходом Мошиаха «придут спасители (потомки Тамар) на гору Сион, чтобы судить гору (Ривкиного) Эйсав» (Овадья, 1:21), соединяя уязвимость, рожденную совершенством Б-жьего Творения, с совершенством, рожденным из несовершенства условий человеческого существования.

Ōaí óèà

СВЕТ

Ííéúáà äëýòíŷ àíŷáí ü áíáé Ōaí óèè, ýòè íáè ñáýàáíú; íááíçáíéèòáéúí èì è ííéúçááòúŷ, - ííáéíí èèèúèò ñçáðòòú

Ōaí óèàéúí äŷ í íéèòáà

Нас называют «народом Книги», ибо наша приверженность ей стала легендой. Закон велит, чтобы каждое свободное мгновение мы уделяли ее изучению. Когда рождается ребенок, мы желаем его родителям: «Да будете вы достойны того, чтобы привести его к Торе». Четыре тысячи лет изучение Торы для еврея – занятие всей жизни и высшее достижение, к которому он стремится.

Тора многомерна, и уровней ее постижения множество. В самом общем виде можно выделить три основных типа изучения Торы: а) Тора как наставление в жизни;

б) Тора как средство соединения с Б-гом;

в) Тора как самоценность.

Акт постижения

На первом уровне мы изучаем Тору, дабы «знать путь, по которому идти, и дела, которые делать» (Ср. Шмойс, 18:20). Тора – Б-жественный «план творения» (Мидраш Раба, Брейшис, 1:2). Она – указание Б-га, как следует жить в сотворенном Им мире. На этом уровне мы изучаем Тору с той же целью, с которой человек, купивший некий сложный агрегат, изучает инструкцию изготовителя – конечно, он может попытаться запустить это приспособление на свой страх и риск, но в таком случае весьма велики шансы его сломать, и тогда уж точно покупатель не получит от него максимальной отдачи. Мудрецы имели в виду именно этот аспект Торы, когда говорили: «заповедь дана, чтобы очистилось существо человека» (там же, 44:1) и «Тора дана, чтобы установить мир в мире» (Сифри, цит. Рамбамом, Законы Хануки, 4:14).

Однако Тора – не только наставление в том, как нам жить, она также и средство, которое дает возможность соединиться с Б-гом. Как пишет в Тании (гл. 5) рабби Шнеур-Залман: «Когда человек ясно и до конца понимает и постигает какой-либо закон в Талмуде, разум схватывает его и объемлет собою» (то есть речь идет о феномене «полного поглощения» идей).

«Но этот закон не что иное, как Мудрость и Воля Б-га, ибо так пожелал Он, что если, к примеру, Реувен будет что-то определенным образом утверждать, а Шимон также

определенным образом ему ответит, то решение их спора должно быть также некоего определенного рода. И если даже никогда не произойдет обсуждение подобных утверждений и контраргументов, все же Воля и Мудрость Всевышнего выразились в том, что если кто-нибудь будет нечто подобным образом утверждать и кто-то другой отвечать ему, их спор должен разрешиться так, как об этом говорится в законе. И поэтому, когда человек узнает и постигает разумом это решение в виде закона... он постигает, схватывает и объемлет разумом Волю и Мудрость Всевышнего... И разум тоже в них облечен...

Это удивительное единство, подобного которому нет, и в вещественном мире не существует такого совершенного единства со всех сторон и во всех отношениях».

Наконец, существует третий уровень изучения Торы – Тора лишмо, «Тора ради Торы». На первых двух уровнях изучение Торы служит некоей цели: овладению искусством жить и делать мир совершенным или служить более трансцендентной цели соединения с Б-гом. Однако высший уровень постижения Торы – постижение Торы ради нее самой: изучение, единственная цель которого – поглощенность актом изучения Торы.

Свет в трех измерениях

«Ибо заповедь – светильник, – говорит царь Шломо в Мишлей, – и Тора – свет» (6:23). Свет – метафора для Торы, в то же время свет принимает три сущностных формы: свет как орудие жизни, свет как средство соединения с высшим и свет в качестве себя самого.

Эти три состояния света можно проиллюстрировать тремя заповедями, касающимися зажигания свечей: зажигание свечей в Субботу, зажигание меноры в Святом Храме и зажигание ханукальных свечей.

Смысл субботних свечей заключается в том, чтобы создавать шолом байс – «мир в доме», атмосферу уюта и покоя в нем в честь Субботы (Талмуд и Раши, Шабос, 23б и 25б). Так, Рамбам (Законы Хануки, 4:14) наставляет: «Если у кого-то денег хватает либо на свечу для дома, либо на хлеб и вино для кидуша, прежде следует позаботиться о свече для дома, ибо та приносит в дом мир. Ибо... вся Тора была дана, дабы привнести мир в мироздание». Тем самым субботние свечи олицетворяют Тору как наставницу жизни в гармонии и совершенстве.

Свечи, зажигаемые в Святом Храме, служат цели более высокой. Храм был «домом Б-га», в котором гармония и совершенство Б-жественности было явлено во всей славе их. «Нуждается ли тогда это место в освещении?» – спрашивает Талмуд. И отвечает: но свет меноры Храма служил «свидетельством всему миру, что Шхина присутствует в Израиле» (там же, 22б).

Огни Храма олицетворяли Тору, когда та служит не только улучшению творения, но идет еще дальше, соединяя небо и землю, человека и Б-га.

Но у нас есть также ханукальные свечи. При том, что им дано «возвещать всем чуду» (там же, 23б), это не определяет их сущности. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, когда обстоятельства не благоприятствуют тому, чтобы выставлять ханукальную менору на публичное обозрение, «можно поставить ее на стол, и того будет достаточно» для полного исполнения заповеди (там же) (в отличие от субботних свечей, благословить которые можно, только если они служат тому, чтобы привнести еще свет в дом» (См. Шульхан Орух а-Рав Орах Хаим, 263:10, и цитируемые там источники).

При этом закон запрещает использовать свет ханукальной меноры для каких бы то ни было практических целей – ханукальные свечи «предназначены исключительно для созерцания». Это – сам сущностный свет Торы: свет ради себя самого; свет в качестве света.

Ī ēēāēō

СКЛОНИВШИЕСЯ ПАСТУХИ

*Ēīīō āá áūē īđāēōāēāī nōđāíū, īīī
īđīāāāēō ēēāā āīīī ó īāđīāō nōđāíū. Ē īđēōēē āđāōū
Ēīīōā ē īīēēīīēēēīīīāđāā īēī āī çāī ēē... Ē āīīī īēē
Ēīīō īīū, ēīōīđūāīīēēēīīāī óī īēā..*

Áđāēōēī 42:6, 9

За двадцать лет до описываемого дня Иосеф видел два сна, в которых было предсказано то, что теперь сбылось уже наполовину. В первом сне ему снилось: «Вот мы вяжем снопы среди поля, и вот поднялся мой сноп и стал, и вот кругом стали ваши снопы и поклонились моему снопу» (Брейшис, 37:7). Во втором же сне Иосеф видел: «вот солнце и луна и одиннадцать звезд кланяются мне» (37:9).

Братья, которые и так ревновали Иосефа за то, что отец любит его более других своих сыновей, «еще более возненавидели его за сны и за речи его» (37:8). Яаков же «сохранил в сердце эти слова» (37:11) и «ждал исполнения их и предвкушал это» (Раши).

Но чтобы исполнились те сны, Яакову пришлось двадцать лет оплакивать потерю своего возлюбленного сына, Иосефу – пройти через рабство и узилище, а его братьям – пережить муки раскаянья. Двадцать исполненных боли лет протекли, прежде чем сыновья Яакова простерлись перед наместником Египта, который, не признанный ими, и был тем самым «сновидцем», которого они продали в рабство. Почему все же настолько важно было, чтобы братья простерлись перед Иосефом? И почему Яаков ждал исполнения тех снов и предвкушал это несмотря на то что осознавал (см. Раши, 37:10): его ожидание лишь провоцирует вражду среди детей?

Новый тип еврея

Авраам, Ицхак и Яаков были пастухами, так же, как пастухами были и сыновья Яакова (ср. Брейшис, 46:34.). Они выбрали это призвание, ибо полагали, что пастушья жизнь – жизнь в уединении, в слиянии с природой, вдали от суеты и шума городской толчеи, – наиболее плодотворна для их духовных поисков. Когда они пасли овец в долинах и на холмах Кнаана, они могли, презрев мирские заботы, предаваться размышлениям о величии Творца и служении Ему – предаваться с ясностью в душе и покоем в сердце (Сефер а-Мааморим, 5765, с. 192).

Иосеф же отличался от них. Он был человеком мирским, «человеком преуспевающим» (Иш мацлиах – Брейшис, 39:2) в том, что касается торговли и политики. Проданный в рабство, он вскоре сделался главным управляющим, тем, кто ведает всеми делами своего хозяина. Брошенный в тюрьму, он вскоре становится одним из тех, кто принадлежит к верхушке тюремной администрации. А покидает тюрьму он, чтобы стать

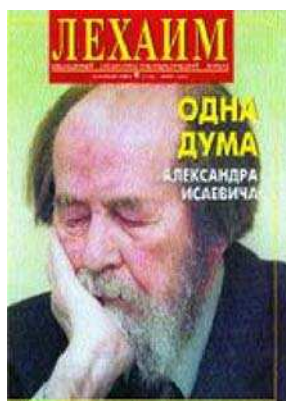
наместником Египта, вторым после фараона человеком в самой могущественной стране на земле и единственным поставщиком продуктов для целого региона.

Однако ничто из всего, что пришлось ему претерпеть, не изменило его. Он остался все тем же праведным Иосефом, что изучал Тору у ног своего отца (Раши, Брейшис, 47:31). Раб, узник, правитель миллионов, человек, распоряжающийся богатством целой империи, – все это не имело значения: по улицам развращенного Египта ходил тот же Иосеф, что размышлял о Б-ге на холмах и в долинах кнаанских. Его духовность, мораль – они росли изнутри и совершенно не зависели ни от общества, ни от среды, ни от того, чем ему приходилось заниматься, хотя эти занятия требовали круглосуточной сосредоточенности именно на них.

Конфликт Иосефа с братьями – куда глубже, чем просто зависть к цветным одеждам брата или большей доле отцовского внимания, достающейся ему. То был конфликт между духовной традицией и новой светскостью; между сообществом пастухов и политиком. Братья не могли принять саму возможность того, что человек совершенно мирского образа жизни способен не поддаться материальным благам, может, оставаясь в единении с Б-гом, жить во дворцах языческого Египта. (Тот факт, что «узнал Иосеф братьев своих, а они не узнали его» (Брейшис, 42:8), имеет глубокое значение. Сыновья Яакова были не способны признать «брата» (того, кто равен им духовно) в человеке, столь погруженном в материальные заботы мира).

В течение двухсот лет пастушеская жизнь давала преимущество исповедовавшим духовность. Но Яаков знал: если его потомкам предначертано пережить египетский голус (изгнание), так же как тысячелетие вавилонского, греческого, римского, восточного, западного, экономического, религиозного и культурного голуса, уготованного для них историей – они должны склониться перед тем кредо, в котором предстает Иосеф. Если детям Израиля суждено пройти через все социальные потрясения четырех тысяч лет и остаться народом Б-га, они должны подчиниться Иосефу.

ОТВЕТ Д. МАРКИШУ

К сожалению, только сейчас я прочитала отклик Давида Маркиша на книгу А.И. Солженицына «Двести лет вместе (1795-1995)» в сентябрьском выпуске «Лехаим». Отклик помещен в рубрике «Взгляд с пристрастием», и потому не удивляют пристрастные искажения и передергивания мнений автора – вдоль всего текста, в каждом абзаце.

Удивляет развязность тона, резко контрастирующая с тоном и настроением обсуждаемой книги. А главное – ошеломляющая несостоятельность возражений.

Д. Маркиш поучает Солженицына: «Лишь проверенные факты полновесны». (Будучи редактором книги, успокою Маркиша и заверю читателей: все факты проверены самым добросовестным образом.) Рассуждения Маркиша вовсе лишены какой-либо, хоть малой, конкретности. За исключением одного факта, на котором он строит главный пафос отповеди, – но которым, увы, обнаруживает постыдное для русско-еврейского литератора невежество.

Маркиш пишет: «Как известно, Столыпин был застрелен выкрестом Дмитрием Богровым», который «был ненавистен киевской общине... как предатель религиозного наследия отцов». И многословно возмущается тем, что Солженицын это «игнорирует».

Я думаю, читателям Вашего журнала должно быть не только интересно, но и важно знать истинное положение. А оно таково. Дед Богрова, Григорий Исаакович Богров, был еврейским бытописателем (самые известные вещи: «Записки еврея», напечатанные в некрасовских «Отечественных записках» в 1871-73 годах, и была «Пойманник»). Женившись в 17 лет (от этого брака родился отец Богрова), он, однако, вскоре развелся с женой и прожил всю жизнь в литературных занятиях, отдельно от первой семьи. За несколько месяцев до смерти он принял крещение, чтобы жениться на православной женщине (Краткая Еврейская Энциклопедия, т. 4, с. 734). – Но ни сын его от первого брака, ни внуки никогда не крестились и от еврейства не уходили. Отец Богрова был известный адвокат и уважаемый член еврейской общины Киева. Сам Дмитрий не только не прятал своего еврейства, но когда возник вопрос о крещении, дабы избежать трудностей в адвокатской карьере, он отверг эту мысль «в принципе» (А. Мушин. «Дмитрий Богров и убийство Столыпина» /Предисл. В.Л. Бурцева/. Париж, 1914, с. 124). – В тюремной камере Богров беседовал с раввином, и при казни его присутствовал раввин.

Итак, Дмитрий Богров никогда не отказывался от своего еврейства – зачем же Маркиш делает это за него? (И еще продолжает: «Солженицын нередко ссылается на

евреев, принявших крещение, начисто игнорируя, что выкресты... занимали, как правило, антисемитские радикальные позиции». – Да укажите же, где в книге такие евреи? – автору и мне они неизвестны. Или он зачисляет их в «выкресты», потому что ему слова их не нравятся?)

Лев Лосев написал в свое время об «Августе 1914»: «За антисемитское прочтение его книги Солженицын несет не больше ответственности, чем Шекспир за подобную трактовку “Венцианского купца”» («22», Тель-Авив, 1984, № 39, с. 187).

В той же мере это относится к «200 лет вместе». Книга написана в надежде «найти доброжелательных собеседников и в евреях, и в русских», чтобы вместе искать «все точки единого понимания и все возможные пути в будущее, очищенные от горечи прошлого».

Маркиш выбирает «антисемитское прочтение». Его воля. Искать «единое понимание» ему не нужно. Однако вряд ли можно назвать перспективной его безоглядную готовность всякого еврея с несовпадающим пониманием зачислить в вероотступники и отщепенцы, а всякого такого не-еврея – в антисемиты.

Γὰρ ἀεὶ ἦ ἤματι ἐοῦν ἂ

Διὰ τὸ ἰδὲ εἶεῖ «200 ἔαο ἀὶ ἀπὸ ἂ»

ГЕРОИЗМ ДУХА, УМНОЖАЮЩИЙ СВЕТ

Ėāçāðī Ī āīāāð

Уже более 2 тысяч лет Ханука – национальный еврейский праздник.

165 году до новой эры еврейские отряды под водительством Иеуды Маккавея нанесли решающее поражение греко-сирийскому войску царя Антиоха IV. Были освобождены Иерусалим и священный второй иерусалимский Храм. 25 Кислева при большом скоплении народа состоялось освящение Храма. Этот день и был определен мудрецами как начало восьмидневного праздника.

Сама победа немногочисленных еврейских отрядов над значительно превосходящим и числом, и вооруженностью, и военным опытом войском Антиоха явилась чудом. За эту чудесную победу было установлено специальное благодарение Б-гу, в котором есть такие слова: «Ты предал героев в руки слабых, многих – в руки немногих, нечистых – в руки чистых, злодеев – в руки праведных, живущих твоей Торой».

«Героями» здесь названы сирийцы и греки, евреи же отнесены к «слабым», победившим не благодаря их силе, а вопреки их слабости, ибо героизм в еврейской традиции – это героизм не меча, а духа.

Историки отмечают: победившие евреи освящали Храм, но не меч. Прославлялись победа света и подвиги погибших, но оплакивать их было запрещено.

Вступившие в Храм маккавеи были поражены масштабом злодеяний, совершенных оккупантами. Все было осквернено: на алтаре приносились в жертву свиньи, здесь и там высились обнаженные статуи греческих богов, золотые и серебряные сосуды, жертвенник, украшения внутри и вне стен Храма были разграблены или испорчены. Исчезла и одна из главных святынь Храма – золотая Менора (семисвечник). Пока очищали Храм, заменяли алтарь и жертвенник, была изготовлена новая Менора, подобная украденной. Для нее нашелся один единственный кувшинчик с оливковым маслом, опечатанный печатью первосвященника. Однако его содержимого могло хватить лишь на сутки вместо необходимых для приготовления нового масла восьми...

Но произошло еще одно чудо: Менора горела все восемь суток.

В ознаменование этого Б-жьего чуда было постановлено учредить праздник Хануки и отмечать его в течение восьми дней. Символом праздника стала Менора не из семи, а из восьми свечей (об их значении см. в «Лехаиме» № 11/79/, 1998), существенно отличающаяся по устройству от храмовой.

Храмовая Менора с семью лампадами стала символом еврейского народа еще со времен Моше. Ее изготавливали в период Исхода одновременно с переносным святилищем – мишканом. Она детально описана во второй книге Торы Шмойс (25:31-37). Согласно повелению Б-га вся она должна была быть выкована из цельного слитка чистого золота; из ее центрального ствола должны были симметрично выходить шесть ветвей – по три с каждой стороны; основание, ствол и ветви Меноры должны были иметь украшения в виде чашечек, шаров и цветков. Верхние концы ствола располагались на одном уровне, и каждый оканчивался чашечкой для масла с фитилем.

Шесть ветвей Меноры символизируют сотворение мира за шесть дней, а седьмая (ствол) – Субботу. По другой версии шесть ветвей олицетворяют шесть частей света, средняя же – небо.

Менора в первом Храме царя Соломона соответствовала описанной в Торе. Она горела постоянно, уход за ней входил в обязанности священника. Перед разрушением Храма священники успели спрятать Менору, куда – неизвестно по сей день. Изображение ее до нас не дошло в отличие от Меноры второго Храма времен маккавеев. После его разрушения в 70 году новой эры римлянами император Тит вывез Менору в Рим. Там в честь своей победы он велел изобразить ее на триумфальной арке. Впрочем, есть основания полагать, что изображена не храмовая Менора.

Изготавливать точную копию храмовой Меноры запрещено, так как нельзя заменить свет Храма. Зато ее изображение (по Рамбаму оно несколько иное) увековечено в гербе современного Государства Израиль.

Для светильника использовалось оливковое масло, особое, которое дает при сгорании чистый и яркий свет. Это масло добывалось из плодов масличных деревьев, во множестве произрастающих в Израиле еще с библейских времен.

С установлением праздника Хануки у еврейского народа появилась еще одна Менора – ханукальная. Как и у храмовой, у нее строго постоянное количество свечей (если у первой 7,

то у второй – 8), обе они не могут быть использованы для освещения помещения, а только как средство духовного общения с Б-гом. В отличие от храмовой Меноры, которая должна гореть постоянно, ханукальная зажигается только в дни праздника. Она имеет еще одну дополнительную, служебную свечу – шамаш, которой зажигаются все остальные и которую устанавливают вне ряда ханукальных.

Провозгласив праздник Ханука, старейшины Иудеи составили заповеди, отражающие его особенности и правила, включая также ритуал и место зажигания свечей.

Согласно первоначальной заповеди ханукальные светильники следовало зажигать у входа в дом, чтобы напоминать всем о чуде, дарованном евреям Всевышним. Однако жизнь среди враждебных народов, когда само исполнение еврейских обрядов грозило смертью, заставила евреев зажигать светильники за закрытой дверью. Их стали устанавливать у окна, чтобы сквозь него свет ханукии распространялся за пределы дома.

Пока горят ханукальные свечи, не рекомендуется работать, зато поощряется веселое времяпрепровождение, забавы, танцы, игры. Дети традиционно играют в специальный волчок, который называют свивон или дрейдл.

Материал для ханукального светильника, лампад, фитилей может быть самым разнообразным. Также и их конструкции. В средние века получили распространение ханукии с задней стенкой и с боковым обрамлением. В музее Израиля в разделе иудаики целая стена отведена ханукиям, созданным мастерами разных стран и эпох. Собранные вместе, они по-своему подтверждают слова «Ам эхад, паним работ» – «Народ один, а лиц у него множество».

На немецкой ханукии XVIII века изображен Моисей со скрижалями Завета и его брат, первосвященник Аарон. На голландской – разведчики, посланные в землю кнаанскую, несут на плечах шест с громадной гроздьё винограда, спускающейся до самой земли и свидетельствующей, что земля та богата и плодородна. В странах Восточной и Северной Африки на ханукиях часто изображали птиц, иногда полумесяц, цветы, колонны, различные архитектурные элементы. Например, задняя стенка одного марокканского светильника выполнена в стиле, в каком строятся дома в этом районе, – с арками и воротами. Бывало, украшениями ханукий служили гербы аристократических родов, не имеющих никакого отношения к еврейству. Сохранился редкий ханукальный светильник, в котором свечи находятся в красиво оформленной коробочке. Открыв ее крышку, свечи можно зажигать, а по окончании праздника или в случае необходимости крышка закрывается. Возможно, такими светильниками пользовались в Испании во времена инквизиции.

В наши дни ханукальное веселье вышло на улицы. В современном Израиле спортивное общество «Макаби» в дни праздника устраивает факельные пробеги и шествия. По стране во множестве разъезжают машины с ханукиями, большими светильниками украшают улицы городов. Есть такая возможность у евреев и в других странах. С перестройкой ханукии загорелись и у нас, в бывшем СССР, сначала в домах, а год от года все в большем количестве городов на центральных улицах и площадях вспыхивают их огни, а сам праздник нередко посещают руководители мэрий и даже государства.

Таковы исторические последствия победы евреев в войне за независимость своего государства и освобождение иерусалимского Храма.

Войне евреев против греко-сирийских войск и в частности событиям в Храме после его освобождения посвящены многие произведения религиозных и политических еврейских деятелей, историков, публицистов, писателей. Однако ежегодно в праздничные дни события далеких дней вспоминают с неизменным интересом, появляются все новые публикации.

Одной из наиболее популярных признана известная книга американского писателя Говарда Фаста «Мои прославленные братья», которая вышла на русском языке в 1990 году в издательстве «Библиотека-Алия» (Иерусалим). В предисловии сообщается,

что в русском переводе она впервые вышла не в официальном издательстве, а появилась в самиздате и вызвала большой интерес читателей-евреев в СССР. Найти этот перевод не удалось, и роман Говарда Фаста вышел в новом переводе Георгия Вена.

Интересна судьба автора романа. Г. Фаст (родился в 1914 году) был членом коммунистической партии США, причем настолько известным, что в 1953 году ему была присуждена Международная Сталинская (Ленинская) премия «За укрепление мира между народами». Так вышло, что вскоре после этого он разочаровался в коммунизме и демонстративно покинул компартию.

«В наши дни необходимо и ценно вспомнить о человеческой солидарности в прошлом», – в своем обращении к читателям пишет Г. Фаст. И признается, что своей книгой обязан «прекрасным людям того времени, которых их вера, их образ жизни и любовь к родине привели к великой мысли о том, что сопротивление деспотизму есть подлинное повиновение Б-гу». Книга посвящена «Всем людям, евреям и неевреям, отдавшим свои жизни в древней и до сих пор незаконченной борьбе за свободу и достоинство человека».

Еще раз вместе с Г. Фастом вспомним историю той войны.

В эпоху второго Храма Иудея оказалась под господством Сирии, где в 196 году до новой эры на трон взошел Антиох IV, принявший имя Епифан (знаменитый). Но народ прозвал его «Епиман» (умалишенный). Грек по происхождению он был необузданным тираном, фанатично преданным греческому образу жизни и, невзирая на средства, насаждал его где только мог.

Встретив сопротивление евреев, Антиох решил полностью уничтожить все очаги еврейской культуры, заменить ее греческой во что бы то ни стало. Его наместники с сотней наемников входили в города и деревни, грабили и убивали людей, облагали их непосильными налогами. Были запрещены изучение Торы, обрезание, молитвы, нарушителям грозила смерть. Всюду устанавливались статуи греческих богов и богинь, перед которыми жители должны были совершать обряды и приносить жертвы.

Восстание началось в Модиине, деревне между Иерусалимом и морем, куда прибыл наместник Антиоха. Его наемники осквернили синагогу, вытащили священные свитки Закона и на глазах у всех сожгли. Затем был установлен привезенный алтарь, увенчанный статуэткой Афины, и наместник приказал плененному им в Иерусалиме левиту зажечь на этом алтаре огонь и воскурить фимиам. Но когда тот попытался это сделать, старейшина Модиина Матитьяу ножом убил его. Это послужило сигналом – модиинцы бросились на язычников и перебили всех. После этого они ушли в горы и, организовав там боевые отряды, вступили в бескомпромиссную войну против тирании.

Ярко и увлекательно воссоздает Говард Фаст картины жизни древней Иудеи, ее природу, события, битвы, благородные образы еврейских вождей. Это была первая подлинно национально-освободительная война, в которой евреи сражались за свою землю, свободу и веру.

В Иудее, как и в других странах в то время, были рабы, но отношение к ним было принципиально иным: раба нельзя было бить – в противном случае он имел право потребовать свободу; он мог входить в дом своего хозяина и даже быть там своим человеком. Евреи были единственным в мире народом, закон которого предписывал освобождать раба после семи лет неволи. В этой войне, происшедшей за несколько

десятков лет до восстания Спартака, евреи освободили всех своих рабов. Впервые рабы добровольно воевали на стороне своих хозяев.

У евреев не было наемников, и потому их отряды всегда были очень малочисленны по сравнению с сирийским войском, в котором основную силу составляли наемники. Не было у евреев и оружия, и поначалу они воевали трофейным. Но преимущество их было в том, что они любили и хорошо знали свою землю, к тому же повстанцев поддерживало население.

Во главе отрядов встали старейшина Матитьяу и его пять сыновей: Иоханан, Шимон, Иеуда, Эльзар и Ионатан. Все они погибли за свободу Иудеи – трое до освобождения Храма, трое позже.

После гибели отца отряды возглавил Иеуда, оказавшийся талантливым полководцем. Он избегал сражений на равнинах и применял партизанскую тактику: заманивал сирийские отряды в леса, горы и болота и там, имея явные преимущества, уничтожал их. На его счету не было ни одного поражения.

Для усиления армии в сирийские войска были введены специально обученные боевые слоны. Под тяжестью одного из них, которого удалось убить, героически погиб Эльзар.

Надо сказать, слоны мало помогли сирийцам в борьбе с партизанскими отрядами. В результате многолетней войны армия завоевателей была ослаблена. Кроме того, у Сирии появился могущественный соперник – Рим, также имевший виды на Иудею. Сирийцы вынуждены были поспешно покинуть Иудею, и отряды Иуды Маккавея вошли в Иерусалим.

Г. Фаст заканчивает свою книгу отчетом римского легата, посланного сенатом в Иудею для знакомства со страной и ее вождем Шимоном, единственным оставшимся в живых Маккавеем: «Евреи представляют собою серьезную угрозу Риму, поскольку они отрицают основу западной культуры – свободное рабовладение». Что и говорить, достойный и красноречивый финал.

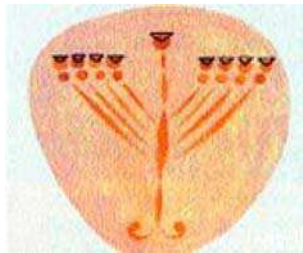
Героизму Маккавеев также посвящены замечательные музыкальные произведения. Среди них опера А. Рубинштейна «Маккавеи», оратория Г. Генделя «Иуда Маккавей».

В одной из своих бесед Любавичский Ребе сказал: «...Многие тираны пытались уничтожить нас и нашу веру. Иногда они направляли свои отравленные стрелы против наших тел, иногда – против наших душ... В этих условиях мы должны уподобить себя отряду Хашмонеев (Маккавеев), которые всегда оставались верными заветам своих отцов».

ПРАЗДНИКЕ ХАНУКА

Nei Ii BeIamí

Один из моих студентов сказал мне однажды, что ненавидит праздник Ханука и объяснил: в детстве отец несправедливо наказывал его, а Ханука приводила отца в состояние умиленности, и тогда он заваливал ребенка подарками и требовал при этом, чтобы тот выказывал радость и веселился. Лицемерие отца, его стремление демонстрировать деланные семейное благополучие и любовь к детям претили сыну и в конце концов вселили в него отвращение к празднику Ханука, которое осталось, даже когда он повзрослел.

Слава Б-гу, большинство из нас выросло в сравнительно дружных семьях и избежало подобных переживаний. Однако этот рассказ меня потряс и заставил проанализировать собственный опыт. Ханука – время, когда вся семья собирается вместе. Может, наше отношение к Хануке обусловлено не столько силой этого праздника, сколько взаимоотношениями членов семьи? Способен ли свет Меноры своим животворным сиянием разогнать тьму в неблагополучной, недружной семье? А для детей, выросших в семьях с более здоровым климатом, представляет ли Ханука нечто большее, нежели просто получение подарков и тепло семейных уз?

Если внимательней изучить детали Хануки, то окажется, что и Менора, и история праздника, и число свечей на самом деле обуславливают наше душевное состояние.

Когда заходит солнце и на землю опускаются сумерки, мы зажигаем ханукию, рождающую свет во тьме. Всмотритесь в эти огни, и они расскажут вам историю, которая научит, как обрести более глубокую, куда более значительную жизнь, поможет принять вызов жизненных обстоятельств, преодолеть трудности. Сядьте поближе, тихо всмотритесь в огни, задумайтесь, что они означают.

Душа человека – огонь, зажженный Б-гом, – сказано в Торе. Подобно тому, как огонь греет и освещает все вокруг, так и вы, опираясь на свои духовные силы, можете наполнить жизнь окружающих теплом и светом. В противоположность всему другому в физическом мире, которое подчинено силе земного притяжения, пляшущие языки пламени тянутся вверх, бросая вызов закону земного тяготения. Точно так же и ваша душа, не довольствуясь простым физическим комфортом, тянется ввысь к чему-то выходящему за пределы земного.

Ханука приходит осветить не только нашу собственную жизнь. Вы ставите Менору у окна или на пороге дома, чтобы свет, исходящий от нее, разгонял тьму и освещал окружающее. Ханука напоминает нам, что мы можем и обязаны влиять на состояние всего, что вокруг, подсказывает, как своей добротой и заботой надо каждодневно освещать жизнь других. От одного огонька загорается другой огонек, но первый от этого не уменьшается, — так и человек, делясь своей радостью, заботясь о других, становится сильнее, его силы не убывают, когда он делится с другими. День за днем следует добавлять света себе самому и освещать все ближнее и далекое, ежедневно делая по доброму делу, зажигая хотя бы один огонек.

Сущность Хануки гораздо глубже: эта история разгоняет тьму во всей нашей жизни. Свет Меноры уходит далеко в глубь веков, в те времена, когда после великой победы, одержанной небольшим отрядом евреев в сражении с вооруженными войсками могущественной греческой империи, маккавеи долго искали в развалинах оскверненного язычниками Храма масло, чтобы зажечь светильник, и, о чудо, нашли один запечатанный сосуд, содержимого которого чудесным образом хватило на восемь дней.

Когда наш внутренний Храм осквернен и нигде нет масла, чтобы зажечь огонь, в ваших силах почерпнуть свет в глубинах собственного «я». Душа всегда остается нетронутой, неприкосновенной, как маяк. Когда в трудных обстоятельствах вы зажжете свою Менору, дабы свет разогнал тьму, этот свет никогда не потухнет. Огонь Меноры — это ответ на брошенный вызов, он помог превозмочь боль, и дал возможность вырасти над собой. Это тот огонь, который, одолевая силы природы, превращает тьму в свет.

Способность преодолеть тьму нисходит откуда-то свыше. Поэтому мы зажигаем восемь свечей, мистическое, трансцендентальное число, говорящее о вечности. Оно на единицу больше числа семь, олицетворяющего естественный цикл. А чтобы разогнать тьму одним лучом света, нельзя полагаться на естественный ход вещей, нужно черпать свет из более глубокого источника — это восьмое измерение.

Эти элементы Хануки — чудесное обретение масла, восемь мерцающих огней в память о восьми днях горения Меноры, свет, разгоняющий тьму на улице, — все это по сути своей нам знак, чтобы мы положились на свои духовные и душевные силы. Душа

наша подобна огню, который трансцендентален: он не только разгоняет тьму, как всякий свет, но преобразует ее в свет...

И я обращаюсь к своему студенту, для которого праздник Хануки оравлен воспоминаниями оскорбленной детской души: «Дорогой друг, говорю тебе, как и себе: пути Г-сподни неисповедимы. Мы, вероятно, никогда не сможем понять, почему Он сделал так, что одни из нас родились в крепких семьях, другие – в распадающихся, несчастливых. Но какие бы трудности ни встретились нам в жизни, Б-г дает нам силу и крепость не быть жертвами обстоятельств, изменить свою жизнь, направив ее по другому пути. Вместо того чтобы слушать людей смертных, со всяческими недостатками, прислушайся к пламени Меноры. Не позволяй, чтобы субъективная и даже неправильная позиция родителей, имеющих психологические проблемы, поглотила пламя твоей горячей души. Борись с тьмой, лучась светом! Пусть твоя нежная душа говорит с тобой и с другими, и этот духовный свет поможет развеять тьму».

ПРИМЕТЫ ВОЗРОЖДЕННОЙ ИСТОРИИ

Кажется, совсем недавно минули торжественные и радостные дни месяца Тишрей, а вот уже и Ханука – время летит так быстро! Вспоминая подвиг маккавеев, всякий раз невольно задаешься вопросом: а что я сделал для своего народа?.. И начинаешь «ревизию» дел, решаешь, чем нынешний год отличается от минувшего и давних, что сделано, а что только предстоит... Так в масштабах личных, так же и в общинных: все ли в порядке в нашем обширном – от Калининграда до Магадана – общинном хозяйстве? Многотысячные объединения больших городов уверенно входят во второе десятилетие своей возрожденной истории, другие же, в небольших «населенных пунктах», где и евреев-то, бывает, не больше сотни, делают лишь первые шаги на этом пути. А путь этот — дорога длиною в вечность. Но именно эти первые робкие ростки еврейской жизни особенно значимы, и, быть может, именно они составляют главную приметку еврейской жизни России в уходящем году. Чтобы никого не обидеть, ни «больших», ни «малых», начнем по алфавиту...

Члены еврейской общины Архангельска вместе встречают Субботу, отмечают праздники. Вскоре откроет свои двери еврейская воскресная школа. Работает Хесед. В общину пришло много молодых людей, дав новый импульс деятельности молодежного клуба. Все еврейские организации города работают для достижения одной цели: поддержки общины и каждого ее члена. Но, как известно, та или иная группа людей по-настоящему не станет общиной, пока финансирование не осуществляется преимущественно из ее внутренних источников. В этой связи начато сотрудничество с представителями местного бизнеса. Руководство общины ищет возможности реализовать один из своих главных проектов — построить городской еврейский центр.

В нынешнем году произошли серьезные качественные изменения в работе еврейской общины Астрахани. Здесь начал работать молодежный отдел, где можно получить информацию о традициях, истории и религии еврейского народа. Прошли две большие концертные программы, собравшие немало зрителей. Проводились тематические беседы по изучению Торы. Открылся ульпан.

Важно отметить, что у общины «СФАРД» есть собственная библиотека, в фондах которой хранятся раритетные издания. В минувшем году были восстановлены двадцать сидуров (молитвенников) и старинных книг. Для нужд общины ФЕОР прислала махзоры (специальные молитвенники к Рош а-Шона и Йом Кипуру). Члены общины сами приобрели тфилины, и теперь утренние молитвы будут проходить в соответствии с законом. К сожалению, пока еще здесь нет духовного лидера – раввина, да и свиток Торы находится на восстановлении.

Община города Балаково существует немногим более года, в ней около 70 членов. Однако Субботы и праздники уже стали основой ее жизни. Проходят занятия по основам иудаизма, истории и традициям. Регулярно приходит сюда еврейская периодика. Представители общины приняли участие в первом Всероссийском фестивале еврейской музыки, песни и танца в Казани.

За два года в Боровичах община значительно подросла, для нее открыты новые эффективные программы. А главное, отремонтирована и открыта синагога. При поддержке организации «Движение без границ» действует культурно-просветительский центр «Хаверим», здесь занимаются с молодежью и детьми. При содействии «Джойнта» организованы мини-хесед, библиотека, видеоклуб. Благодаря ФЕОР члены общины регулярно отмечают Субботу. В истекшем году открылся ульпан, работает клуб «Говорим на идише».

Интересные формы работы получили свое развитие в иудейской общине Брянска — она веб-мастер крупного и довольно известного сайта «Хасидус по-русски», посещаемость которого не уступает другим популярным сайтам по традиции. Еще община стала издавать газету «Фарбренген», ее тираж, 40 тысяч экземпляров, распространяется по всем общинам ФЕОР и другим еврейским организациям России и СНГ.

По мнению председателя Брянской иудейской общины И. Ройтмана, важнейшим делом ФЕОР должна стать разработка серьезной системы подготовки председателей и координаторов. Необходимо привлечь для участия в этом людей науки, бизнеса и властных структур. Все это даст возможность эффективно обмениваться идеями, использовать и повышать интеллектуальный потенциал общин, входящих в ФЕОР.

Активизируется еврейская жизнь во Владивостоке. Значительно выросла популярность общинной газеты «Седьмой день». Здешний интернет-сайт считается одним из лучших среди русскоязычных сайтов ФЕОР. В прошедшем году заметно оживили культурную жизнь города регулярные выступления клейзмерского ансамбля «Ноар». При определенной финансовой поддержке местные клейзмеры могли бы с успехом гастролировать по городам Дальнего Востока.

Для еврейской общины Волгограда главное – приобщение к традициям молодежи. Только за прошедший год обряд обрезания совершили 37 человек, на учебу в ешивы СНГ были направлены восемь молодых людей, еще один заканчивает религиозную школу в Израиле, три девушки учатся в московском махоне «Хая-Мушка». В общине регулярно проводятся хупы, бар- и бас-мицвы, совершается брис-мила. Как показывает жизнь, для многих путь возвращения к еврейству начинается с кадиша в миньяне по умершему родственнику. И все же отсутствие действующей синагоги значительно ограничивает возможность привлекать евреев к родным традициям.

В волгоградской общине уже стали традиционными театрализованные, литературные и музыкальные вечера в дни еврейских праздников, в честь памятных дат и знаменательных событий еврейской жизни. С успехом прошли гастрольные концерты петербургского кантора Б. Финкельштейна и нижегородского ансамбля «Фрейлахс», большой интерес вызвал общинный фестиваль еврейской книги. При общине работают молодежный клуб, еврейская воскресная школа «Возрождение», средняя общеобразовательная школа «Ор Авнер», семейный клуб «Бейтиют», издается еврейская региональная газета «Шофар Поволжья». Ведется большая благотворительная работа: организуются трапезы, распределяется гуманитарная помощь, регулярно продовольственную помощь получают малообеспеченные семьи. Чтобы пожилые люди не чувствовали себя одинокими, для них организован клуб «Посиделки». Скоро откроются женский клуб и две школы: для вожатых летнего лагеря «Ган Исроэл» и школа экскурсоводов.

Городская администрация высоко ценит деятельность еврейской общины и оказывает конструктивную помощь во всех ее начинаниях. Благодаря инициативе руководства общины по каналам городского радио и телевидения регулярно транслируются передачи на еврейскую тему. Авторитет еврейской общины так велик, что в городе пресекаются любые публичные попытки проявления антисемитизма. Так, например, недавно был отменен концерт профашистской рок-группы «Коловрат».

В минувшем году численность зарегистрированных членов еврейской общины Выборга выросла почти в два раза — от 170 до 300 человек. Распахнул свои двери новый офис. Действуют программы «Тора в каждый еврейский дом», идентичная программа связана с мезузой. Они осуществляются при участии ешивы Петербурга. Регулярно собирается семейный клуб. Работает еврейская благотворительная столовая, программа «Теплый еврейский дом». Деятельность общины освещается в местных СМИ.

Радуют перемены в жизни еврейской общины Дербента. В этом году здесь открылась еврейская воскресная школа для людей разного возраста. Они изучают родные историю, язык и традиции. Теперь еще появилась возможность овладеть компьютером, воспользоваться услугами Интернета. Скоро при воскресной школе откроется семейный клуб. А клуб «Ахдут» недавно был преобразован в одноименное молодежное движение. Его члены – самые активные участники всех мероприятий еврейской общины, особенно концертов и праздничных вечеров. Не забыты в общине малоимущие и инвалиды, при материальной поддержке ФЕОР им оказывали благотворительную помощь.

Всего два года назад с созданием еврейской общины Иванова началось здесь восстановление еврейской жизни. Теперь с помощью ФЕОР ивановские евреи уже принимают самое активное участие в днях российской культуры. Энтузиастами была создана постоянная выставка «Мы – городу!» с фотографиями и биографическими сведениями о евреях-производственниках, учителях, врачах, ученых, участниках Великой Отечественной войны.

С началом работы еврейской воскресной школы ни один праздник общины не обходится без спектаклей ее учащихся. В минувшем году регулярно работал лекторий: проходили занятия по традиции, культуре еврейских сайтов Интернета.

Много радости горожанам подарили концерты ансамблей «Симха» (низкий поклон и добрая память его руководителю Леониду Сонцу!), «Хасидская капелла», клейзмерских групп Казани, Нижнего Новгорода, Владимира. Готовятся оригинальные творческие программы с участием местных музыкантов. За

восстановление и развитие еврейской культуры председатель общины награжден почетным знаком города «Триумф» за 2000 год.

Все большее число евреев тянется к своим традиционным ценностям. Если в предыдущие годы на мероприятия общины приходили 100–150 человек, то теперь уже около 500.

В прошедшем году община города Касимова заметно пополнилась молодежью. Теперь регулярно отмечается Суббота, при большом стечении людей проходят еврейские праздники. В воскресной школе начался второй учебный год: работает ульпан, один раз в месяц проводится семинар по еврейской традиции. Каждый член общины получает еврейские газеты и журнал «Лехаим», они здесь очень популярны.

Летом по приглашению общины приезжала шоу-группа московского театра «Шалом». Воспитанники Александра Левенбука показали класс! Стали доброй традицией семейные поездки на теплоходе по Оке. Разнообразие и насыщенность общинной жизни касимовской еврейской общины неоднократно освещалась в местной прессе. Материальная помощь ФЕОР и методическая поддержка координатора Леонида Резникова позволяют общине полноценно развиваться, разрешать насущные проблемы, строить планы.

В Кемерове вот-вот закипит общинная жизнь в новом офисе. А как отмечались праздники в Тишрее! Кемеровское общество еврейской культуры провело торжественное празднование Рош а-Шона в музыкальном театре Кузбасса. В ближайшее время должны открыться лекторий, ульпан.

За истекший год еврейская община Кинешмы существенно увеличилась. Большой приток учащихся и в воскресной школе — теперь в ней 26 детей. Работает ульпан для взрослых. Школьники побывали на интересных экскурсиях: в литературно-театральном музее в Щелькове, в музее Иванова, на теплоходе проехали по окрестностям города.

При поддержке «Джойнта» в Кинешме действуют благотворительная столовая на 30 человек и патронажная служба. Женская группа общины совместно с организацией «Кешер» получила грант фонда Сороса на проведение в городе акции «Женщины против насилия».

У руководства общины установился хороший контакт с недавно избранным мэром города, с городской администрацией, представители которой побывали и на ежегодном собрании общины, и на празднике Рош а-Шона.

Приятно отметить, что в этом году все основные мероприятия общины города Клиницы проходили в отремонтированном помещении общинного центра! На праздничные вечера здесь собиралось около 100 человек. В общинной работе активное участие принимает молодежь.

За последний год в культурной жизни Костромской общины произошли заметные события. Весной здесь был организован ансамбль еврейской песни «Гораль Эхад». На первом фестивале еврейского искусства имени Юрия Плинера в Казани он удостоен звания лауреата. Теперь полным ходом идет работа над созданием первого его диска. Стал лауреатом казанского фестиваля и муниципальный Камерный театр под руководством Бориса Голодницкого, который получил и диплом Фестиваля имени Соломона Михоэлса в Москве. В настоящее время труппа работает над спектаклем «Кровавая шутка» по Шолом-Алейхему. Постановка готовится к Фестивалю им. Михоэлса в 2002 году.

Летом община учредила региональный центр еврейской культуры, который должен продюсировать самодеятельные и профессиональные коллективы во всем регионе, ему предстоит организовать мастер-классы, на нем – организация концертов и других культурных мероприятий.

Только весной 1998 года костромским евреям наконец-то была возвращена синагога. Конечно, предстояла большая работа по реконструкции здания. Осуществить ее стало возможным благодаря значительной помощи в первую очередь ФЕОР, «Джойнта» и местных спонсоров. Во время строительных работ в синагоге программы общины не прекращались ни на минуту, а их более шестидесяти! Здесь и библиотека в несколько тысяч томов, и музей истории и культуры евреев Костромы, и театрально-кукольная студия... При поддержке ФЕОР продолжает свою работу еврейская воскресная школа, она здесь не одна, есть и другая — посольства Государства Израиль. В общине регулярно работает лекторий, только в истекшем году здесь было прочитано более 50 лекций на разные темы. Радует активность семейного клуба,

который организовал зимний и летний семейные лагеря. А событие года – это рождение молодежного клуба. Впервые в своей истории община провела молодежный лагерь. Есть своя программа и для женщин — «Час Торы», которую ведет Галина Скаржинская.

В Костроме работает еврейский благотворительный центр «Хасдей Цион» с филиалами в Кинешме, Шарье, Иванове, Буе, при поддержке «Джойнта» он осуществляет полный комплекс программ помощи евреям региона, оказывает содействие молодому Хеседу из Кирова. Налажено сотрудничество с организациями ХАМА, Помощи и Утешения, Клеймс Конференс. Трудно переоценить помощь братской еврейской общины «Бейт Эль» Вашингтона (США) в различных аспектах еврейской национальной жизни.

Надо отметить, что уже несколько лет в общине в соответствии с традицией отправляются похороны.

Достоинств в нынешней общинной жизни немало, но есть и значительные проблемы. Главная в том, что община очень нуждается в постоянно проживающем в городе раввине, который мог бы разрешать повседневные вопросы евреев Костромы, Кинешмы, Шарьи, Иванова, Ярославля. Раввин Мойше Тамарин приезжает 1-2 раза в месяц, чтобы провести Шахарис, занятия по традиции с членами миньяна. Но кратковременных визитов, конечно, недостаточно.

Впервые за свою историю еврейская община Магадана торжественно отметила Йом Кипур и праздник Суккос. Активизировались образовательные программы общины. В еврейской вечерней школе появился компьютерный класс. Открылась школа Бейт-Мидраш по углубленному изучению Торы. Но, к сожалению, в городе есть проблема: не хватает специалистов, владеющих ивритом, для преподавания языка и чтения молитв.

Летом еврейские дети отдохнули в лагере.

В общине Магнитогорска организованы гуманитарная и благотворительная помощь пенсионерам и инвалидам, а также родственникам пострадавших в результате террористических актов в Израиле. Взято под контроль наведение порядка на территории еврейского кладбища, на могилах. В реализации этого проекта примет участие и молодежь. Молодежный клуб в этом году развернул свою работу. Но пока жизнь никак не обходится без проблем: срочно необходимо оборудование для офиса общины.

За последний год в еврейской религиозной общине Нижнего Новгорода заметно преобразилась благотворительная кошерная столовая: ее расширили и отремонтировали, оборудовали новыми техникой и импортным инвентарем. Каждую Субботу в ней собирается до 100 человек. А какие у общины перспективы! Строятся новые офисы, намечен ремонт помещений для музея истории нижегородского еврейства и библиотеки. Завершается строительство миквы.

В общине работают детский сад «Ган Менахем» и лицей «Ор Авнер». В лицее в этом году появилась библиотека – 1700 томов! Под руководством раввина М. Фишера действует ешива. Минувшим летом в лагере «Ган Исроэл» отдохнули 160 человек.

Скрашивает и наполняет здешнюю жизнь женщин клуб «Хая-Мушка» под руководством ребецн Яэль Бергман. На его заседаниях порой собирается до ста участниц! Оживился молодежный клуб «Хаим». Еще бы! За последнее время численность его возросла почти вдвое. Совместно с активом общины ребята участвуют в благоустройстве захоронений на еврейских участках кладбищ «Красная Этна» и «Марьино роща».

В прошедшем году на базе Нижегородской синагоги неоднократно проводились семинары. В апреле координатором ФЕОР по Верхне-Волжскому региону был организован семинар для руководителей общин, посвященный празднику Пейсах. Рав Гитик из Израиля провел два семинара, посвященных деятельности организации «Эш а-Тора». В мае в живописном месте Нижегородской области при участии общины Казани прошел семинар по вопросам проведения бар-мицвы для 35 мальчиков и их родителей.

Конечно, национальное самосознание у евреев заметно растет. За последний год около 20 мальчиков прошли обряд обрезания; была и хупа.

На праздничные вечера общины собиралось до 600 человек, на концерты – до 1000. Неоднократно в стенах синагоги проводились детские и молодежные мероприятия с конкурсами, призами, музыкальными номерами, световыми эффектами. Дизайнерские решения в оформлении зала были незаурядными.

1250 членов общины на новый еврейский год получили подарочный календарь, регулярно на дом к ним приходит журнал «Лехаим». К празднику Пейсах всех желающих обеспечили мадой. На Хануку и Пурим в еврейских домах вовремя оказались ханукальные светильники и «шалахмонес».

А в еврейской общине Новгорода Великого в этом году хорошие новости: впервые была построена сукка. Каждую Субботу в синагоге собирался миньян. По пятницам у членов молодежного клуба – Каболас Шабос, на который порой приходит до 50 человек. Вдвое выросла численность учащихся еврейской воскресной школы. На средства местного спонсора идет реконструкция здания еврейского общинного центра. Благодаря спонсорам осуществляется опека над пятью пожилыми людьми. В истекшем году новгородскую еврейскую общину посетили гости из Калифорнии (США) и вице-мэр Страсбурга, к слову, ортодоксальный еврей.

Есть в Новозыбкове свои радости и проблемы. Праздничные мероприятия еврейской общины в этом году собирали почти вдвое больше людей, чем в прошлом. В городе работает воскресная школа с изучением истории, традиции еврейского народа, иврита, английского языка, информатики.

Община имеет собственное еврейское кладбище, за которым постоянно следят. 9 Ава там собралось более 100 человек, чтобы прочесть молитвы и пожертвовать цдоку. Но плохо то, что кладбище находится на краю города и не всякий может туда добраться.

Когда-то у евреев Новозыбкова была хорошая, большая синагога, расположенная в весьма удобном месте. Она и сейчас цела и находится в приличном состоянии, однако администрация города вместо того, чтоб вернуть ее евреям, выделила взамен небольшой одноэтажный дом рядом с кладбищем – вот, мол, где ваше место! Конечно, это лучше, чем ничего: есть хотя бы где собраться, чтобы встретить Субботу. Только отнюдь не все желающие смогут сюда прийти.

С начала 2001 года еврейская община Новокузнецка обрела собственный офис. Здесь организуются мероприятия, о которых прежде было и не мечтать. Здесь евреи встречают Субботу, молятся, проводят трапезы, знакомятся с народными традициями, отмечают праздники. Работает библиотека, еврейская воскресная школа и клуб пожилых людей «Эрев Тов», где проводятся творческие вечера, музыкальные гостиные, лекции о здоровом образе жизни, встречи на еврейской кухне. Среди членов общины распространяется еврейская периодика.

Еврейская община Орла уделяет значительное внимание развитию еврейской культуры. Она сотрудничает с ведущими режиссерами и актерами городских театров. В настоящее время ведется работа по созданию своей музыкально-театральной студии, расширению библиотеки, совершенствованию воскресной школы. Издается информационный листок. В деятельности общины активно участвует молодежь.

Желающих принять участие в еженедельных встречах Субботы так много, что «Центр Шалом» уже не может вместить всех; общине требуются дополнительные помещения и финансирование. Но главное, назрела острая необходимость в приобретении здания для синагоги. С помощью ФЕОР еврейская религиозная жизнь, которой еще совсем недавно просто не существовало, забила ключом. На вечера, посвященные еврейским праздникам, собирается до 300 человек.

Однако есть и проблемы. Все еще не открыт семейный клуб. Необходимо как можно скорее задействовать столовую для нуждающихся, наладить регулярное поступление гуманитарной помощи. Нужно помочь престарелым членам общины с лекарствами, медицинской техникой, очками, с зубным протезированием. Для воскресной школы не хватает учебников, аудиокассет для занятий еврейскими танцами. Нет пока у общины и своей газеты.

За минувший год количество активных членов еврейской общины Пскова, решивших принять на себя обязанности по соблюдению законов Торы, увеличилось примерно вдвое. Повысилось качество преподавания в еврейской воскресной школе, появились компьютерные классы, в рамках семейной программы Хесед стала работать дошкольная учебная группа. В молодежном движении на постоянной основе действуют клубы и кружки по интересам, лекторий по вопросам традиции и изучения компьютерной

техники, идет подготовка к открытию общинного Интернет-сайта. Начался выпуск ежемесячной газеты «Элеф». Проведена подготовительная работа и разработан дизайн-проект мемориала «Памяти псковских евреев – жертв Холокоста».

Община Рязани выступила с необычной инициативой — организовала семинар «Профилактика экстремизма в межнациональных и межконфессиональных отношениях». В этом семинаре, правда, пока только в роли слушателей, приняли участие представители правоохранительных органов. Однако, заинтересовавшись темой, блюстители порядка обратились в общину с просьбой провести подобный семинар, но с более широким кругом участников, представляющих МВД, ФСБ, прокуратуру и администрацию области.

На помощь руководству еврейской общины пришел Правозащитный центр имени Г. и С. Лайт Петербурга и Совет еврейских общин штата Калифорния (США). Состоялся второй семинар, и по результатам двух этих по сути профессиональных мероприятий группа работников правоохранительных органов и общественных деятелей города (еврейскую общину представлял ее председатель Леонид Резников) выезжала в Сан-Франциско, где знакомилась, как американские полицейские борются с преступлениями на почве ненависти, ксенофобии и антисемитизма. В октябре американцы, приехавшие в Рязань, встречались с представителями национальных диаспор. Визиты зарубежных организаций широко освещались в местных СМИ. Роль еврейской общины в организации такого рода мероприятий отмечалась особо.

Оказывается, существенные перемены в жизнь еврейской общины может внести... компьютер! Так, в Рыбинске начали проводить регулярные встречи на сайтах jewish.ru, sem40, istok, lamed и других. Может, и в силу этого значительно повысился авторитет общины среди детей и молодежи: они стали чаще посещать ее офис, чтобы воспользоваться компьютером, Интернетом, приобщиться к еврейским сайтам и периодическим изданиям.

Община наладила связь с рыбинским землячеством в Израиле. Существенно увеличилось число желающих отметить Субботу и еврейские праздники. Появились новые формы работы, такие как, например, интернет-конференции с педагогическим клубом «Новая еврейская школа», на которые приходят преподаватели воскресной школы. Проводятся интерактивные игры с детьми, посвященные еврейским праздникам. В минувшем году начал работу женский клуб «Бат Хава», ежемесячно отмечается Рош-Ходеш, интереснее стало в клубе еврейской кухни, строже соблюдаются требования кашрута при приобретении продуктов и напитков для застолий и для благотворительных целей. В течение всего года работал кружок по изучению Торы, традиции и истории еврейского народа.

К празднику Ту би-Шват впервые был приурочен городской вечер еврейской музыки, организованный еврейской общиной при участии двух городских музыкальных школ, он состоялся в одном из лучших концертных залов города. В общине провели первую еврейскую свадьбу с хупой.

Вместо 10 экземпляров журнала «Лехаим» в месяц в общину стали приходить целых 70! Регулярно стала поступать газета «Еврейское слово». Наряду с «Лехаимом» она стала самым популярным и оперативным информационным изданием.

Центр еврейской жизни в Самаре — городская синагога. Ежедневно собирается на молитву миньян, так же и на Каболас Шабос. Во дворе синагоги имеются мужская и женская миквы. Каждый еврей Самары имеет возможность стать активным членом общины и получить индивидуальную консультацию и информационную поддержку. Несколько тысяч человек уже присоединились к этой программе. Их данные занесены в компьютер, в синагоге хранятся фотографии и документы, подтверждающие их национальную принадлежность. Ежедневно списки пополняются.

Два раза в неделю проходят молодежные программы. Ежемесячно в синагоге собирается женский клуб. При общине работает еврейская воскресная школа. Этим летом в детском лагере отдохнули 140 детей. При поддержке местных спонсоров община организует большие концерты, посвященные еврейским праздникам. На праздники в синагоге бывают сотни евреев.

С помощью спонсоров несколько раз в году выдавали гуманитарную помощь более чем 2000 нуждающихся. В синагоге действует благотворительная столовая, где 80 пенсионеров и инвалидов благодаря самарским бизнесменам ежедневно получают горячие кошерные обеды. Во дворе синагоги закончено строительство нового здания столовой. Это даст возможность ежедневно кормить обедами до 300 человек.

За последний год культурная жизнь еврейской общины города Светлый Яр стала богаче и насыщеннее. При общине создан молодежный клуб. Учащиеся еврейской воскресной школы изучают традицию, английский язык, математику, изобразительное искусство. Недавно ребята приступили к изучению иврита. На праздничных вечерах, которые в общине проходят регулярно, собираются около 200 человек. Впервые в этом году празднование Пейсаха было организовано при участии двух молодых раввинов, учащихся ешивы из Израиля. Важно отметить, что в общине существенно расширился фонд библиотеки еврейской литературы.

В прошедшем году благодаря финансовой помощи ФЕОР еврейская община Северодвинска смогла, наконец, снять в аренду специальное помещение. Здесь действуют семейный и молодежный клубы. Планируется чтение цикла лекций по истории евреев в России. Благодаря компьютерам, как подаренным ФЕОР, так и купленным на пожертвования членов общины, в еврейской воскресной школе начато преподавание информатики. Скоро начнется регулярный выпуск информационного листка с использованием компьютерных программ.

В минувшем году в еврейской общине Смоленска шла активная работа с детьми и молодежью. Летом школьники отдыхали в лагере «Ган Исроэл», что разместился недалеко от исторических мест – в поселке Любавичи Руднянского района Смоленской области. В общине регулярно выходит газета «Яхад», в ней публикуется информация о еврейской жизни города, материалы по истории смоленского еврейства, сведения об известных евреях-смолянах. С ее помощью евреи знакомятся с духовным наследием Любавичского Ребе, с движением Хабад.

Заметно оживилась культурная жизнь общины. Осенью минувшего года смоленский ансамбль клейзмерской музыки стал дипломантом второго Всероссийского фестиваля национальных культур, проходившего в Волгограде. Руководство общины придерживается принципов конструктивного взаимодействия с любыми позитивными силами и структурами общества и находится в постоянном контакте с администрацией области и городской мэрией.

В еврейской общине Сыктывкара благодаря ФЕОР впервые был торжественно отмечен Йом Кипур. Первый раз прозвучал кадиш при погребении члена общины.

Высокая общественная активность евреев заставила руководство задуматься об аренде большого помещения. Вот уже несколько месяцев идут ремонтные работы в будущем еврейском культурном центре. Вообще потенциал еврейской диаспоры Республики Коми достаточно высок. Это отмечено главой края Ю.А. Спиридоновым, который нередко бывает гостем на еврейских праздниках

Религиозная жизнь еврейской общины Таганрога сосредоточена в помещении Еврейского дома. Здесь проходят ежедневные и Субботние молитвы, учат Танах и Талмуд, отмечают праздники. Здесь же регулярно проводятся беседы по традиции и истории евреев, обсуждаются материалы еврейских газет и журналов, письма из Израиля и США.

Община активно участвует в деятельности таганрогского отделения научно-просветительского центра (НПЦ) «Холокост». Проходят семинары, конференции и уроки по истории Холокоста в учебных заведениях города, а также тематические мероприятия по теме «Просвещение против предрассудков (на примере Холокоста)».

Осенью минувшего года в еврейской общине Тулы открылся еврейский центр. Ежемесячно выпускается газета «Голос Общины». Создан ансамбль клейзмерской музыки «Алэвай», ставший лауреатом международного конкурса имени Соломона Михоэлса. На постоянной основе работают воскресная школа, молодежный клуб «Мигдаль», есть библиотека. В скором будущем планируется открыть новые клубы: «Наше наследие», «Евреи в мировой культуре», «Литературно-музыкальная гостиная», а также семейный клуб и хор еврейской песни. Ведется обучение основам иудаизма, изучение молитв на иврите. В планах общины создание детской школы искусств.

Организацией праздничных программ в еврейской общине Читы занимается молодежный клуб «Дэрэх». Клуб собирается еженедельно, раз за разом пополняется его состав. С начала минувшего года в общине выходит газета «Йом Тов». Увидел свет альманах «Вестник сибирских евреев», посвященный истории евреев Забайкалья. В этой области община ведет серьезную исследовательскую работу.

За истекший год членами еврейской общины Юрги был прослушан и обсужден полный цикл недельных глав Торы. Впервые был проведен праздник Суккос. Начали работу молодежный и женский клубы. При общине создана библиотека. С живым интересом члены общины осваивают компьютерную технику и Интернет.

По понятным причинам мы рассказали далеко не всё и не обо всех еврейских общинах России. Ограниченная журнальная площадь не позволила сообщить о событиях общинной жизни многих общин в истекшем году (по григорианскому календарю). Но не стоит отчаиваться. Жизнь продолжается, а значит, будет и повод, и возможность продолжить этот заинтересованный разговор.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

В областном краеведческом музее Волгограда с успехом прошла конференция на тему: «Культура Юга России. Проблемы и перспективы развития в XXI веке», к которой была

подготовлена беспрецедентная выставка «Волгоградская область – перекресток культур». Идея создания такой экспозиции в рамках межрегиональной научно-практической конференции возникла у экскурсовода, научного сотрудника музея Софьи Рамазановой.

Заблаговременно Софья Михайловна обратилась к еврейской общине и предложила проиллюстрировать один из разделов выставки материалами Волгоградского еврейского общинного центра. Надо сказать, община располагает уникальными материалами, переданными ей в дар семьей Шехтман. Это тфилин, принадлежавший дедушке Клары Мееровны Шехтман, и сидуры конца XIX века, которые использовало для молитв не одно поколение этой семьи. Кроме того, еврейская община предоставила материалы, принадлежавшие библиотеке общинного центра: сидуры, изданные уже в наши дни, пасхальное блюдо, бокалы для кидуша, мезузу, менору. Выставку украсили фотографии, отразившие интересную и насыщенную жизнь еврейской общины сегодня: проведение пасхальных сейдеров, занятия в школе «Ор Авнер», летний отдых в лагере «Ган Исроэл». ..

Всего на выставке были представлены экспозиции шести национальных общин – шести культур. Бок о бок с русскими лаптями соседствовал татарский кумган, с украинским рушником – польский костюм, с баварской пивной кружкой – казахская домра...

Между прочим, на открытии выставки произошел любопытный инцидент. Во время торжественной церемонии устроители выставки по русской традиции предложили гостям отведать «хлеб-соль». Но евреям запрещено вкушать хлеб, не омыв руки! Председатель ВЕОЦа Яэль Иоффе повела себя в соответствии с этой традицией. Присутствующие были в недоумении. Пришлось объяснить, что каждый

народ следует своей вере и традициям. Мелочь, конечно, но это показывает, как необходимо нам всем межэтническое и межконфессиональное общение, чтобы лучше понимать и уважать друг друга.

עִיף אַ חַסְדֵי עַלְמַי

ДНИ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИВАНОВЕ

В лучшем концертном зале города, Центре культуры и отдыха Иванова, состоялось открытие Дней еврейской культуры. В торжественном вечере приняли участие более 500 человек. С приветственным словом выступили заместитель губернатора области Н. К. Бровцын и глава городской администрации А.В. Грошев, отметившие большой вклад еврейской общины в культурную жизнь города. Зал тепло принял приветствие главного раввина России Берла Лазара. В этот вечер состоялся концерт ансамбля «Тум-балалайка» (художественный руководитель народный артист России Михаил Глуз). Заведующий отделом культуры города С. Фролов вручил артистам ансамбля грамоту главы города Иванова.

В Центральной городской библиотеке имени Я. Гарелина открылась выставка еврейской книги из фондов посольства Государства Израиль и частных библиотек. На открытии выступали деятели культуры города, отмечавшие особый вклад еврейского народа в сокровищницу мировой мысли.

Большой интерес вызвала фотовыставка «Иерусалим с птичьего полета», предоставленная посольством Государства Израиль. В кинотеатре «Современник» прошла презентация израильских видеофильмов и новинок российского кино.

Две студии ивановского телевидения показали репортажи, отразившие все важные события этого форума — Дни еврейской культуры, интервью с руководителем общины Эрвином Кирштейном.

יָאֵבֶדֶת עֵדוּת אֵלֵינוּ

АНШЛАГ!

В рамках Дней национальных культур в Кинешме, прошедших при поддержке городской администрации, состоялся День еврейской культуры. В театральном зале на 600 мест был полный аншлаги!

Центральным событием этого мероприятия стал концерт ансамбля «Тум-балалайка» (ФЕОР). Зрители тепло встречали этот коллектив. В фойе театра экспонировалась выставка рисунков и плакатов, посвященная еврейским праздникам и традициям. Большой интерес вызвала экспозиция еврейских книг, журналов и газет. Зрители имели возможность ознакомиться со стендами «Наши евреи» и «Трагедия Холокоста». Особое внимание привлекла выставка творческих работ членов общины. Надо заметить, здесь же в холле, располагались столы с разнообразным ассортиментом еврейских блюд для дегустации. Стоит ли говорить об успехе эдакой «выставки»? Прогдегустировав блюда, желающие могли еще получить и рецепт заинтересовавших их блюд.

Во многом успех мероприятия обязан активному участию в празднике женской группы «Подруги», поддерживаемой Проектом Кешер во главе с директором Светланой Якименко.

Ààèè à Ì èàààí ààà

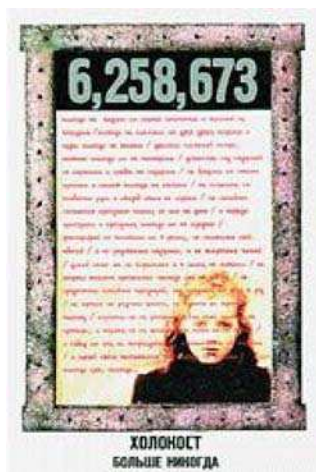
ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРОТИВ ПРЕДРАССУДКОВ

Выставка «Черта оседлости – до и после» побывав уже более чем 30 городах России, приехала в Петрозаводск и расположилась в выставочном зале Карельской государственной филармонии. Эту экспозицию в рамках программы «Просвещение против предрассудков» подготовил Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса). Спонсоры выставки говорят сами за себя: это Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы имени Рудомино, министерство иностранных дел Нидерландов (в рамках программы MATRA), Фонд помощи протестантских церквей в Швейцарии (HEKS), Европейский комитет реформаторской церкви Нидерландов, Комитет войны и мира реформаторских церквей Нидерландов. Посетителям вручали буклет и плакат выставки.

«Цель выставки, – говорилось в аннотации, – представить историю юдофобии и особенности современного антисемитизма, из-за которого в нашем многострадальном веке принесены в жертву человеческой нетерпимости миллионы жизней. История антисемитизма – наглядное доказательство того, какую опасность таят в себе предубеждения и нетерпимость и сколь разрушительное воздействие на ход демократических реформ оказывает умелое использование расовых предрассудков населения...»

Выставка прекрасно оформлена, глубока по подходу к проблеме и содержанию. Она прослеживает этапы развития антисемитизма до Катастрофы и после нее, вплоть до середины 90-х годов минувшего века. На выставочных стендах были представлены фотографии и текстовые материалы по разделам: «Средние века», «История современного антисемитизма», «Евреи в Российской империи», «Евреи в Советском Союзе до второй мировой войны», «Нацизм и Холокост», «Евреи в Советском Союзе после войны».

На церемонии открытия экспозиции выступили координатор программы «Толерантность» Фонда Сороса Л. Семина, заместитель министра культуры Карелии И. Шумская, заместитель председателя Государственного Комитета Республики Карелия по национальной политике В. Бирин, проректор Петрозаводского государственного университета, директор Центра Интернет Петр Гун, председатель еврейской религиозной общины Д. Цвибель, а также представители министерства образования республики и мэрии Петрозаводска.

В рамках мероприятия прошел семинар учителей школ по проблеме толерантности. Были организованы экскурсии для школьников, встреча с узниками гетто и концлагерей. Вернисаж широко освещался в прессе, а местный канал телевидения передал интервью председателя общины Дмитрия Цвибеля.

Àéáá à Èàðíééí à

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЗВОНИТЕ МАМЕ!

В столовой Ворошиловского райисполкома Донецка, в большом светлом зале собрались сто тридцать еврейских женщин – члены клуба «Хая-Мушка». Здесь были учителя еврейской школы,

воспитатели еврейского детского садика, представители Хеседа, Еврейского Агентства и просто еврейские мамы.

Заседание клуба открыл главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий. Это не была официальная речь – он рассказал трогательную историю о том, как Любавичский Ребе любил свою мать. Никакие дела не могли помешать ему каждый день ровно в шесть вечера заходить к ней и, налив чашку чая, рассказать о прошедшем дне.

После рава главный мозл Украины Яков Гайсинович рассказал притчу о виноградной лозе, которая растет, обвиваясь вокруг сухих деревьев. Растет и дает урожай. Так и евреи благодаря своим корням, то есть предкам, которых, увы, уже нет рядом с нами, невзирая на преграды живут, учатся, растят детей и продолжают свои традиции.

Затем эстафету приняла бессменная ведущая женского клуба Ирина Резник. «Самая большая мицва – дать человеку работу», – сказала Ирина и тут же дала работу всем в зале. Нужно было придумать название, девиз, песню, словом, «сделать рекламу своей компании». Что тут началось! В считанные минуты сочинялись тексты на популярные мелодии, рисовались плакаты. Замелькали названия «Симха», «Нахес», «Шалом»... Представительница «Компании пенсионерок» обратилась ко всем присутствующим словами Расула Гамзатова: «Мужчинам под ноги скорее бросьте свои, в слезах намокшие платки». По обычаю после таких слов мужчины должны были прекратить войны. А вот девиз компании ШМБ (Шалом, Мазл Тов, Бесимха):

Ėàæäüé äät ü çâî í èòá î àî á!

Ĭ á í óæäâðõŷ á õæéâî á

Ĭ àòáðéíŷéé òðüá è :âŷòü

Ĭ äâĭ í àò äââèç ó:âŷòü!

Но сколько бы ни старались участники, победила, конечно, дружба.

Во втором конкурсе члены жюри с помощью «диспетчера» Софии Черни задавали командам вопросы: какое блюдо готовится на тот или иной праздник? Какая песня поется на то или иное торжество? В какой день, держа над головой курицу или петуха, отдают за них все свои грехи?.. Песни-вопросы прекрасно исполняла израильтянка Хани. Жаль, что порой ответы слышались только от преподавателей иврита и традиций... Зато многие поняли: надо бы больше учиться.

Благодаря музыкантам Светлане Ворониной и Юле Вириной праздник особенно удался. Спасибо и Яне Кабо, которая помогла арендовать зал. И конечно, сотрудникам столовой синагоги, приготовившим настоящий праздничный стол.

После подведения итогов главный приз конкурса – телефонный аппарат достался Даше Шабалиной. Кстати, она была главным оформителем праздника. Руки в работе, а голова в раздумьях. Молодец!

Однако есть еще человек, без которого, не будет преувеличением сказать, не было бы ничего: ни конкурсов, ни призов, ни угощений, даже самого женского клуба... Если бы не ребец Дина Выщецкая и ее неумная энергия! Ведь именно она смогла собрать столько разных незнакомых людей и сделать их хорошими, добрыми друзьями.

Будьте счастливы, дорогие женщины! Пусть будут счастливы и здоровы ваши дети! Да не будет у вас слез и седины!

י אדויר א צאדאויראע

ВОССТАВШИЕ НА ПЕПЕЛИЩЕ

О первых евреях в Боровичах почти не сохранилось сведений, вероятно, они были из кантонистов. Известно, однако, что в разное время в городе действовали три синагоги. Самую старую, каменную, закрыли еще в 1905 году (теперь от нее остался небольшой притвор, в котором уместился маленький продуктовый магазин). Вместо этого здания Боровичская городская Дума выделила еврейской общине двухэтажное деревянное строение. Оно просуществовало до 1938 года, пока его не передали городскому обществу трезвенников. Спустя несколько месяцев в здании бывшей синагоги случился пожар, и оно полностью сгорело.

Была в городе еще одна небольшая синагога (Дом омовений) на старом еврейском кладбище. Но в 40-х годах кладбище закрыли, а синагогу разрушили. На этом месте сейчас городские овощные склады, и о прошлом напоминает лишь несколько уцелевших надгробных камней, вросших в землю. А для захоронений еврейской общине выделили участок в 400 квадратных метров на общем городском кладбище. Там и хоронят евреев донныне.

В 40 – 70-е годы все, кто пытался вести еврейский образ жизни, практически находились в подполье. Для молитв собирались на квартирах. Долгое время организатором таких собраний был часовщик Кац. Люди хранили у себя дома старинные еврейские книги, Талмуд, предметы культа, которые удалось спасти из старой синагоги.

В декабре 1991 года в местной газете «Красная Искра» появилось объявление: евреи приглашаются на праздник Ханука! Все были очень удивлены и немного растеряны: а нет ли в этом какого подвоха? На то первое после многолетнего перерыва еврейское празднество собралось 30 человек. Оказалось, что молодые еврейские ребята решили возродить общину.

Именно на том собрании боровичские евреи открыто пели еврейские песни, пытались говорить на идише и несмотря на многие скептические высказывания типа «лучше не высовываться» все-таки решили зарегистрировать общину.

Первую моральную и материальную поддержку еврейская община в Боровичах получила от «Джойнта», который в ту пору только разворачивал свою деятельность в России. Община жила и развивалась не согласно, а скорее вопреки условиям: не было постоянного помещения, не хватало средств...

В 1998 году у общины стали налаживаться связи с синагогой города Фримонта, штат Калифорния. «Русский клуб» Фримонта, состоящий в основном из бывших граждан России, выразил желание материально поддержать боровичских евреев.

А в 1999 году руководство общины обратилось к городским властям с просьбой выделить помещения под синагогу и еврейский центр. И власти не отказали — предоставили помещение в красивом купеческом особняке в самом центре города. Это единственное такого рода здание в северо-западном регионе города. Благодаря финансовой помощи общины синагоги Фримонта и организации Bay Area Council, особенно исполнительного директора этой организации Пинне Левермор, в здании удалось сделать ремонт, установить биму, восстановить антикварный Арон Койдеш. По случаю открытия синагоги друзья из Фримонта подарили свиток Торы. Петербургский еврейский центр искусств и ремесел изготовил великолепный Парохет (занавесь для Ковчега) и Яд (указку для чтения Торы).

Вот такая история. А теперь в еврейской общине действуют различные программы: детские кружки по интересам, видео-клуб, библиотека, клуб пожилых людей, ульпан, есть свой музыкальный ансамбль. В синагоге достойное место заняли тома Талмуда дореволюционного издания и другие старинные еврейские книги.

Если спросить у боровичских евреев, какая у вас синагога – хасидская, ортодоксальная или прогрессивная, они ответят: «Наша синагога для всех евреев без всяких различий. Пусть приходит каждый и молится, как ему подсказывает его душа. Нас здесь слишком мало, чтобы разделяться».

Аִשֶׁר עָוָה אֵל

«ДА НИСПОШЛЕТ МИР НАМ...»

Ровно 60 лет прошло с того страшного дня. Золотой осенью 1941 года нацисты согнали евреев на центральную площадь Днепропетровска. 10 тысяч детей, стариков, женщин с грудными младенцами на руках, даже больных и инвалидов. Среди них были моя бабушка и ее трехлетняя дочь, моя тетя. Могла бы быть и мама, если бы в начале июня не уехала на каникулы к родственникам в Москву. У тех, кого согнали, отбирали деньги и вещи. А затем под усиленной охраной 10 тысяч человек шли по городу в сопровождении бесновавшихся овчарок. Евреям сказали: их ведут в новый район – в гетто. А привели сюда, на окраину города, ко рву...

Сколько прошло лет, а боль той трагедии не утихает. Нет больше этого рва. Теперь здесь парк Днепропетровского университета. Построили дома для преподавателей, библиотеку, бассейн и стадион. Но советская власть немного смилостивилась и установила маленький, неприметный знак – «Мирным жителям, жертвам фашизма». И все. И ни слова о том, кто были эти мирные жители, сколько их было и даже о том, что они захоронены здесь, под этой землей. Был приказ забыть и не вспоминать.

И только евреи пронесли через десятилетия, сохранили память об этой трагедии. Каждый год приходили они сюда почтить память близких. Слава Б-гу, за это в советские времена не сажали, не расстреливали. Только могли исключить из института, выгнать с работы. А тех, кто выступал на этих импровизированных митингах или осмеливался прочитать молитву, отправляли в «психушку».

О том, чтобы поставить памятник погибшим евреям, даже разговоров не было. Только когда агония советского режима стала очевидной, у многих появилась надежда: соберем деньги, поставим памятник, чтобы могли сюда прийти евреи и неевреи, вспомнить, всплакнуть, подумать: как же такое могло произойти?! Не где-нибудь, а вот здесь. Не когда-то в давние дни, а в наше время – ведь еще не успели поседеть те, кто в тот день появился на свет.

Год за годом мы приходили сюда на траурные митинги весной в Йом а-Шоа и осенью в годовщину расстрела. Читали «Кадиш», плакали и ждали, что память наша материализуется в достойном памятнике, а не будет только болью наших сердец. Многие до этого не дожили. Ушла и моя мама, так и не увидев памятника над братской могилой, где лежат ее мать и сестра — мои маленькая тетя Соня и бабушка Рахель. А я все же дожила. И счастлива, что ровно через 60 лет после того страшного дня памятник все-таки открыли.

Хмурилось небо. Попытался срываться дождь. А люди шли и шли туда, где когда-то был ров. Сколько пришло – сотни, тысячи? Но не 10 тысяч, как тогда. Почему меньше? Может, уехали? Не дожили? Очень заняты?.. Не дай Б-г, забыли. Грустно. Но теплеет на сердце, когда видишь среди пожилых людей детей, молодежь. Это ученики еврейской школы, училища «Бет Хана». У всех строгие, скорбные лица. А рядом наши ветераны, подопечные «Хеседа». Наша еврейская община.

Звучат траурные мелодии, торжественно зажжены свечи памяти. Их зажигают те, кому удалось спастись, выскользнуть, убежать, выбраться из той могилы. Это Моня Грейман и Мара Козюлина. Больше не спасся никто.

На траурный митинг пришли представители других национальностей и конфессий и, конечно, работники городской и областной администраций. Важные и искренние слова говорит мэр Днепропетровска Иван Куличенко, который поддерживает возрождение национальных общин, чтобы процветал наш город. О годах раздумий и творческом поиске говорит автор памятника, Аркадий Шмист. Скорбные и торжественные слова поминальных молитв «Кэл Моле Рахамим» и «Кадиш» читают главный раввин Шмуэл Каминецкий и Александр Фридикс. Болью в сердце отзываются их слова. Многотысячный единый выдох: «Омейн». Натянулась ленточка — упало белое покрывало.

Памятник строг в своей простоте: стела черного камня с белыми, как бы поседевшими свитками Торы, черный на светлом фоне текст на иврите и украинском. На обратной стороне – длинный перечень организаций, которые помогли появиться этому памятнику, вырвать страшную память из небытия. Очень жаль, что не упомянута здесь мэрия нашего города и областная администрация, ведь без их поддержки не вышло бы ничего. А возглавить этот список по праву должен раввин Шмуэл Каминецкий, именно он своим самоотверженным трудом служил возрождению нашей общины.

Открытие памятника еще не конец. Наш путь теперь – на главную площадь города, куда 13 октября 1941 года нацисты сгоняли евреев. Сегодня здесь откроют памятный знак – небольшую мемориальную доску на здании центрального универмага – единственного здания, уцелевшего на площади с тех времен. В центре мемориальной доски – выщербленный Моген-Довид, словно пробитый пулей.

Но все это чуть позже.

А пока в память о погибших 60 лет назад еврейская община скорбным и торжественным маршем идет по улицам города. Тем самым путем, каким когда-то шли 10 тысяч евреев, только мы идем вспять. Мы возвращаемся к нашим традициям, к единой еврейской судьбе, к нормальной жизни. Мы должны пройти этот путь, чтобы вернуться к себе.

י אדאָדעוֹא אַאַווִי עִיאַ

ЧОРТКОВСКОЙ СИНАГОГЕ «НОВОЙ» – НОВУЮ ЖИЗНЬ!

Знаменательное событие произошло в Чортковской еврейской общине. Впервые за последние 62 года она собралась на Субботу в здании бывшей синагоги. Синагога «Новая» была построена местными евреями еще до первой мировой войны, в 1905-1909 годах. Тогда евреев насчитывалось около 10 тысяч, что составляло почти половину населения города.

Здание построено по проекту австрийского профессора, архитектора Ганса Гельдиремера. Внутри оно было украшено прекрасной резьбой и росписью итальянских мастеров. Посмотреть его приезжали туристы, специалисты разных национальностей и вероисповеданий из стран Европы. Известно, что в 1910–1914 годах сюда ежегодно приезжал раввин-чудотворец, проводил богослужения, и в «Новую» шли и ехали евреи из различных городов Галиции, Австрии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Сербии, России и Литвы, чтобы услышать от него слова поддержки, получить нужный совет...

После войны в здании синагоги располагались автопарк, столовая воинской части, станция юных техников. Здание претерпело значительные перестройки. Основной зал разделен на два этажа. От росписи ничего не осталось. И все же состояние самого здания удовлетворительное.

И вот впервые за 62 года в одной из комнат синагоги собралась почти вся община – провести Субботу. К сожалению, комнату арендовали только на вечер. Даже для такого небольшого количества людей, как в нашей общине, здесь едва хватило места. Приехали представители израильской организации «Эзра» Мария и Галя. Их рассказы слушали с большим интересом. Сделали Кидуш, пели еврейские песни, трапеза была кошерной. У всех было особенно приподнятое настроение, потому что мы провели такой вечер именно там, где это и следует делать.

Наша небольшая община обращается ко всем еврейским организациям и особенно к Федерации еврейских религиозных общин Украины: нам нужны юридическая и финансовая помощь, чтобы община смогла обосноваться хотя бы в нескольких комнатах синагоги. Мы также надеемся, что «Джойнт» поможет нам оборудовать там комнату для социальной работы.

«Новой» чортковской синагоге и нам, старым и молодым, нужна новая еврейская жизнь!

אַעאַוִי אַאַווִי אַאַווִי

ДОРОГА В БОЛЬШУЮ СЕМЬЮ

Страшная катастрофа в Нью-Йорке повергла в шок человечество. И не только количеством жертв. Вдруг стало очевидно, что никакие самые современные достижения науки и техники не способны защитить хрупкие человеческие жизни. Все ухищрения человека, вообразившего себя Царем, взявшим бразды правления миром в свои руки, оказались на деле попыткой ребенка построить картонный домик. Материальное рассыпается в прах... Что нужно, чтобы устоять в этом рушащемся мире? Наверное, крепкий дух. И союзники нужны не только странам и их армиям, а и нашим душам. Никогда не рано подумать о душе.

Условия социума меняются, а жизнь идет свои чередом, и перед каждым родителем стоит выбор – куда, по какому пути направить ребенка, как обеспечить ему жизнеспособность, безопасность, благополучие, здоровье. Мы, воспитанные советской системой, привыкли, что образование должно быть

получено в атеистической школе, где все на свете объясняется (или не объясняется) с точки зрения материализма. Достаточно ли этих объяснений, мы почти не задумываемся. Следом за школой по схеме институт... Только вот мы старательно забываем, что нет больше государства, заставлявшего нас думать и действовать одинаково, и за это было гарантировано, что с голоду и от безработицы мы не умрем. Сейчас время каждому решать за себя и действовать в одиночку. Конкуренция ужесточается. Все больше платных вузов, дополнительными платными услугами обрастает и среднее образование, платной становится медицина... Даже по окончании очень престижных столичных вузов нередко не хватает «знакомств и связей», чтобы найти достойно оплачиваемую работу. А рядом молодежь, занимающаяся сомнительными делами, увлекающаяся алкоголем и наркотиками. И мы тоже со своими проблемами суем голову под мышку или в песок...

Наши дети зачастую чувствуют душевное одиночество и очень остро. Не хватает поддержки, в сущности нет чувства корней, и они идут чужими дорогами, вынуждены «играть» по правилам, которым в сущности правил недостает...

Однажды я оказалась в обществе евреев, которые стараются жить по заповедям Торы, и ощутила его колоссальный магнетизм. Все было нестандартно. Первый шок и урок, когда раввин Зуше Горелик улетал в Израиль: у него родился ребенок. Все с радостными напутствиями провожали его, а я, мыслящая шаблонами обыденного сознания, посочувствовала: «Да, у вас столько проблем. Маленький ребенок...» Никогда не забуду его изумленного взгляда. «Ребенок – проблема? – удивился он. – Ребенок не может быть проблемой. Ребенок – это счастье!»

Мне вспомнились наши с мужем бессонные ночи, безденежье, частные квартиры... Словно два паучка на одной паутинке, мы висели над целой пропастью проблем – совершенно одни. И все же наша жизнь еще была не так драматична, как могла бы быть: помогли родственники, но и сами они, без сомнения, испытывали те же чувства, что и мы... Рождение ребенка было радостью только для моей маленькой семьи, а тут я увидела радость столько евреев из-за чужого ребенка!.. Оказывается, он не чужой. И молодой семье приходят не только поздравления, но и реальная помощь. Молодым родителям при необходимости будут оказывать даже материальную помощь, не говоря уже о поддержке членов общины, сослуживцев.

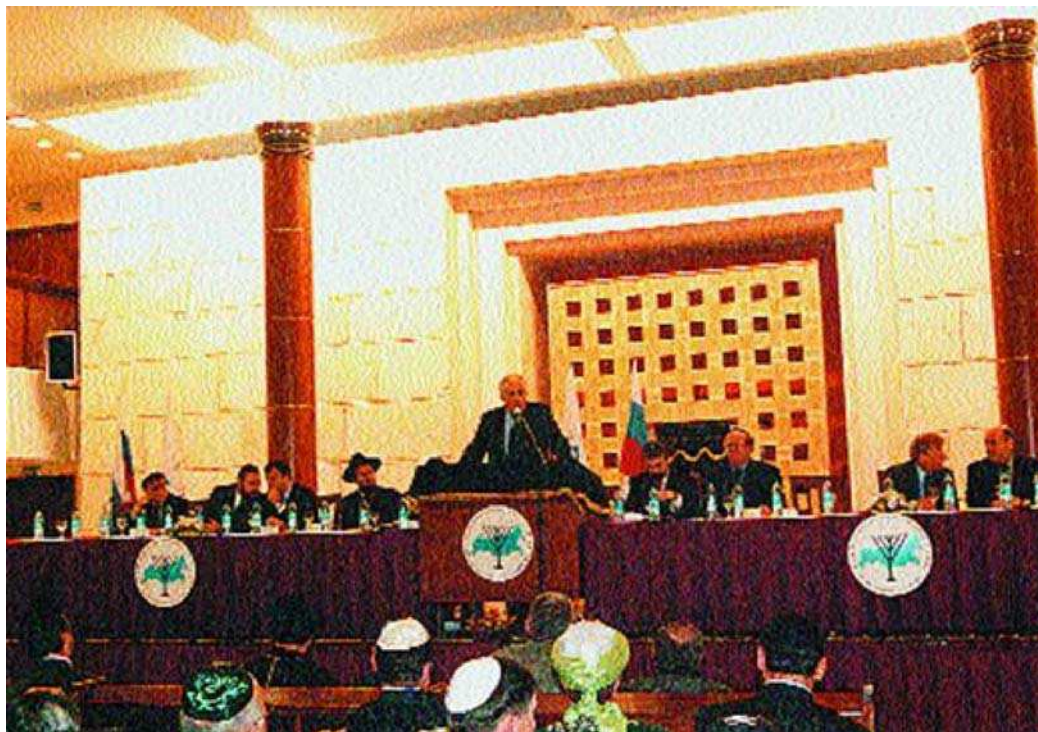
Если бы нам с вами довелось учиться в ешиве... Когда бы вы ни пришли туда, даже спустя несколько лет, вас встретят как родного, накормят, спросят, есть ли где остановиться, устроят фарбринген в вашу честь, помогут решить возникшие проблемы... А кто запросто позволит себе полететь в Европу, Америку, Израиль на несколько дней? Тот, у кого есть толстая чековая книжка? Не угадали: ученик ешивы, если у него есть на билет по молодежному тарифу (а это, поверьте, немного) и загранпаспорт с визой. Тогда он может полететь в любой город мира, и еврейская община примет его как своего.

Быть евреем сегодня... Это значит перестать прятаться в чужих одеждах, цепляться за чуждые ценности. Идти по единственному предназначенному нам пути, а не стараться в России быть русскими, в Германии немцами, на Луне селенитами. О чем говорит еврейская история? Без земли, без родины, без языка евреи выжили как нация, опровергая все пассионарные теории, потому что в любом государстве в любые времена тайно или открыто мужчины учили Тору, женщины зажигали субботние свечи...

ЭТОТ СВЕТ РАЗГОНЯЕТ ЛЮБОЙ МРАК

О втором съезде ФЕОР

Основная задача нашего съезда – подвести итоги того, что сделано за два года и определить четкие стратегические планы на будущее как в вопросах внутриобщинной жизни, так и в отношении с другими еврейскими организациями в нашей стране и на международной арене.

Из выступления

19 ноября 2001 года в 11 часов в зале заседаний Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще состоялось открытие съезда Федерации еврейских общин России. Съезд открыл пресс-секретарь ФЕОР, главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин. Делегатам съезда были представлены члены президиума – главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, президент Федерации еврейских общин России Михаил Глуз, заместитель главы администрации президента РФ Сергей Абрамов, исполнительный вице-президент Федерации еврейских общин России Александр Борода, исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель, посол Государства Израиль Натан Мерон, министр культуры России Михаил Швыдкой, министр правительства Москвы Александр Музыкантский.

Борух Горин отметил, что второй съезд ФЕОР собрал представителей еврейских общин от самых западных до самых восточных рубежей — представительство еврейства всей необъятной нашей страны, и это говорит о том, что возрождение еврейства, еврейской диаспоры в России уже не подлежит сомнению.

Главный раввин России Берл Лазар.

Далее слово было предоставлено главному раввину России Берлу Лазару. «Уважаемые раввины, уважаемые гости, уважаемые делегаты съезда, друзья! – обратился он к залу. – Ровно два года назад собирался первый съезд, и мы строили различные планы, определяли, что нужно делать. В первую очередь в каждом городе, где живут евреи, нужно было создать настоящую еврейскую общину. Что такое настоящая еврейская община? Чтобы ее создать, нужна не только синагога. Нужна общеобразовательная школа с преподаванием еврейской традиции, иврита, нужны разные формы, чтобы обучать основам традиции взрослых людей, нужны материальная и медицинская помощь тяжелобольным и малообеспеченным людям, словом, необходимо создание таких условий, в которых каждый еврей может жить полноценной жизнью, не чувствуя себя одиноким и беззащитным. Нам говорили, что это нереально. Можно создать общину в Москве, еще в некоторых больших городах, но в Сибири, в Южно-Сахалинске – нет. Однако опыт показал, что при желании, при определенных усилиях это реально.

Перед нами стояла задача борьбы с антисемитизмом. Все сидящие здесь знают, насколько серьезен этот вопрос. Нам говорили: это не ново, евреи борются с антисемитизмом почти всю свою историю.

И дальше мы говорили, что если любому еврею потребуется помощь, нам не надо ждать, чтобы он этой помощи попросил – мы сами найдем его и предложим материальную помощь и поддержку.

Мы поставили перед собой большие задачи, и никто не знал, что из этого выйдет. Но прошло два года, и я вижу, что всем нам есть чем поделиться. У каждого уже есть результаты.

И кто бы мог подумать, что во время встречи президентов двух сильнейших государств мира, России и Америки, речь может зайти о еврейской общине России? Кто представлял тогда, что о нас, обыкновенных евреях, будут беседовать президенты двух сильнейших в мире государств? Д. Буш, выступая после встречи с российским президентом В. Путиным в Белом доме, опять-таки говорил о еврейской жизни в России. Даже президент Америки гордится тем, что здесь происходит в еврейской общине.

В Москве сильная еврейская община. Приятно отметить, что сильные еврейские общины есть и в других городах России. Губернаторы в любой точке России гордятся, что они возрождают синагоги, у них открылись еврейские школы. Это тот свет, который разгоняет любой мрак, любую темноту.

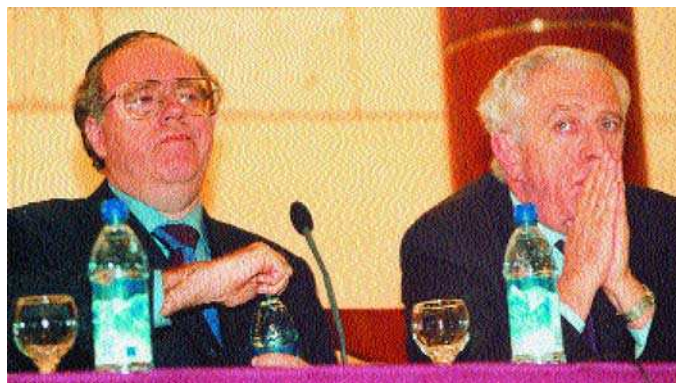
Вице-президент Федерации еврейских общин России Александр Борода, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, главный раввин России Берл Лазар.

Раньше мы думали, что сложившееся положение невозможно изменить. Как можно в России бороться с антисемитизмом? Понятно, государственного антисемитизма уже нет, но бытовой живет в каждой квартире. И вот сегодня можно твердо говорить: положение меняется к лучшему. Когда есть еврейская община, с антисемитизмом бороться проще. Евреи чувствуют себя увереннее, совсем по-другому. А антисемитизму необходим наш страх. Сегодня у нас есть возможность верить власти, в то, что она заинтересована поднять еврейство. Мы гордимся тем, что есть помощь руководства государства в создании еврейской общины. Я хочу пожелать всем делегатам съезда: дай Б-г, чтобы через два года ваша и наша работа принесла не меньшие результаты».

Делегаты съезда бурными аплодисментами встретили речь главного раввина России. После голосования председатель избранной мандатной комиссии Юрий Ваганов, подведя итоги регистрации делегатов съезда, объявил о наличии кворума. Съезд открылся, и слово было предоставлено президенту ФЕОР и Фонда поддержки еврейской культуры «Атиква» Михаилу Глузу.

«Два года пролетели, и сегодня мы снова вместе, – сказал он. – Многие спрашивают, почему съезд проходит сейчас, а не через пять лет после первого съезда, как формально предполагалось. Нам необходимо было собраться, потому что за два года численность нашей организации выросла вдвое. И это впечатляющий результат. Теперь масштабы организации требуют постановки других задач, главная из которых – создание полноценной еврейской общины в Российской Федерации.

Основные направления, по которым велась работа в прошедший период, – создание региональных религиозных центров и условий для развития еврейского религиозного и светского образования на местах. Это большая культурная деятельность – это и создание новых творческих коллективов, и обширная гастрольная, и широкая благотворительная деятельность.

Президент Федерации еврейских общин России Михаил Глуз и посол Государства Израиль в России Натан Мерон.

Федерация еврейских общин создавалась в России, чтобы работать в интересах российских евреев, на благо всего нашего общества. Мы хорошо отдаем себе отчет в том, что благополучие народа требует мира не только в межнациональном и интернациональном отношениях, но и внутри самого еврейского сообщества. Наша важнейшая задача сегодня – создание всероссийской массовой еврейской общины, объединяющей также и светские организации различной направленности, а самое главное – не примыкающих никуда евреев, далеких пока от любых форм еврейской общинной жизни.

Очевидно, реализация этой задачи требует не только расширения деятельности, но и преодоления разногласий, в некоторых случаях – объединения с другими еврейскими, религиозными и светскими, организациями страны во имя общей цели.

Перемены последних лет впервые за много веков создали для российских евреев уникальные условия существования. Еврейская культура получила не только возможность свободного развития, но и поддержку со стороны федеральной власти. Наша община готова употребить свой уникальный опыт для решения благородной задачи обеспечения национального и конфессионального мира и согласия в нашем обществе. Впервые за долгие годы у еврейской общины в лице ФЕОР сложились самые тесные партнерские отношения с центральной властью и с руководством целого ряда субъектов Российской Федерации. Мы уверены, что польза от этого взаимодействия обоюдна. Высоко ценим взаимопонимание и поддержку администрации президента Российской Федерации, глав администраций регионов России. Выдающаяся роль в этом процессе принадлежит Владимиру Владимировичу Путину». Эти слова Михаила Глуза зал поддержал самыми бурными аплодисментами.

«Ровно год назад, – продолжал М. Глуз, – в сентябре прошлого года, президент открыл этот замечательный, уникальный центр. Событие это выходит далеко за рамки жизни евреев Российской Федерации. И я думаю, что нам, находящимся в этом зале, могут позавидовать евреи многих стран мира. Президент побывал у нас на Хануке, вместе с нами отметил этот праздник. Это большое событие.

Президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев.

На протяжении последних двух лет у нас было много достижений, и, действительно, мы многого добились. К великому нашему огорчению, есть у нас и потери...». Говоря о потерях, М. Глуз имел в виду безвременную кончину председателя казанской общины Леонида Сонца, выдающегося человека, великого скрипача, который всю свою жизнь отдал служению еврейской музыке и еврейскому народу. «Он был для нас примером служения еврейскому народу, еврейскому искусству», – сказал М. Глуз.

Делегаты съезда почтили память Леонида Сонца минутой молчания.

Далее слово было предоставлено президенту Федерации еврейских общин СНГ г-ну Леви Леваеву.

«Для нас большой праздник и честь, что сегодня в этом зале мы собрали председателей еврейских общин из всех регионов России. Надо сказать, аршинными шагами продвигается община к новой жизни. Мы работали с общинами всех стран СНГ больше 10 лет. А когда начинали эту работу, было множество проблем и трудностей. Но мы двигались активно, хорошим темпом. И это благодаря нашему взаимопониманию, а также помощи губернаторов и, естественно, в первую очередь, помощи двух президентов – бывшего президента России Бориса Ельцина и нынешнего президента Владимира Путина, которые активно нам помогали и помогают.

Община не может быть сильной только помощью государства или одного бизнесмена, способного материально содержать всю общину. Нужна большая работа множества людей. У нас в Федерации уже более 66 школ, десятки детских садов, бесплатных столовых и много культурных центров наподобие этого. Конечно, не таких красивых, но более или менее похожих. Вся эта большая работа выполняется благодаря помощи тех же членов общины, которые постепенно начинают приходить к еврейской жизни и участвовать в строительстве общины.

Я говорил 10 лет назад, что наступит время, когда мы не будем просить помощи, а сами будем помогать общинам, и американским, и других стран. И вот это время настало. Сейчас мы участвуем в проекте, в рамках которого к нам приехали более тысячи студентов из США и наши студенты поехали в Израиль по святым местам, для изучения религии.

Мы знаем, что наши потомки – дети, внуки – должны возвращаться к истокам, изучать историю, традиции своего народа. Президент Путин, в частности, говорил, что каждый народ волен соблюдать свою религию, блюсти традиции. Я рад, что все это

осознается и, слава Б-гу, осуществляется с большим успехом». В заключение Леви Леваев пожелал делегатам и гостям съезда плодотворной работы и больших успехов.

После аплодисментов слово было предоставлено заместителю главы администрации президента Российской Федерации Сергею Александровичу Абрамову, который зачитал послание президента Владимира Путина съезду.

Начальник отдела внутренней политики Администрации президента РФ Сергей Абрамов и министр культуры Российской Федерации Михаил Швыдкой.

«Сердечно приветствую участников второго съезда Федерации еврейских общин России. Он проходит под знаком возрождения национальных ценностей и всех конфессий нашей страны. Ваша организация ведет активную работу по приобщению российских евреев к вечным духовным ценностям, всестороннему и динамичному развитию еврейской общины в ситуации стабилизации общества.

Сегодня, как никогда, необходимо объединять усилия государств, всех конструктивных сил общества для противодействия глобальной угрозе терроризма и экстремизма. Самый решительный отпор должны встречать проявления антисемитизма. Уверен, Федерация еврейских общин России и в дальнейшем будет служить делу стабилизации мира и согласия. Желаю вам успешной творческой работы».

Послание президента Российской Федерации было встречено бурными аплодисментами.

Министр культуры Российской Федерации Михаил Ефимович Швыдкой в своей приветственной речи отметил роль еврейского народа в развитии культуры России. «Не в этой аудитории мне говорить о том, — сказал он, — какую роль сыграли деятели искусства и культуры еврейской национальности в нашей стране, что они принесли славу своей родине – России, и не мне говорить, как важен вклад каждого из вас в чувство национальной принадлежности двух великих наций, двух великих культур – русской и еврейской, и это обогащает каждого из нас. Я уверен: то сотрудничество, которое сегодня существует в области культуры между еврейскими общинами, еврейским культурным центром и министерством культуры, в высшей степени важно для нас. Мне кажется, оно способствует развитию культуры еврейских общин в России.

У нас существует соглашение, которому мы стараемся следовать, но дело не только в бумаге. Хочу еще раз уверить вас в том, что все начинания еврейских общин, все культурные акции, которые важны для развития еврейской культуры, для развития самоосознания еврейского народа в нашей стране и за ее пределами, министерство культуры поддержит. Я уверен: искусство несет добро в мир, искусство просветляет наши души, искусство помогает нам жить – и это очень важно для всех нас».

Михаил Швыдкой сердечно поздравил всех присутствующих с началом работы форума и пожелал процветания и успехов всем еврейским общинам.

Посол Государства Израиль в России в своем выступлении отметил, что 10 лет назад невозможно было вообразить, что в еврейской общине России могут произойти такие изменения, благодаря которым отношения между Израилем и Россией станут настолько тесными, какими еще никогда не были за всю их историю. Посол поделился впечатлениями от своих встреч с президентом России, рассказал о том значении, которое тот уделяет проблеме антисемитизма в стране и другим важнейшим вопросам. Он вспоминал, как на Хануку Владимир Путин в течение трех часов оставался на празднике. «Я тогда сказал г-ну Леваеву, – вспоминал Натан Мерон, – что за всю историю России, как мне кажется, все вместе взятые главы этого государства не провели в синагоге трех часов». Эти слова посла были встречены продолжительными аплодисментами.

Губернатор Самарской области Константин Титов.

Далее Натан Мерон подчеркнул роль г-на Леваева в распространении еврейского воспитания и еврейской традиции в России. «У меня нет никакого сомнения, что вклад г-на Леваева – один из важнейших вкладов в отношения между государствами Израиль и Россия».

Был отмечен и тот особый вклад, который вносит в отношения между народами главный раввин России Берл Лазар. В результате его интенсивной неустанной деятельности улучшились отношения между еврейской общиной, властью России и ее народом. «Он удостоен благодарности во всем еврейском мире и особенно здесь, в России», – подчеркнул посол. Также он отметил большое значение тех общинных дел, которые совершаются во всех уголках нашего государства.

Затем Н. Мерон зачитал послание президента Государства Израиль с приветствием и поздравлениями в адрес съезда. Моше Кацав отмечал помощь ФЕОР евреям России в приобщении к еврейским традициям и духовным ценностям, которые олицетворяет Государство Израиль.

С приветственным словом на съезде выступил губернатор Самарской области Константин Алексеевич Титов. Он отметил, что заседание съезда проходит настолько четко и слаженно, что, как он пошутил, можно сказать, мероприятие проходит в лучших традициях съездов Коммунистической партии Советского Союза. Шутка вызвала аплодисменты зала. «Но с другой стороны мы с вами прекрасно понимаем, что живем уже в совершенно другой стране, – отметил губернатор. – Это настоящая большая держава с великим народом».

«Но к моему глубокому сожалению, – продолжил К. Титов, – есть в нашей стране люди, которые не понимают, что живут в многонациональной державе. И, конечно, великий народ, если он по-настоящему велик, ни в коей мере не должен использовать свою силу и влияние, чтобы ущемлять другие народы. Я рад, что сегодня политика президента России совпадает с моим мнением, с мнением и чаяниями многих людей нашей страны, в том числе еврейства. Мы все хотим равноправия, мира. Мы все против того, чтобы ущемлялись наши права и свободы. И я понимаю, как сегодня тяжело и трудно, хотя значительно легче, чем несколько лет назад».

В завершение выступления К. Титов призвал к добрососедству, укреплению общественных и культурных контактов во имя развития России, процветания каждого человека в условиях взаимоуважения.

За самарским губернатором с приветствием съезду выступил начальник отдела внутренней политики посольства США г-н Дуглас Уэйк. «От имени Чрезвычайного и Полномочного Посла США в Российской Федерации Александра Вершбоу, – сказал он, – позвольте мне сердечно поздравить Федерацию общин России с открытием ее второго съезда. Значительный рост и расширение ее многогранной деятельности являются свидетельством возрождения еврейской жизни в последние 10 лет. И российские, и американские еврейские общины богаты своим многообразием». Он пожелал, чтобы в России продолжали развиваться еврейские организации и между ними складывались добрые отношения.

От московской мэрии выступил министр правительства Москвы Александр Ильич Музыкантский. Он зачитал обращение Ю. Лужкова к участникам съезда.

«Знаменательно то, что ваш съезд проходит на важном этапе истории России и ставит перед собой благородные цели содействия развитию еврейского образования и культуры, расширению благотворительных программ, укреплению нравственных начал, достижению согласия в обществе». «Всего два года прошло со времени создания вашей Федерации, однако она превратилась во влиятельное всероссийское еврейское объединение, – подчеркнул Ю. Лужков, – которое проводит большую работу на поприще социального служения, стремится объединить усилия тех, кто участвует в установлении еврейского национального самосознания. Считаю, что Федерация еврейских общин располагает значительным потенциалом, чтобы усилить свое влияние на процесс укрепления взаимопонимания и доверия между народами, их объединение в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом, политическим международным экстремизмом. Уверен, что разносторонняя деятельность еврейских религиозных

организаций будет и в дальнейшем содействовать утверждению высокой духовности и нравственности в жизни общества, упрочению гражданского согласия, межнационального и межконфессионального мира».

Приветствие мэра Москвы также было встречено бурными аплодисментами.

Далее были зачитаны поздравительные телеграммы в адрес съезда от главных раввинов Израиля, Англии, Франции, Южной Африки, раввина Штейнзальца, от премьер-министра Государства Израиль А. Шарона, от писателя, лауреата международных премий Эли Визеля, от различных американских еврейских организаций, от глав российских регионов – Екатеринбурга, Ростовской области, Красноярского края, от президента республики Татарстан, из Санкт-Петербурга.

Начальник отдела внутренней политики Администрации президента РФ Сергей Абрамов.

Съезд приветствовали исполнительный вице-президент Российского еврейского конгресса Александр Абрамович Осовцов, председатель Ваада, старейшей еврейской организации Советского Союза и Российской Федерации Михаил Анатольевич Членов. Он поздравил делегатов и гостей съезда и сказал: «Символично, что съезд сегодня проходит в довольно сложное время, в ту пору, когда все народы мира, в том числе и еврейский народ, и народ Израиля, объединяют свои усилия в борьбу против страшного зла – международного терроризма. Это борьба между силами света и тьмы. И очень символично присутствие на съезде представителей разных национальностей, конфессий, которые пришли сюда, чтобы поддержать усилия еврейства в борьбе с этим международным злом» М. Членов отметил большой вклад общинных организаций в борьбе с антисемитизмом в период становления в России гражданского общества.

Представитель Всемирной еврейской организации помощи и утешения говорил о плодотворном сотрудничестве американской организации помощи и утешения с Федерацией еврейских общин России. Такое сотрудничество охватывает различные стороны еврейской жизни: это и благотворительная деятельность, и распределение гуманитарной помощи, и организация благотворительных столовых. Всемирная еврейская организация помощи и утешения имеет 20 филиалов на всей территории России, вплоть до Петропавловска-Камчатского. Ее сотрудники во время своих путешествий по Российской Федерации отмечают появление все новых и новых очагов еврейской жизни. Это показывает, насколько динамично и стремительно работает Федерация еврейских общин, и поэтому Всемирная организация помощи и утешения желает ФЕОР колоссальных успехов и заверяет в продолжении творческого сотрудничества.

Представляя следующего гостя съезда, Борух Горин сказал: одно из лучших благословений, которое Г-сподь может дать еврею, – это чтобы его дети были

продолжателями всех добрых родительских дел. И тогда люди скажут о таких детях: «Благословенны отец и мать, родившие его». Так съезду был представлен раввин из Милана Мойше Лазар, отец главного раввина России Берла Лазара. Он также приветствовал съезд.

Были на съезде и представители других конфессий. Например, от Русской православной церкви выступил Дмитрий Румянцев, от лица священноначалия приветствовавший съезд и пожелавший всяческих успехов в его работе.

Исполнительный вице-президент Российского еврейского конгресса Александр Осовцов.

Последние десятилетия Россия живет в новых условиях. Свобода стала неотъемлемой частью жизни, и оказалось, что это довольно тяжелый груз, не каждому он по силам. С положительными моментами, которые обретаются с получением свободы, соседствует уродливое наследие того семидесятилетнего плена, в котором пребывала Россия. «Мы видим эти негативные явления, – сказал Дмитрий Румянцев, – и считаем, что ответственность за их преодоление в первую очередь ложится на религиозных деятелей». «И мы можем сегодня с удовлетворением отметить, – сказал он, – что Русская православная церковь очень плодотворно сотрудничает с вашей организацией. Пусть этот опыт еще не очень большой, но он есть. Подтверждением этому стали результаты прошедшего в Даниловском монастыре год назад межрелигиозного миротворческого форума, инициатором которого была Русская православная церковь, где наши представители обсуждали жизненно важные для России проблемы».

В завершение Дмитрий Румянцев отметил, что события последних месяцев показали: подобные усилия не бывают излишними. Напротив, их всегда не хватает. Поэтому от священноначалия Русской православной церкви он выразил пожелание, в первую очередь сотрудничая в рамках межрелигиозного совета, и в дальнейшем служить миротворчеству, взаимопониманию между народами и представителями разных конфессий, совместными усилиями добиваясь как можно более плодотворных результатов.

Затем с приветственной речью выступил представитель Центрального духовного управления мусульман России Салтан Фарит Хазрат, подчеркнувший, что всех россиян, будь то мусульманин, иудей, православный или представитель какой-либо другой конфессии, или тот, кто не относит себя ни к одной из конфессий вообще, объединяет единое государство – святая Русь, что обязывает всех граждан, независимо от их мировоззрения, искать и находить достойные пути взаимодействия в решении жизненно важных проблем, исходя из принципов миролюбия и добрососедства.

После приветствий с отчетным докладом выступил исполнительный директор ФЕОР В. Энгель. Он отметил, что задачу, которую ставила перед собой созданная два года назад Федерация еврейских общин России, – воссоздать в течение нескольких лет полноценную еврейскую жизнь в нашей стране – можно считать выполненной. Сегодня в России существует мощная еврейская община, у которой, несмотря на определенные сложности и некоторые недостатки в работе, есть большой потенциал. ФЕОР способствует возрождению еврейской жизни во всем ее многообразии даже в самых отдаленных регионах страны.

Председатель Ваада Михаил Членов.

Учредителями ФЕОР были 66 религиозных организаций. Сейчас число организаций, входящих в состав Федерации, увеличилось до 143. По всей стране возросло количество действующих синагог. В настоящее время в 15 общинах действуют 17 общеобразовательных школ с еврейским этнокультурным компонентом и 13 еврейских детских садов. На территории России работает 41 воскресная школа, где обучаются 2500 детей и взрослых. Очень распространены такие формы работы, как семейные клубы, летние детские лагеря – в них 2473 ребенка смогли не только отдохнуть, но и приобщиться к еврейской жизни. Создано 3 высших учебных заведения.

Большую поддержку ФЕОР оказывает общинам в организации культурной жизни на местах, рекомендует методы и формы общинной работы. Проводятся семинары по подготовке к праздникам. В 60 российских городов было отправлено 120 инструкторов для оказания помощи в проведении наиболее важных мероприятий. Общины получают помощь в обеспечении религиозной атрибутикой и литературой.

Президенту ФЕОР, народному артисту России Михаилу Семеновичу Глезу была выражена благодарность за ту огромную работу, которую он проделал в организации и проведении гастролей профессиональных и самодеятельных коллективов еврейского искусства. С марта 2000 года организовано 112 концертов в 120 городах страны, из них в 20 городах Сибири и Дальнего Востока. Такие мероприятия, как показал опыт, являются наиболее действенным инструментом приобщения еврейских семей России к общинной жизни.

В докладе приводились данные о благотворительной работе ФЕОР, а также по информационном обеспечении и издательской деятельности.

При подведении итогов были сделаны следующие выводы.

1. ФЕОР стала объединительным центром, который смог обеспечить реальное функционирование основных элементов религиозной общинной жизни практически во всех регионах России.

2. Эффективная многоплановая деятельность Федерации обеспечила рост численности организации более чем в 2 раза, объединено более 2/3 всех еврейских общин страны.

3. За два года удалось вплотную подойти к вопросу о создании единой общероссийской общины, где религиозные и нерелигиозные еврейские организации и учреждения группировались бы вокруг духовного центра.

Также в докладе были рассмотрены насущные задачи ФЕОР в связи с обстановкой, сложившейся внутри страны и на международной арене. При этом подчеркивалось, что Россия – страна, обладающая уникальной национально-конфессиональной структурой, на своем собственном примере вырабатывает сегодня новую модель взаимоотношений цивилизаций, в основе которой лежит идея межнациональной и религиозной толерантности. При этом роль еврейской диаспоры России огромна. Во-первых, опыту интеграции евреев в российское общество уже более 200 лет. Во-вторых, в отличие от многих народов, имеющих свои диаспоры только на территории России, евреи проживают в рассеянии в большинстве стран мира, в странах с разными культурными традициями и уровнями цивилизации. Испытывая влияние различных культур, изучая и умножая наследие других цивилизаций, евреи при этом сохраняют верность Торе, своей религиозной традиции и идентифицируют себя как единый народ. Фактически еврейский народ еще много веков назад вывел формулу межкультурной толерантности – соблюдая закон страны проживания, не навязывая свои ценности другим, сохранять верность собственным истории и традициям, в то же время впитывая все лучшее из других культур. Пожалуй, в этом и состоит рецепт выживания цивилизации, и российские евреи предлагают его сегодня всему обществу.

Лишь в одном наш народ был всегда непреклонен и отказывался идти на компромисс – когда вставал вопрос об ассимиляции, и за равноправие и лояльность властей еврейской общине требовалось отказаться от своей самобытности, религии и культуры.

Евреи встали в оппозицию советской власти только после того, как государственный антисемитизм стал повседневной практикой КПСС, выпечка мацы стала приравниваться к экономическим преступлениям, а изучение родного языка стало признаком политической неблагонадежности.

Перемены, произошедшие в нашей стране за последние 10 лет, впервые за много веков создали благоприятные условия для существования российских евреев. Государственный антисемитизм полностью исчез. Те вопиющие акты бытового антисемитизма, происходящие с той или иной интенсивностью в регионах страны, все чаще вызывают такое же негодование властей, как и со стороны еврейской общины. В этих случаях власти делают все возможное для пресечения таких актов, розыска и наказания преступников. Мы считаем, что сегодня, когда власть повернулась к нам лицом и налажился позитивный диалог с православной церковью и духовным управлением мусульман России, все вопросы можно решать спокойно и взвешенно, действуя с позиции партнерства и сотрудничества, а не с позиции противостояния и силы.

В том же докладе была рассмотрена международная деятельность ФЕОР. Был сделан следующий вывод. «За прошедшие два года с момента создания ФЕОР была проведена огромная работа, вряд ли имеющая аналоги по своим объемам в истории российского еврейства. Но сделать предстоит еще больше. Перспективы общинной работы огромны. Федерация выражает уверенность, что вместе мы сможем добиться значительных успехов в деле создания единой еврейской общины Российской Федерации. Мы готовы идти к этой цели рука об руку со всеми, кто видит в этом целесообразность, оставив в прошлом противоречия и непонимание. Мы – единый народ в единой стране, с уверенностью смотрящий в будущее».

После отчетного доклада выступали председатели различных общин: Петербурга, Красноярска, Иванова, Выборга, Рязани, Тулы и другие. Речь шла о достижениях на местах, о том, как маленькие группы единомышленников превращаются в довольно крупные организации. В выступлениях подчеркивалось, что до появления Федерации вся работа в общинах держалась на активности малой группы энтузиастов, а с ее появлением работа приобрела четкий целенаправленный характер. Подчеркивалась большая помощь ФЕОР в снабжении литературой, периодикой на еврейскую тему.

Председатели общин выражали благодарность раввину Берлу Лазару за своевременную помощь и поддержку и Михаилу Глузу за помощь в организации и упорядочивании культурной жизни общин, а также гастрольных концертов.

Беседа Раввинского совета ФЕОР.

В рамках съезда работали секции: семинар координаторов (проводили исполнительный директор ФЕОР В. Энгель и заместитель исполнительного директора по развитию ФЕОР М. Гринштейн), «Религиозная жизнь общины» (пресс-секретарь ФЕОР Б. Горин), «Антимиссионерская деятельность» (профессор иудаики, раввин А. Лакшин), «Попечительские советы на местах, местный и иностранный фондрейзинг для общины» (исполнительный вице-президент ФЕОР А. Борода). Главный раввин России Берл Лазар провел заседание Раввинского совета ФЕОР, а глава совета председателей ФЕОР, председатель Петербургской еврейской общины Марк Грубарг – заседание Совета председателей общин.

После интенсивной работы в первый день съезда делегаты и гости посетили музыкальный театр имени Наталии Сац, где Е. Александров представил их вниманию моноспектакль «Песни еврейского местечка».

На следующий день в МЕОЦе продолжалась работа по секциям: «Структуры и основные направления работы ФЕОР», «Общинные центры», «Интернет в работе общины» (В. Энгель, М. Мельман, М. Гринштейн и С. Сладков); «Работа с органами власти на местах» (А. Борода); «Работа общин ФЕОР с еврейскими организациями, не входящими в ФЕОР», «Международный аспект деятельности ФЕОР» (В. Энгель и Р. Садовникова). Состоялся семинар молодежных лидеров (Меир Ньюман и Юрий Ваганов).

Во второй половине дня работали секции: «Информационное обеспечение в работе общины» (Б. Горин, И. Палеес) и «Культурные, образовательные программы и спортивно-массовая работа в общинах ФЕОР» (В. Энгель, В. Полянский, М. Гринштейн, И. Финкельштейн). Был организован «круглый стол» по «Проблемам ксенофобии и антисемитизма в современной России», в работе которого приняли участие В. Энгель, Б. Горин, И. Палеес, А. Игнатенко, Т. Голенпольский.

На закрытии съезда гостям и делегатам был показан видеофильм о создании и работе ФЕОР, состоялась презентация книги Рут Козодой «Еврейские праздники» (в пересказе Оры Шир, под редакцией Ф. Дектора, издательство «Лехаим»).

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Марк Китайгородский, Галина Казимилова, Сергей Кубович

ПРАЗДНИК ЧУВСТВУЕТСЯ ОСОБО

Месяц Тишрей (в этом 5672 году с середины сентября по середину октября), буквально изобилующий праздниками, особую радость дарит евреям во второй своей половине. Ведь начинается он хоть и радостно, но с оглядкой на прожитый год, – с Рош а-Шона, когда Б-г начинает судить людей, за которым Дни трепета, раскаяния и в конце концов подписание приговора в Йом Кипур, день строжайшего поста и особых молитв.

Однако в жизни всему есть время – и труду, и отдыху, и строгости, и веселью. Самые веселые еврейские праздники – Суккос с шалашами и яствами, Шмини Ацерес и Симхас Тойра с танцами вокруг бимы со свитками Торы в руках, выпали в этом году на октябрь. О празднике Симхас Тойра разговор особый – во все времена даже самых страшных запретов евреи Москвы в этот вечер собирались на «горке» – на улице Архипова (ныне Б. Спасоглинищенский переулок) и с гордостью, в национальных танцах, в песнях являли свое еврейство, радуясь ему всем врагам назло, вопреки всем запретам.

Еврейские праздники неизменно связаны с историей народа, они свидетельствуют о событиях прошлого, протягивая их смысловую нить в сегодняшний день. Из поколения в поколение эмоционально переживая былое, мы учимся на опыте предков стойко преодолевать трудности, не предаваться унынию и при случае радоваться так, чтобы потом этой радости хватило как минимум на год вперед. Таков и праздник Суккос - пик веселья годового цикла, когда, в очередной раз убедившись, что в мире царствует Творец, мы от радости пускаемся в пляс.

Слово «суккос» происходит от «сукка», – это «кущи», «шалаши». Семидневный праздник начинается в пятнадцатый день седьмого месяца года, как сообщает Тора. Суккос, один из трех главных еврейских праздников, упоминает еще Плутарх.

Считается, что первоначально это был чисто земледельческий праздник жатвы и сбора плодов. С древнейших времен паломники устремлялись в Иерусалим с дарами для Храма. Суккос посвящен Исходу из Египта и странствиям на пути к Земле Обетованной. Его очевидные приметы – во-первых, конечно, сукка, где согласно заповедям мужчины должны есть и спать в память о кущах, в которых Б-г поселил израильтян в пору их сорокалетних странствий по пустыне, и лулав с этрогом (четыре вида растений, связанных вместе, и плод особого цитрусового дерева). Лулав с этрогом символизирует единство разных частей еврейского народа, а правилам относительно сукки в Талмуде посвящен особый трактат «Сукка».

При соблюдении особых правил каждый сам себе, собственной семье может построить шалаш, и это очень желательно. В Израиле таких маленьких шалашей всегда множество, а в Москве в этом году был по крайней мере один: хасид со стажем, заместитель главного редактора Российской еврейской энциклопедии Зеев Вагнер построил его для себя на балконе своего офиса в центре города. Зато в больших шалашах недостатка в столице не было. Только в Марьиной роще построили целых два - крытые еловым лапником, душистые, просторные, гостеприимные; поменьше размером – как всегда, на Большой Бронной у раввина Ицхака Когана, у раввина Довида Карпова в Отрадном, в школе Ривки Вайс на улице Клары Цеткин – наверное, наиболее изысканно украшенный руками учениц... Думается, шалашей в городе было не менее двух десятков, так что желающие выполнить заповеди праздника, записанные в Торе, просто не имели возможности отказать себе в этом удовольствии – исполнить свой долг перед Творцом. Однако заметим: везде, в каждой сукке ждали еще большего числа гостей – всем хватило бы и места, и угощения, везде были опытные «инструкторы», готовые разъяснить, что делать и как.

Как рассказал директор отдела МЕОЦа “Бейс Хабад” Михаэль Мишулович, в этом году впервые по Москве в дни Суккоса разъезжали 8 машин с шалашами “на борту” и пользовались большим успехом!

И все же если вы еще не бывали в сукке, не ждите, что она сама вдруг подъедет к вам на колесах, в будущем году, непременно преодолите занятость, инерцию, робость, предубеждение, еще что-то и приходите сами по любому удобному вам адресу. И вы почувствуете... Впрочем, что говорить, надо почувствовать самому, как, к примеру, это сделал в нынешнем году писатель, бывший главный редактор газеты «Вестник ЕАР», а ныне один из ведущих сотрудников системы «Ор Авнер» Феликс Дектор. Четверть века уже прожил он в Израиле, а пришел впервые в сукку и выполнил заповеди праздника Суккоса в Марьиной роще в 5762 году. Добро пожаловать и вам!

Осенние праздники в этом году МЕОЦ организовал по-особому. Впрочем, лучше один раз увидеть: красноречивей, чем слова, расскажут фотографии.

Иосиф Слободской

В ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКАХ НАРОДОВ МИРА

29 октября в культурном центре МЕОЦа в Марьиной роще открылась фотовыставка «Праведники народов мира», посвященная в первую очередь людям, спасавшим евреев от физического геноцида в годы Холокоста, – дипломатам Ф.Фоли (Англия), Ч. Сугихара (Япония), Р. Валленберге (Швеция) и многим другим. Экспозиция рассказывает и о спасенных. Специальный ее раздел посвящен представителям русской и мировой культуры, выступавшим против политики принудительной ассимиляции и духовной деградации нашего народа — Байрону, Лермонтову, Майкову, Горькому, Шаялину и другим. Подготовило этот проект Общество Рауля Валленберга (90-летие шведского дипломата отмечается в будущем году) во главе с кандидатом искусствоведения, председателем его российского отделения Ресиным Григорием Кузьмичом. На открытии выставки звучали слова

благодарности главному раввину России Берлу Лазару и Александру Бороде за оказание реальной помощи в организации выставки.

В одном из залов МЕОЦа накануне ее открытия прошло собрание активистов общества. Оно началось зажиганием поминальной свечи и молитвой: «...Будут помянуты перед Тобой души всех праведников народов мира, которые самоотверженно укрывали и спасали евреев от страшной насильственной смерти. И среди них – сын народа Швеции Рауль Валленберг...»

В этом собрании приняла участие и праведница из Канады, внучатая племянница Шолом-Алейхема, в роду которой были известные раввины, Светлана Ильинична Коган-Рабинович. Прошедшая ужасы гетто и сталинских лагерей, она собрала 120 книг и 200 документов о еврейской традиции и Холокосте, а также коллекцию литературы и картин по хасидизму. «По крохам собираю эти сведения, – рассказала она, – чтобы они стали достоянием будущего. Этому я посвятила всю свою жизнь». Дважды в год эта женщина приезжает в Россию, чтобы побывать на могиле мужа, бывшего разведчика. Кстати в Торонто, где она живет, как и в Москве, есть памятник Валленбергу.

На собрании общества состоялась презентация первого номера издания «Бюллетень Рауля Валленберга». Это издание посвящено как праведникам мира, так и вопросам культуры и истории еврейского народа. «Мы свято храним и чтим память наших заступников и будем передавать это из поколения в поколение, — в своем выступлении сказал доктор М.А.Ревкин. — И все же живем мы в первую очередь благодаря тому, что подвижники всегда были среди нашего народа. Наш народ богат такими людьми, которые своим великодушием, своей преданностью, своей жизнеутверждающей силой служат другим. Каждый из нас должен всячески стараться помогать тем, кто все силы прилагает ради сохранения памяти, фиксируя ее в воспоминаниях, эссе, в архивном материале».

На открытии выставки.

Идея выставки состоит в том, чтобы сплотить евреев России и зарубежья, людей разных мировоззрений, образования и социального статуса вокруг общих национальных задач — оберегать наследие предков, память о них, сообща преодолевать трудности, помогая тем, кто пока еще не нашел дорогу к родной традиции, не открыл для себя мудрость заповедей Всевышнего и потому еще не находится в единстве со своим народом.

Выступает праведница из Канады С. Коган-Рабинович.

К сожалению зал, где проходило открытие выставки, был неполон, и Натан Койфман, который на протяжении двенадцати лет создает фотолетопись возрождения еврейской общины, обратился к собравшимся со словами, с которыми невозможно не согласиться. Он сказал: «Если бы вы взяли сюда своих внуков, то они не по учебнику могли бы узнать историю Холокоста, а воочию увидеть людей, побывавших на пороге жизни и смерти, собственными ушами улышали бы не речь учителя, прочитанную по бумажке, а живые свидетельства участников тех страшных событий. Если бы дети ваши пришли сюда и почувствовали атмосферу этого дома, которая создается главным раввином России Берлом Лазаром и его единомышленниками, подвижниками, они, я уверен, по-особому смотрели бы в завтрашний день. И глаза выступающих горели бы по-особенному, как это было у нашего Совета, когда открывали бюст Раулю Валленбергу в Библиотеке иностранной литературы. Очень жаль, что мы сегодня не передаем эти знания тем, кому они необходимы. Кто знает, сколько нам еще отпущено дней».

Выступает Н. Койфман.

Не хотелось бы заканчивать на такой грустной ноте. Дай Б-г нашим уважаемым ветеранам, старейшинам долгих и добрых лет. И еще хотелось бы пожелать, особенно молодежи, почаще бывать на подобных мероприятиях, не чураться своего еврейства, не предаваться суетному, а как можно ответственной взглянуть в завтрашний день и понять раз и навсегда: мы – один народ, мы – братья, мы – друг другу опора, и сегодня у нас есть все, чтобы реализовывать потенциал, заложенный в нас самим Всевышним. Что же касается выставки, то, уверен, необходимо, чтобы ее смогли увидеть как можно больше людей в разных уголках страны.

Матвей Гейзер

ВОТ РВЕШЬСЯ ТЫ, ЕДИНСТВЕННАЯ НИТЬ...

Í àì yòè Áëáëñí äðà Áðíí íáá

20 октября, уже собравшись в Израиль, я узнал, что умер Александр Аронов, поэт и журналист, человек заметный и уважаемый в литературном мире Москвы. Отложить поездку не удалось, и угрызения совести меня не покидают, что я его не проводил.

Последний раз мы встретились с Сашей в редакции «Московского комсомольца», он вышел на работу после второго инсульта. Работать рвался — принес новые заметки в «колонку Аронова», без которой трудно себе представить «МК». Было это осенью 1997 года. Он сказал мне: «Старик, надо находить время дружить не по телефону. Я с тобой, пока болею, точнее, с твоим замечательным Эзрой (герой моей повести «Иов из Шполы». — М.Г.) общаюсь каждый день, а ты со мной — редкими звонками». Разумеется, я признал свою неправоту, но опять, как говорится, закрутился. Так живут многие люди моих лет. Когда можно и нужно встречаться, откладываем до лучших времен, забывая, что все мы давно уже попали в возраст потерь, а не находок. Периодически от общих знакомых что-то о Саше узнавал неутешительное.

Когда ушедшему из жизни человеку смотришь вслед, так или иначе задаешься вопросом: а был ли он счастлив? Я думаю, Александр Аронов в своей жизни счастлив был, потому что он имел своего читателя, массового, который начинал читать популярную газету с третьей полосы, с ароновской колонки. Он дружил с Иосифом Бродским и Евгением Евтушенко, Игорем Губерманом и Евгением Рейном и не случайно, ибо Саша сам был поэтом настоящим. «Никто не может быть хорошим поэтом без душевного огня», — заметил Цицерон. Уж в этом Саше не откажешь. Вот одно из любимых мною его стихотворений:

Áíò ðááöüñý òú,

áëí ñò áúí áý í è ò ü

Í íá ááç ò ááý í á áúí áñ è,

êîíá:íî.

Êàè yòè äââ çâçäü ñî äâèí èòü-

Í yòèêîíá:íóþ

ñî ðâñòèêîíá:ííé?

Áââ áíèè. Áââ ì ðèçâí üÿ.

Æèçí üèääò,

È yòí áññ ñò áí íâèòíÿ

í äââæíî.

- Æèäü è êîí ì óí èñòü,

ðâññáí áðâí!

В áíîíæó Á ì áíÿ ñò ðâÿÿéòá

ääâæäü.

Эти стихи написаны в молодости (конъюнктуры в них нет ни капли), возможно, под влиянием любимого им Бориса Слуцкого, у которого:

Í î âèáí î, ÷òí-òí çí äâò

è ñòíâèò

Í á ì áí äâ èñèíí í úé

è èçâí:í úé

Í îíîíæèé í à îò ì ù÷éó

ì îññáí äíâèä -

Áññ ðâñòü êîííîíá çâçäü

ðâñòèêîíá:ííé.

В том, что пятиконечная и шестиконечная звезды несоединимы, Саша Аронов окончательно убедился в 1990 году – он тогда публично вышел из рядов КПСС.

Вспоминая его, не могу не рассказать о первой нашей встрече. Это было ранней весной 1969 года. Я принес в «МК» свои заметки о Маршаке, вернее, не заметки, а целую «диссертацию» – 24 печатных страницы. Прочитав их, он через несколько дней позвонил: «Печатать твоё эссе о поэзии Маршака не буду. Не потому, что я не состою в числе его поклонников, а потому что ты слишком откровенно, навязчиво любишь его стихи.

Напиши о нем что-то другое». Через несколько дней я принес другой вариант, где рассказывал, как С.Я. Маршак своими письмами помогал людям разного возраста, разных профессий. Прочитав при мне, Саша Аронов сказал: «Это пойдет. Спасибо». И в начале мая действительно пошло – слово он держал.

В 763-м номере израильского журнала «Круг» (март, 1992) была опубликована моя статья о Саше Аронове «Антисемитизм – проклятие самих антисемитов». Есть в ней и небольшое интервью. Об антисемитизме он тогда сказал: «Я убежден: антисемитизм – это и наше тяжелое испытание, и проклятие самих антисемитов, бороться с которым должны сами русские». А на вопрос, состоится ли, по его мнению, полный исход евреев из России, ответил: «Думаю – нет. Достаточно вспомнить исторические корни, многочисленные смешанные браки, в конце концов, кладбища... Наконец, нельзя сбрасывать со счетов, что от будущего еврейской общины в России зависит – уверен – судьба русской культуры, а значит, и самой России. Утратив еврейскую общину, русская культура потеряет нечто невозстановимое...»

Словно вняв его убежденности, Россия преобразовывается. Слава Б-гу, до этих дней Саша Аронов дожил. Он оставил добрый след в русской культуре, в русской жизни и сдобрил собой русскую землю. Как настоящий еврей.

Добрая ему память!

ВРЕМЯ ИТОГОВ И НОВЫХ ПЛАНОВ

28 октября 2001 года, незадолго до 10-летнего юбилея нашего журнала, в одном из залов Московского еврейского общинного центра состоялась встреча редакции «Лехаима» во главе с Борухом Гориным и клуба творческой русско-еврейской интеллигенции «Ковчег», возглавляемого Феликсом Дектором. Судьбы наших коллективов (отнюдь не равновеликих, поскольку «Ковчег» — это почти 150 человек) довольно тесно переплелись, особенно в последнее время. «Золотой запас» «Ковчега» — надо отметить, добросовестно учтенный Российской еврейской энциклопедией — номер от номера все шире представлен на страницах «Лехаима», заслуженные писатели, публицисты, литературоведы, кинокритики, музыканты становятся постоянными авторами «Лехаима», что, как свидетельствует читательская почта, встречает одобрение по всей стране. Да и авторы признаются, что рады обретению достойной трибуны и столь обширной аудитории. Разумеется, и клуб «Ковчег» давно открыт для постоянных авторов журнала «Лехаим». Так что встреча получилась теплой и деловой.

Вечер, проходивший вскоре после чудовищных событий в Соединенных Штатах, открылся выступлением первого секретаря посольства Государства Израиль Йосси Тавором, который глубоко проанализировал положение в стране и проблемы, возникшие там после этих терактов в Америке. Главный редактор «Лехаима» Борух Горин продолжил тему.

В чем-то полемизируя, в чем-то соглашаясь с Тавором, он обозначил задачи «Лехаима» в возрождении национального самосознания.

Борух Горин

אָוואָס וויר אַלעס דאָס וואָס איר אַרבעיט אַזאַ «לַחַיִּים»

Зачем мы все это делаем?

Я задаюсь этим вопросом в широком плане, имея в виду не только журнал «Лехаим». Зачем на пространстве, которое называлось Советском Союзе, воссоздавать еврейскую общину? Может быть, Г-споду Б-гу следует, наконец, переселить евреев на какую-то более благополучную часть суши, в Швейцарию, например? Или, может, развиваться община должна по другому сценарию? Мне кажется, что такие варианты утопичнее тех, которые выбрали мы — мы опять-таки в широком плане, то есть все оставшиеся на этой части суши и решившие оставаться евреями и частью еврейского

народа именно здесь. Насколько это осознанный выбор для нашего журнала, для еврейской общины и еврейского возрождения? Попробую ответить на эти вопросы.

Сегодня перед нами как никогда прежде стоят вопросы нашего существования. В еврейской истории были моменты куда более тяжелые, начиная с египетского рабства, были испанская инквизиция, Холокост... И все равно я настаиваю на том, что сегодня – как никогда. Почему?

Даже в Израиле, в самом Иерусалиме, человек, сидя за пасхальным столом, по окончании сейдера будет говорить, как это принято в еврейской традиции: «В будущем году в Иерусалиме». И Иерусалим, о котором мы в этот момент говорим, – это не только территория, хотя и территория тоже – но в первую очередь – это дух, Иерусалим духа. В том, что это так, главная заслуга еврейских мудрецов, которые умудрились создать будущее своему народу независимо от того, есть у него земля или нет. Когда был разрушен Храм и евреи были изгнаны из Святой Земли, перед ними ясно вырисовывалась перспектива исчезнуть как народ. Но им удалось сохраниться. Как? Потому что Иерусалим евреев, Израиль евреев был в каждом из них. Каждый из них, как оказалось, является вместилищем Иерусалима духа.

Есть в Талмуде мысль о том, что евреи очень строго соблюдали, оберегали Субботу, но гораздо строже Суббота оберегала евреев. Сколько великих идей было предложено человечеству за века! Одни выдержали испытание временем 20 лет, иные продержались аж 70! А вот идеи Иерусалима духа хватило на три тысячелетия, и мы можем быть уверены, что хватит и дальше. Однако сегодня мы вынуждены констатировать, что эта идея и нравственный дух народа в очень и очень опасном положении.

Может ли еврейский народ существовать, руководствуясь какой-либо идеологией, кроме идеологии духовной?

Сегодня проблема государства Израиль не в том, что Америка больше не оказывает ему однозначное предпочтение. И не в том, что развалилась система двух полярных миров, когда Америка с Россией были врагами. Дело даже не в том, что возникла антиталибская коалиция, и в этой коалиции арабы важнее, чем евреи.

Поколение людей, для которых главным были этот клочок земли, будущее народа, сходит с политической арены, его отстреливают. Приходит поколение прагматиков – не только в Израиле, а во всем мире, – поколение людей, которые знают, что существуют разные ценности: международное признание, семья народов... Приходит поколение, в котором даже правые – это прагматики, которые знают, что надо уметь договариваться и можно договориться, но не отдают себе отчета в том, что это верно не всегда. И вот эта их позиция как минимум в одной ситуации, на мой взгляд, в корне ошибочна. Как любят говорить наши бабушки: главное не то, что говорят антисемиты, – главное то, что делают евреи. Мы можем сидеть за чашкой кофе и обсуждать проблемы до скончания века, но в данном случае важно не то, что мы говорим, а то, что мы делаем. Должны быть цивилизованные меры, должна быть политика, в которой международная система ценностей займет должное место, но во главе угла должно стоять будущее еврейского народа. Для каждого из нас и для каждого израильского политика. Да, это национализм. Это выделение своей семьи, своего народа из семьи народов. Но это нормальная система приоритетов, и, когда мы перестанем стесняться об этом говорить, тогда нам перестанут за это пенять. Какой же смысл обвинять нас в том, что мы евреи, если мы говорим об этом открыто?

Но мы ведь говорим не только о политиках-прагматиках, мы говорим об израильском обществе в целом. На мой взгляд, оно все последние 10–15 лет переживает гигантский кризис ценностей.

Что происходит здесь, в России? Одна идеология ушла, другая, более развитая, более справедливая, не пришла. Остался вакуум, его заполняет все, что угодно, – наркотики, преступность, жажда наживы и т.д. Мне кажется, та же проблема и у современного израильского общества. Много общаясь с израильтянами, с русскими и нерусскими, я вижу: главная проблема – в евреях. Евреи больше не знают, чего они хотят. А если так, то мы не вправе ожидать ни от кого, что они будут думать за нас. Они будут думать о том, чего они от нас хотят, что мы должны миру: «Государство Израиль создано вследствие Катастрофы. Индальгенция еврейскому народу за Холокост существовала 50 лет – хватит! Пора уже платить за несчастья, принесенные арабам!..». Система ценностей очень многоступенчата, и я могу ее расписать за каждую из сторон, и окажется, каждая по-своему права.

Главная задача существования нашего журнала, нашей общины – вернуть евреям национальную самоидентификацию. Речь идет не о том, что еврей должен непременно жить в Израиле, ходить в синагогу и соблюдать Субботу. Евреи, наши дети и внуки должны знать, что они евреи, и должны иметь возможность сделать для себя (как евреев) выводы. Какие – тоже зависит от нас. Старая еврейская шутка гласит: еврей не тот, у кого бабушка еврейка, а тот, у кого внуки евреи. Это на самом деле так. Именно в том, чтобы были евреями внуки, наша самая главная задача. Вот построен центр, где играет музыка, дальше – спортивный зал, где играют в футбол, сбоку от него тренажерный зал, где еврейские мальчики поднимают гантели. В одном помещении – одни занятия, в другом месте – конференция... Зачем это все? Затем, чтобы, придя сюда, люди отдавали себе отчет, что пришли в еврейский дом, как евреи.

Я помню, в 1990 году наша община впервые организовала еврейский лагерь. Я был вожатым у московских детей. Сам я из Одессы, может быть, поэтому для меня их реакция была немного странной – я заметил, что при слове «еврей» они дружно вздрагивали, не в переносном смысле, а буквально! Я понял, что говорить это слово детям жестоко, это значит травмировать их психику. Но вот прошло десять лет, я часто общаюсь с детьми – этого уже нет. А когда есть, это проблема ребенка и психолога, она не массовая. Слава Б-гу, большинство еврейских детей, которые ходят в еврейские школы, приходят в тренажерные залы, собираются в праздники у синагог, они уже не вздрагивают при слове «еврей». Но мы можем быть уверены в будущем еврейской диаспоре и в будущем еврейского государства только тогда, когда при слове «еврей» они скажут: «Вот я! Я здесь!» Мне кажется, это тот знаменатель, под которым могут собраться все еврейские организации, представители всех движений, всех направлений еврейской философии.

Мы должны сделать так, чтобы наши дети и внуки не вздрагивали при слове «еврей». И чтобы, приехав в Израиль, они знали, что едут туда не потому, что там лучше или вкуснее колбаса, а потому что это – Израиль.

Я уверен: качественно алия 2002 года, несомненно, будет отличаться от алии 1996-го. Ради этой задачи мы все и работаем. Перед еврейской общиной, перед правительством Израиля, перед каждым в его собственном доме стоит задача сделать так, чтобы его дети были евреями. Лучшими, чем мы.

Теперь о журнале «Лехаим». 10 лет назад это был совершенно другой журнал, с совершенно другими задачами. Я люблю это рассказывать и повторяю здесь: перебравшись в Москву, я уже имел определенный журналистский опыт и мог диагностировать резкую нехватку профессионально, грамотно подготовленной еврейской периодики. И вот 17-ти лет от роду я приехал в Америку, в еврейский фонд, и предложил: давайте делать детскую еврейскую газету, потому что в первую очередь нужно воспитывать детей, они – будущее. Мне сказали: «Прекрасно! Ты гений! Очень хорошо! Давай делать. Только не газету, а журнал, и не детский, а взрослый...» Даже сейчас еще делаешь то, на что дают деньги, а не то, что хочешь. Тогда же выбора вообще не было, и я решил деньги взять, но подумал, что сделаю все же немного по-своему, а потом меня поймут. Тогда, в 1990 году, на 30 тысяч экземпляров мне дали 500 долларов, включая зарплату, и на все хватило. Мы стали издавать журнал на 8 страницах, черно-белый, на желтой бумаге. Когда я увидел первых... уродцев, я понял, что значит «первый блин комом», и желание заниматься этим дальше начисто пропало. Спустя 10 лет я понимаю, что любым делом должны заниматься профессионалы. Но тогда я всему учился гораздо быстрее, чем в университетах. И несмотря на первый очень неважный результат меня поддержали спонсоры и марьинощинская община. Главное – начать, – сказали они и оказались правы: второй номер журнала выглядел уже намного приличнее.

И все-таки концепция сегодняшнего журнала сложилась только 5 лет назад. Мы хотели создать журнал для думающего еврея, интересующегося разными направлениями еврейской мысли, хорошей литературой, публицистикой, Израилем, бизнесом, знаменитыми евреями. Как Фаина Раневская вздрагивала, услышав фразу своей киногероини: «Муля, не нервируй меня», так и я вздрагиваю, когда мне говорят: «Я так люблю ваш журнал, я читаю вашу рубрику “Знаменитые евреи”». «Знаменитые евреи» у нас самая популярная рубрика по понятной причине: евреи как маленький народ всегда любили причислять к еврейству известных людей.

Сказать, что сегодня такой журнал, как мы задумали, уже создан, эта задача выполнена, я не могу, хотя мы сделали немало.

Наш журнал не раздается, его покупают. Уже пять лет он полностью окупает себя, причем почти без рекламы. Это большое достижение. Я очень много общаюсь с издателями еврейской прессы на всей территории бывшего Советского Союза и могу с гордостью сказать, что это единственное самоокупаемое издание. Недавно от коллеги на конгрессе в Нью-Йорке я узнал, что скорее всего и среди американских изданий такого плана тоже. А сегодня, слава Б-гу, спектр еврейской прессы в Америке представлен широко: от желтой еврейской прессы до суперинтеллектуальной, культовой. Издания такого рода, как наше, – не коммерческие, а просветительские, – не окупаются. Наша ситуация объясняется тем, что невероятно динамично развивается еврейская община, беспрецедентными темпами! На территории бывшего СССР уже 60 общеобразовательных еврейских школ, в которых обучается более 10 тысяч еврейских детей.

Какие задачи сегодня мы перед собой ставим? Во-первых, мы хотим увеличить объем «Лехаима». Это было решено три года назад и каждый год журнал толстеет на 8 полос. Кроме того, мы хотим привлечь к сотрудничеству максимальное количество профессиональных, хорошо пишущих на русском языке авторов. У нас уже действует проект ознакомления русскоязычного читателя с переводами классиков, писавших на еврейскую тему. Много лет наше издательство выпускает еще и книги. За последний год – 12 книг. До сих пор это была не столько художественная литература, сколько энциклопедические и учебные издания, а в следующем году мы собираемся выпустить в свет несколько художественных серий серий. Я сам для себя с удивлением открываю, что

писатели-евреи, оказывается, писали и на еврейские темы, – откроем это и нашим читателям.

Вот наши минимальные планы. Связаны они и с материальными возможностями. Как ни странно, хорошим авторам надо хорошо платить, за хорошо изданную книгу надо хорошо заплатить полиграфистам. Наше издание хоть и самокупаемое, прибыли не приносит. Но с Б-жьей помощью мы справимся. Я говорю эти слова не как притказку, – в них моя единственная надежда.

Берл Лазар

אֵלֵינוּ דַּאֲנֵי דִּינֵנוּ

Поздравляю коллектив «Лехаима», этого прекрасного журнала, с юбилеем! Я по собственному опыту знаю: журнал дошел всюду, куда хотел. В какую бы из стран бывшего СССР я ни приехал, вижу, что люди его читают, и мне с радостью показывают его номера, делятся впечатлениями.

То, что сегодня печатается 54 тысячи экземпляров, не значит, что «Лехаим» читают только 54 тысячи человек. Каждый экземпляр журнала переходит из рук в руки и читается по многу раз и долгое время. В журнале очень взвешенно балансируются темы вечные и актуальные. Актуальное не выглядит сиюминутным, потому что дается в контексте историческом. Вечные темы, как правило, звучат в связи с актуальным, поэтому воспринимаются не отвлеченно, а так, как этого можно только желать. Журнал получил самую высокую оценку читателей и по праву считается популярным. В нем обязательно находит что-то для себя каждый человек.

В любой стране, в любое время, для еврейского журнала десятилетний юбилей - это большое достижение. Десятилетний юбилей еврейского журнала в России, да еще в наше время – это чудо. В такую тяжелую для России пору разговор с людьми, которые живут в условиях постоянных перемен, непростое дело для любого издания. Необходимо реагировать на все, что происходит вокруг, и в то же время не вязнуть в мелочах, в нужный момент говорить единственно правильные слова и давать правильные ответы.

Была такая история. Однажды к раввину пришел редактор одного достаточно известного атеистического издания. Он сказал, что не верит в то, что Б-г создал мир. Раввин спросил его: откуда же тогда все взялось? «Произошел большой взрыв, какие-то атомы столкнулись, и в результате эволюции возникло то, что мы видим сейчас», – ответил редактор. Раввин попросил редактора показать журнал, который он издает.

Журнал оказался очень красочным, интересным. Раввин спросил: «Кто делал этот журнал?» – «Журналисты писали статьи, художники и дизайнеры оформляли, полиграфисты печатали и т.д.», – ответил редактор. «Не верю! — сказал раввин. — Ты все это придумал. А на самом деле просто лежала бумага, рядом были бутылки с разноцветными красками, потом что-то произошло... краски пролились – получился журнал». – «Что вы говорите! – возмутился редактор. Люди столько трудились, искали темы, выверяли каждую букву, подбирали краски...». – «Но ты же считаешь, что весь мир получился случайно, вот и я считаю: так же случайно получился твой журнал».

Для всех нас очевидно, что тот «Лехаим», который мы держим в руках, получился не случайно. В нем много труда и главного редактора, и других сотрудников, и авторов. Но те чудеса, которые он являл собой все эти годы – это вмешательство силы сверху, которая и дает возможность начинать и продолжать делать журнал. Любое праведное дело без поддержки свыше имеет мало шансов на выживание. Я помню, как Борух Горин был еще учеником ешивы, и все свободное время занимался учебой. Когда вышел первый номер его журнала, всем нам казалось это чудом, хотя сегодня видеть тот первый журнал мне немного стыдно, но в то же время я испытываю гордость, видя, как он вырос за 10 лет.

В Пиркей Овойс, Наставлениях Отцов, есть такое выражение: «Богат тот, кто доволен своей долей». Трудно измерить богатство и определить, кто богат по-настоящему. Один скажет, что богат тот, у кого есть сто тысяч долларов, другой скажет, что сто тысяч долларов это вообще ничего. Неважно, сколько денег у человека, главное, чтобы он был доволен тем, что имеет. Не испытывающий удовлетворения от того, что у него есть – несчастный человек. Когда мы говорим о материальном достатке, о материальной удаче – это одно. Но когда речь заходит о духовном, те же критерии не подходят. Человек, который немало сделал для обучения других, который помогал людям, вложил много моральных ценностей, не должен останавливаться. Нельзя сказать: «Хватит, я достаточно сделал». Человек должен всегда хотеть сделать еще и еще. Пока у него есть время, силы и здоровье, которые дал Б-г, он должен постоянно думать, как максимально использовать свой потенциал во благо окружающего мира. Я уверен, что это как раз тот стимул, который дается коллективу журнала. Дай Б-г, чтобы они не останавливались и продолжали развиваться.

Многие говорят, что тот день, когда к ним в дом или синагогу приходит «Лехаим», для них настоящий праздник. Дай Б-г, чтобы такие праздники бывали как можно чаще, чтобы читатели, авторы, сотрудники и организаторы этого прекрасного издания могли делать как можно больше и друг для друга, и для окружающего мира, и дожили до прихода Мошиаха!

Леви Леваев

יְדִיעוּת לְ עֵשֶׂת עָשָׂר שָׁנִים לְיְהוּדֵי הַנְּטוּ

10-летие журнала «Лехаим» – это праздник для всех нас. С момента выхода в свет первого экземпляра и до сегодняшнего дня «Лехаим» высоко и с гордостью несет знамя еврейства СНГ, сплачивая вокруг себя всех евреев постсоветского пространства. Никто не сможет проигнорировать огромный вклад журнала и его бессменного руководителя Боруха Горина в великий переворот, произошедший в последние годы.

Благословения «Лехаиму»! Пожелаем же жизни и благоденствия журналу, его редактору и творческому коллективу! Дальнейших успехов вам во имя народа Израилева!

Раввин Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц)

Нашим друзьям – редакции журнала «Лехаим» – мир и благословение!

Примите поздравления и искренние пожелания долголетия и благополучия в связи с десятилетним юбилеем вашего уважаемого издания. Ваш журнал был одним из первых в ряду периодических еврейских изданий, но и по сей день он молод, как молодые и его создатели, идеалистичен, как они, но мудр не по годам.

Пресса – один из важнейших инструментов распространения знания и информации, позволяющий создать общее культурно-национальное пространство,

Наган Мерон

× daçai: aei ue e I iei i i: i ue I i me A i n a d i o a i E ç d a e e u a D O

Поздравляю журнал «Лехаим» с юбилеем – десятым днем рождения! На своих страницах «Лехаим» дает картину жизни еврейских общин России и стран СНГ, рассказывает о людях и их делах. Отрадно, что еврейская жизнь полна событиями и что есть издание, которое столь ярко рассказывает о них. Очень важно и то, что журнал знакомит читателей с еврейской культурой и историей, открывает другим народам красоту наших традиций. От всей души желаю процветания и благополучия сотрудникам «Лехаима» и его друзьям.

Авигдор Либерман

I da i i a a o a e u i a d o e e « E i n d a y e u i a a e o a i o », i e i e i n o d i a e e i i a e u i i e e i o d a i n o d e e o o d u E ç d a e e u

Сердечно поздравляю вас и ваших читателей с 10-летием замечательного журнала «Лехаим».

Еврейская периодическая пресса на русском языке имеет давние традиции, начиная с выдающегося публициста и писателя Зеева (Владимира) Жаботинского. В течение десяти лет журнал «Лехаим» успешно продолжает эти славные традиции и вносит весомый вклад в развитие еврейской жизни в России.

От имени партии «Израэль бейтену» («Наш дом Израиль») и от себя лично желаю вам дальнейших успехов, процветания и долголетия. Как говорят в Израиле – до 120!

Йосси Тавор

יִשָּׂא לֵב מִדְּבַר אֱלֹהִים וְיִתְעַוְוֶה אֶל אֱלֹהֵינוּ

Я уверен, что журнал «Лехаим» задумывался как журнал для широкого круга читателей. И в то же время, с первого номера проследив за творчеством этого журнала, подчеркиваю – именно за творчеством, я вижу, как он, оставаясь журналом для всех, поднимает своего читателя на все более и более высокий уровень. Это самое сложное – ориентироваться на массового читателя и в то же время быть высокодуховным, высоколитературным, высокопрофессиональным, неизменно интересным, обращенным к читателю лицом. Вот это умение быть для всех и в то же время оставаться особенным, избранным – это то, чего добился журнал «Лехаим».

Будучи в основе изданием религиозным, он обнаруживает удивительное стремление обращаться к кругам, не принадлежащим к ортодоксии, и это очень важно, ибо чаще всего мы видим издания, адресованные «своим». В таких случаях ищут монетку под фонарем, поскольку там светлее. «Лехаим» старается пойти именно в те круги, которые никогда не будут отождествлять себя с ортодоксией и тем не менее всегда будут оставаться еврейскими.

«Лехаим» — та трибуна, которая обращена ко всей еврейской общине России. Протягивая нити между отдельными ее частями, он связывает их друг с другом и в то же время со многими другими общинами мира. Кроме того, на мой взгляд, он интересен и тем, кто не принадлежит к еврейству. Благодаря ему люди смогут лучше понять наш народ, повернуться к нему лицом, приветствовать его.

И самое главное, что мне приятно, дорого, — в этом журнале всегда присутствует мое государство – Государство Израиль, в котором я живу, которому я служу и которое, я уверен, всегда останется для всех – и издателей, и авторов журнала, и его читателей – духовным центром, тем местом, где они всегда смогут чувствовать себя дома.

Лехаим, «Лехаим»!

Ицхак Коган

Председатель Совета хасидов Хабада России

Я поздравляю от всего сердца редакцию журнала «Лехаим» и в первую очередь его основателя, руководителя и духовного вдохновителя Боруха Горина, который на моих глазах в течение 10 лет из едва ли не самодельного издания на нескольких страницах сделал хорошим, с еврейским духом журнал, которым интересуются евреи во всем мире. Я желаю, чтобы все достижения прошедших 10 лет стали только прелюдией к тому огромному успеху, который ждет его впереди с приходом Мошиаха.

Михаил Членов

י' דאָרען אַז אַלע אַז די זאַל, י' די אַז אַז

От души поздравляю старейший еврейский журнал с юбилеем. 10 лет в наше время – срок мощный, и те, кто пережили этот срок и не сдались, и не упали, и продолжают поддерживать свое знамя, – это те, кто будет жить вечно. Но по нашему обычаю пожелаю не столько вечной жизни, сколько хороших 120 лет.

Для начала.

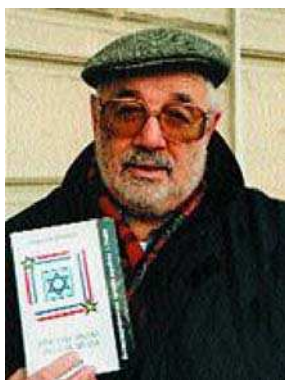
Довид Карпов

באָזערן אַ ייִדישן זאַלען «אַדער עאַרן»

Я один из тех немногих читателей «Лехаима», кто помнит, как этот журнал появился, помнит его первые номера, выходившие на дешевой, некачественной бумаге. И все же ни с чем не сравнимое чувство переживает каждый издатель, видящий первое свое творение, отправляющееся к читателям, и, соответственно, получающий первые отклики — это особый подъем. Этот журнал вся марьинорощинская община воспринимала как родное детище, хотя реально с самого возникновения журнала его бессменным главным редактором был Борух Горин, а его коллегой и партнером — Александр Борода, который теперь не имеет прямого отношения к журналу, но тогда они начинали вместе.

Со временем журнал претерпел большие изменения к лучшему и в смысле содержания, и в профессиональном, и в полиграфическом. Но душа этого издания, как и в начале, — безусловно, марьинорощинская душа. И мне кажется, очень важно, чтобы журнал сохранил ее, даже став еще более солидным изданием и приобретя еще больший авторитет, еще больше «располнев». И пусть каждый из последующих номеров — двухсотый, пятисотый, тысячный — воспринимается и авторами, и создателями журнала как первый. Если выкладываться полностью, это с благодарностью всегда ощутят читатели.

Как известно, есть принцип «ягдил Тора веяадир», что означает: Всевышний умножил Тору и тем самым в еще большей степени себя прославил. С недавних пор наша община тоже стала издавать свой журнал, «Алеф». Когда появляются все новые еврейские издания, конечно есть какой-то элемент конкуренции, но это в конце концов на пользу общине, ведь каждое издание имеет свое лицо, своего читателя, и в целом они отражают то многообразие еврейской жизни, которое, слава Б-гу, есть у нас сегодня в общине Москвы и России в целом. Вспоминая предсказание Алтер Ребе о том, что мы узнаем о приходе Мошиаха просто из газет, я думаю, в первую очередь мы должны прочитать об этом в журнале «Лехаим».

Мирон Черненко

יְדַאָּרְאִי אֶעֱיִנֶה עֵי לְאִיטָּא עֵי לְעֹדֶה עֵי לְדִינֶה

Это надо суметь – прийти на еврейский журнальный рынок в начале девяностых, когда каждый кому не лень торопился выпустить хотя бы один номер своего собственного журнала (на большее, как правило, не хватало ни денег, ни воображения) и не только не потерять себя в той радостной еврейской суете, но еще и набирать обороты с каждым годом. И число ваших читателей не уменьшается, а напротив, растет, что совсем уже для нынешней русскоязычной прессы не типично. К тому же растет и объем журнала. А все это значит, что вы не даете читателям скучать, и они вам не изменяют.

Так что лехаим и мазл тов!

Карол Унгар

אִי אֶדְאָרְאִי אֶעֱיִנֶה עֵי לְאִיטָּא עֵי לְעֹדֶה עֵי לְדִינֶה

Коллектив Еврейского агентства в России поздравляет сотрудников и авторов журнала «Лехаим» с юбилеем. Вы делаете замечательный, интеллектуальный, демократичный журнал, который приближает любого еврея к основам веры, к историческим корням, к еврейскому литературному и философскому наследию. На сегодняшний день ваш журнал – одно из лучших еврейских изданий России.

Мы желаем вам неиссякаемых творческих сил и стабильной читательской симпатии и в дальнейшем.

Владимир Глоцер

Ἐλεῖτε αἱ αἱ, εὐὸ ἀδὸ ὀβἱ αἱ, ἐπῆ αἱ αἱ ἄεῖ αἱ ὀβἱ αἱ ὀ αἱ ὀ: αἱ ἄ

Мне кажется, что «Лехаим» стал ныне содержательней, чем в тех номерах, которые я видел несколько лет назад. Он привлекает серьезных, но вместе с тем живо пишущих авторов. Желая ему и дальше идти по этому пути. Теперь, когда в нашей стране выходит уже не один еврейский журнал по-русски, особенно важно иметь свое лицо.

Давид Маркиш

Ἰ ἐπῆ ἄεῖ

Вот уже более века русско-еврейская периодика является добрым поводырем народа на холмистых, а порою заболоченных полях Истории. Слово на вершине Краеугольного камня формирует и в значительной степени направляет устремления русского еврейства – не говоря уже о самоценности Слова, излучающего свет знания и культуры.

Сотрудничество с журналом «Лехаим» – честь, но и ответственность для русско-еврейского писателя и журналиста, где бы он ни жил.

Сердечно поздравляю «Лехаим», его редакцию и его читателей в день 10-летия.

Екатерина Райкина

Àéò ðèíà

Поздравляю с первым десятилетним юбилеем серьезный, интересный, глубоко профессиональный журнал «Лехаим». Он знакомит читателей с жизнью и творчеством евреев всего мира. Прекрасно, что такой журнал есть. Дай Б-г здоровья и долгих лет вдохновенного творчества его создателям и всей редакции.

Леонид Эйчис

Àéðàéò íð àéàá ò àí ðè ò àéíí íà ò íí àà «Ý ò àéíí Àééóð Õíéèí »

Юбилей «Лехаима» не может оставить равнодушным! Поздравляю весь его коллектив и в первую очередь Боруха Горина с тем результатом неустанного труда, который сегодня налицо – это лучший еврейский журнал СНГ. Не знаю, много ли такого уровня еврейских журналов в мире! А если иметь в виду, что десять лет назад за него взялся семнадцатилетний ученик ешивы и в своем становлении как еврей нового поколения он интуитивно, по мере собственного роста, сумел увлечь за собой ассимилированное еврейство в таком огромном регионе, то не вызывает сомнения, что это чудо или благословение, как у нас говорят. Конечно, Борух Горин работал и работает не один, но это подвижник нового поколения, умеющий находить единомышленников, организовывать, объединять, и я уверен, что, как и у его журнала, у него самого большое будущее.

Благотворительный фонд «Этель», который я создал и возглавляю, обслуживает более 6500 престарелых людей. Среди них есть носители идишской культуры, которая всегда у нас будет вызывать очень теплое и щемящее чувство, и есть люди состарившиеся, но так и не знавшие настоящей еврейской жизни. Я вижу, с какой благодарностью мои старики относятся к журналу, даже держат его с уважением, а не просто как периодику. От них вам тоже самые сердечные поздравления!

Дина Рубина

Í èíà ò àéíí è òà

Несмотря на то что как профессиональный литератор я предпочитаю литературные журналы без выраженной конфессиональной направленности, журнал «Лехаим» всегда читаю с интересом и большой пользой для себя. В каждом номере нахожу несколько материалов, которые могли бы оказать честь любому «толстому» журналу. Причем, спектр жанров и тем весьма разнообразен — тут и литература, и история, и философия, и публицистика. Много известных литературных имен. Есть и настоящие «жемчужины», которые (это знают старые редакционные «волки») добываются по счастливому случаю и становятся маркой журнала, — например, публиковавшиеся в «Лехаиме» на протяжении многих месяцев воспоминания Глюкель фон Гиммельн.

Словом, хочу пожелать коллегам удачи и дальнейшей читательской приязни.

Александр Брод

Аֵעָאִי וְעֵ דְאֵיִעֹרִי דְ אֵצְיֹוּ «דְאֵאֵוֹ», יְדַרְעֵאִי וְ בִיִּיאַ «יְאֵרִי אֵאֵ-אִי»

Примите искренние поздравления от имени всей еврейской общины Самары и редакции поволжской региональной газеты «Тарбут» в связи с 10-летием вашего издания!

Вы делаете замечательный русско-еврейский журнал, в котором древнее слово Торы соседствует с глубокими раздумьями о настоящем и будущем российского еврейства. Вам удалось сплотить актив блестящих авторов России и зарубежья. О полиграфическом исполнении и говорить нечего – оно на высоте.

Хочу пожелать вам новых творческих открытий, больше уделять внимания развитию общин регионов, проблемам антисемитизма, захлестнувшего Россию.

Здоровья и счастья!

Шимон Маркиш

יְעִיבֵנוּ אֵיִי

Самоосознание начинается с взгляда на себя со стороны, самоосознание, самооценка, разведка собственной души и отдельно взятого человека и всего народа в целом.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ НА ФОНЕ ИНТЕРЬЕРА С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Àààä Ì äðéèø

Оглядываясь назад, поражаешься прихотливому и неподдающемуся объяснениям ходу истории – всем этим кроваво-золотым извивам, разветвлениям и пропастям. Все попытки человеческого разума собрать воедино и систематизировать наше прошлое разбиваются о непроницаемую стену тупика, и бесконечные толкования, окрашенные во все цвета спектра, лишь затемняют картину; настоящее обрывается за плечом.

Слащавые и наивные призывы учиться у прошлого могут вызвать только ироническую улыбку: человечество ничему не намерено учиться, и знаменитое русское «авось» устойчиво присутствует среди всех народов Земли. Что будет, то и будет... Да мы и не в силах заглянуть за границы собственной тени на сухом песке.

«Уроки прошлого» – как лубочные картинки на стене. Лукавые оглядчивые историки, сбиваясь и противореча друг другу, для того лишь, казалось бы, и пишут свои труды, чтобы замутнить или, напротив, подчистить минувшее. Исторические романисты в лучшем положении: они все же стремятся по большей части передать состояние неизменной души своих давным-давно сошедших в могилу героев, а не подыграть сиюминутной политической надобности. Но все вместе взятые исторические изыскания ни на йоту не приближают нас к предвидению и решению грядущих проблем.

С этим столкнулись американцы в зловещий день мировой истории – 11 сентября. А в прошлом просвещенном веке две дикие мировые войны выкосили десятки миллионов детей адамовых. И зверствовал сухорукий инвалид Джугашвили, рядом с которым Чингисхан в лисьем малахае представляется утонченным гуманистом... За три тысячелетия обозримой человеческой истории исчезали народы, сжимаясь до толщины культурного археологического слоя, немо залегающего между следами пожарищ и наводнений. А иные национальные сообщества ушли без следа, без эха.

Не исторический опыт и не уроки истории стоят на пути исчезновения народов и их стран, а национальная идея. Привычка жить по течению оборачивается со временем догмой – гирей, тянущей ко дну. Исторический опыт, на который принято поглядывать с мудрым вольтеровским прищуром, способствует уставанию нации и утяжеляет эту самую гирю. Вспышка национальной идеи выводит общество из состояния приятной предзакатной дремы.

Как все в нашем мире, национальные идеи, в сущности, окрашены либо в черное, либо блещут привлекательной серебряной белизной. За примерами далеко ходить не надо: джихад, объявленный западной цивилизации горсткой психопатов, становится постепенно всеобъемлющей транснациональной идеей, воспламеняющей души разноплеменных приверженцев ислама своей сомнительной героикой и тупой фантастичностью замысла. Но ведь и гитлеровские нацисты, начиная свой поход под завораживающие вагнеровские мелодии, едва ли поголовно были уверены в благополучном исходе завоевания мира. Однако не стоит утверждать сегодня с пеною у рта, что психически неуравновешенный Гитлер был обречен на позорную гибель с самого начала – самой Историей, русскими или американцами.

Шестьдесят лет назад победа над нацизмом стала национальной идеей американцев. Война с международным террором, объявленная 11 сентября, похоже, не вылилась еще в полнокровную национальную идею США. Тем не менее, речь идет о затяжной мировой войне, вряд ли уступающей по возможным и в значительной степени непредсказуемым последствиям столкновению с Гитлером и его союзниками. Без всеобъемлющей готовности нации к борьбе с террором не на жизнь, а на смерть, эта схватка, уже начавшаяся, будет проиграна.

Афганская кампания была спланирована и выстроена американцами на редкость удачно. Но Афганистан – лишь начало; это ни у кого не вызывает сомнений. Вслед за Афганистаном с его своеобразной культурой, примитивными представлениями о современном мире и средневековой инфраструктурой, последуют другие страны – и, возможно, не только в центральноазиатском регионе. При таком раскладе судьба международной антитеррористической коалиции становится весьма проблематичной. В конце концов, истинными и наиболее тесными союзниками в предстоящей борьбе могут стать США и Россия. И такое сближение, в конечном итоге, приведет к позитивным изменениям всего мирового порядка.

Это – ориентиры глобальные, если уж речь идет о мировой войне. Но и цели, и намерения отдельных государств, разумеется, сохраняются если и не всецело, то в общих чертах. Израиль в этом ряду занимает далеко не последнее место.

Строго говоря, беспрецедентная национальная еврейская идея перевалила уже свой полувековой юбилей – это воссоздание Национального дома на исторической территории между Средиземным морем и рекой Иордан. Войны, последовавшие за этим судьбоносным событием, освоение Негева, государственное и хозяйственное

строительство – все это явилось последствием торжества сформулированной Теодором Герцлем сионистской идеи, ставшей идеей национальной. Уместно обратиться памятью к еще одному – во всяком случае, для ишува в подмандатной Палестине – важнейшему событию: утверждению иврита в качестве общенационального языка. Идеей перехода на иврит, казавшейся вначале совершенно неосуществимой, были охвачены все слои населения, и мечта Элиэзера Бен-Иегуды на глазах воплотилась в реальность. «Единый народ – единый язык» – этот призыв вошел в каждый еврейский дом в Эрец Исраэль, и игнорирующие его подвергались жестокому остракизму. Нынче любой школьник в Израиле знаком с поучительной историей того времени: к знаменитому писателю Хаиму-Нахману Бялику, разговаривавшему с кем-то на тель-авивской улице Дизенгоф на языке идиш, подошел подросток и протянул листок бумаги. Бялик подумал, что молодой человек просит автограф, развернул листок и прочитал: «Господин Бялик, мы тут говорим на иврите!»

Сегодняшние события, такие как интифада, военное противостояние палестинскому террору и даже поселенческое движение в Иудее и Самарии не могут претендовать на масштабы национальной идеи, способствующей сплочению народа. В условиях общественного разброда, политической неопределенности и социального расслоения еврейству нужна общая цель, необходимость и ценность которой ни у кого не вызвала бы сомнений – ни у религиозных, ни у светских, ни у сефардов, ни у ашкеназов, ни у богатых, ни у бедных, ни у израильтян, ни у евреев диаспоры. Идея, направленная к такой цели, может казаться фантастичной, утопической – но она должна быть привлекательной и гуманной.

Рассуждения о том, что у нас в Израиле нет нефти, нет золота, нет даже железа – зато в избытке драгоценные «еврейские мозги», – такие рассуждения в последнее время воспринимаются обладателями этих самых мозгов с изрядной долей скепсиса. Евреи от Нагарии до Эйлата, от Иорданской долины до пляжей Тель-Авива и Ашкелона покачивают своими черными, русыми и рыжими головами и удрученно скребут в затылках: нет предложений, нет решений, нет перспективы, кругом рассуждают о каком-то неведомом «постсионизме»... Куда мы идем, где окажемся?

Идея, выдвинутая писателем Александром Канцедикасом^[1], блеснула над затянутым тучами горизонтом подобно путеводной звезде.

Катастрофа европейского еврейства в ходе второй мировой войны нанесла нашему народу невосполнимый ущерб: нацистский геноцид унес шесть миллионов человек, среди них миллион детей. Эта рана на теле народа не затянулась до нынешнего времени. Бабий Яр, печи Освенцима и Майданека задержали естественный рост численности еврейского народа; не случись Катастрофы, еврейство было бы сегодня куда более многочисленным, а значит, и жизнестойким. Но на рассвете двадцать первого века, в атмосфере потребительства и неуверенности, немногие отваживаются заводить многочисленное потомство – за счастливым исключением строго религиозных семей, убежденно следующих заповеди «плодитесь и размножайтесь». Ставшая знаменитой формула «два+собака» – это еще не самый хилый вариант. Жизнь перестала быть главным даром, леса и горы – бесценным наследством. Потенциальные родители прикидывают на калькуляторах, достанет ли им денег на одежду, на учебники, на высшее образование для отпрысков. И чаще всего приходят к выводу, что – не достанет, не хватит, или существенно ограничит их собственные запросы. А есть и иные, убежденно не желающие открывать новым людям вход в этот ужасный, ужасный, ужасный мир... Но все же основная причина низкой рождаемости – финансовые проблемы.

Александр Канцедикас предлагает еврейскому миру и его лидерам позаботиться об этих проблемах и решить их вполне однозначно – как в аспекте этическом, так и материальном. Речь, разумеется, идет не об одноразовой стимуляции рождаемости – разговор этот о долгосрочном плане, который, будучи реализован, приведет к увеличению численности народа на миллионы душ. В силу множества самых разнообразных причин никто не сможет остаться равнодушным к такому плану. Нет нужды приводить здесь цифры, это тема специального исследования. Однако и общими фразами не стоит прикрываться: дело касается всех без исключения еврейских семей – в Израиле и в США, в России и в Западной Европе. На каждого ребенка еврейский народ жертвует – хотя это и не совсем верное, а скорее, традиционное понятие, – определенную сумму денег, равную для всех без каких-либо различий; эта сумма не должна зависеть от страны проживания семьи. Экономистам придется еще немало потрудиться над расчетами и выводами, но и сейчас можно сказать, что ежемесячная выплата на одного ребенка составит от восьмисот до тысячи долларов США.

Помимо экономических расчетов обсуждению подлежат социальная и политическая грани идеи. Необходим эффективно действующий аппарат распределения средств. Эти средства должны поступать от еврейских национальных и международных организаций, от частных лиц – но не только. Государство Израиль, наше «бедное государство богатых людей» с его многомиллиардным бюджетом, может позволить себе ввести специальный целевой налог, направленный на осуществление национальной идеи. Не следует упускать из вида и реакцию коренных народов на еврейскую инициативу, кажущуюся на первый взгляд столь утопичной. В любом случае, в еврействе не сыщется ни одной семьи, которая осталась бы в стороне от выдвигаемой к обсуждению идеи. Сам замысел, столь важный и необычный, вызовет несомненно пристальный интерес и побудит евреев – да и не только их – к раздумьям и размышлениям.

И на фоне этих духовных занятий в наше тревожное время еще резче и ярче выветятся под знаком вопроса три составляющих всю нашу жизнь: что ждет евреев? Что ждет Израиль? Что ждет мир?

III *Àææéíá äð Èáí óáæéáñ 65 éáð óðíæáíáð Èèðáí, ðáí áð ðèèðí áæññý á Èçðáèéíí ááññý òí éáð íáçáá. Í èñðòáéíç æóðíáæéñð. Ááð íð áíéáá ááññý ðè èíéá íí èçíáðáçèðáéíí íí ó èñéóññòáí. Í æéáíéáá èçáññò í úé á í èðá ñí áóéáæéñð íí ò áíð-áñò áó íáí íáñ èç íñ íáíí íéíæí ééíá Áæééíá ðáññéíá áááí ááðáá í á-áéá í ðíøéíá áíéá Èáçáðý (Ýéçýçáðá) Èéñéóéíá (1890 – 1941), íñð ááçááññý á èñðíðèè èñéóññò á í íá èí áí áí Ýéý Èéñéóéíá.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ЗАСТРЯВШЕМУ СБОРНИКУ

Î adēai Êīdāēīā

Еще до прощания в Центральном доме литераторов и на кладбище – при первой же вести о смерти Разгона возникла уверенность: «Мемориал» обязан откликнуться на уход старого ээка.

Лев Разгон стоял у истоков общества, но в отличие от других энтузиастов, поначалу рванувшихся в почетный «сахаровский» Совет, не изменял своей позиции.

Вступив в Третье тысячелетие, отчетливо сознаешь, что поколения лагерников предвоенных наборов исчерпаны до конца. Вроде бы вчера на Ваганьковском хоронили Анастасию Цветаеву. Вслед за ней на Троекуровском – Олега Волкова. В Санкт-Петербурге – Дмитрия Лихачева... Теперь на Востряковском, рядом с женою, тоже старой ээчкой Ревеккою Берг покоится Лев Эммануилович Разгон. Приходится думать, что он – последний в ряду «тридцатников», осиливших трагическое столетие.

В дни прощания казалось, что составить сборник и включить его в серию «мемориальных» изданий особого труда не составит. Первая наша встреча выпадает на осень 1955-го, на девятый вал негаданного «реабилитанса». Место встречи – квартира (само собой, коммунальная) Евгения Гнедина в Петроверигском переулке... Рядом с

«Историчкой». Солагерник Разгона, узник Сухановской тюрьмы, а до Лубянки и Сухановки – заведующий отделом печати в литвиновском МИДе, Евгений Гнедин обрел московскую свободу одновременно с нами, с единицами и десятками из миллионов, сложивших кости в ГУЛАГе. Значит, жизнь Разгона на протяжении почти полувека перед глазами, значит, для сборника нет преград? Как бы не так.

Первая осечка случилась в РГАЛИ – Российском госархиве литературы и искусства. Незадолго до смерти Разгон сдал в РГАЛИ ящики рукописей, корреспонденцию. По характеру своего дарования и мотивам цензурным писатель, как и многие из его собратий по цеху, чувствовал себя в эпистолярном жанре раскованней, чем в текстах, предназначенных для печати. Ящики с архивом Разгона по сей день не разобраны. И когда до них дойдет очередь – дело темное. Сотрудников в РГАЛИ недостает, зарплата жалкая. А до того счастливого часа, когда архив пройдет научную обработку, материалы его не подлежат публикации. Первоначальный замысел книги пришлось круто менять.

Вторая осечка случилась в Бутырке.

Года за два до смерти Разгон подарил родному узилищу часть библиотеки. Возможно – с пометками на полях прочитанного. Добросовестному биографу не грех бы и полистать, если бдительный цензор не углядит в пометках крамолы. Однако тащиться в Бутырку добровольно? Ходить по инстанциям да хлопотать о санкциях? Слуга покорный.

В третьей, и самой неожиданной осечке повинны мемуаристы. Среди обширнейшего круга знакомых Разгона сколько угодно умеющих держать перышко. И, на мой взгляд, обязанных почтить память усопшего... Обещания давали все, кому дозволился.

Но одно дело – широко известный Разгон, который бывал интересен, приятен, полезен, и совсем другое – ушедший в небытие. Быстрое забвение вошло у нас в закон.

Признаюсь, иным я звонил повторно и в третий, кому-то в четвертый раз. Но в пятый? Разгон бы тоже не вымаливал подаяние. Да и места в сборниках, как земли на городских кладбищах, обычно не хватает.

Вывод напрашивается. Академически подготовленный сборник – дело историков литературы, редко склонных спешить; дело будущего, боюсь, весьма отдаленного. Достоевский ждал полного собрания сочинений сотню лет; Толстой и сейчас терпеливо ждет.

Посильная задача, следовательно, скромна. Наметить контуры личности, обозначить пунктиром развитие писателя. Задача скромна, но выяснилось, что и она сложнее, чем думалось поначалу. Достаточно раскрыть биографический словарь – «Русские писатели XX века» (М.: Большая российская энциклопедия, 2000). Главным редактором и составителем словаря числится П.А. Николаев. Не место подбирать здесь букет энциклопедических ошибок. Цветочки его уже отмечены рецензентами «Известий», «Литературной газеты», «Нового времени», «Знамени». Выскажу только недоумение. В словаре удостоена внимания масса писателей, чье место – среди «мировых неизвестностей» или в толпе известных всем и каждому бездарей и мракобесов, – Лев Разгон не упомянут.

Случайный просчет? Но составитель словаря – член-корреспондент РАН – не имел права не понимать, что лагерно-тюремная тема в российской словесности драматичнейшего столетия имеет значение первостепенное.

В изящно-строгую антологию – «Написано в тюрьме. XX век. Россия», вышедшую тоже в 2000 году, Владимир Корнилов по техническим причинам включил лишь 83 имени. Перечислю малую часть избранных: Максим Горький, Владимир Маяковский, Николай Гумилев, Николай Клюев, Анна Баркова, Осип Мандельштам, Николай Заболоцкий, Юрий Домбровский, Наум Коржавин, Юрий Давыдов, Анатолий Жигулин, Ярослав Смеляков, Даниил Андреев, Иосиф Бродский, Юлий Даниэль...

Вот он – литературный отсвет судеб России XX века.

Подчеркну: Разгон удостаивался почетнейших наград и премий на Родине и за ее рубежами. Об избытии пятибалльных откликов на его прозу говорить здесь нет нужды; некоторая доля их представлена в сборнике. Но по мотивам, надеюсь, понятным невысказанно было бы поместить рядом отклики сугубо враждебные. Между тем, без них не обходилось.

Не хочу останавливаться на давних страницах «Нашего современника» и газеты «День», преобразившейся в «Завтра». Странички рождались темно-желтые, коричневатые. Прощаю дальтонику, коль скоро время их подлечило. Быстротечное, оно подтвердит справедливую оценку послезавтра. Но полагаю необходимым задержаться на продукции свежей, в своем роде образцовой – на брошюре А. Антонова-Овсеенко «Портрет обывателя».

Есть у брошюры подзаголовок: «Сергей Ковалев в собственном соку». Издана она, как и словарь П. Николаева, на исходе ушедшего года. Однако издательство, тираж, выходные данные хранятся под секретом. С чего бы? Разве никто не оплачивал труд автора, печатников? До меня брошюра дошла по той причине, что в Государственной Думе ею снабжали любого, кто соглашался взять ее в руки. Полное бескорыстие.

1. Фам. РАЗГОН
2. Имя ЛЕВ
3. Отч. ЭММАНУИЛОВИЧ
4. Год рожд. 1908 5. Место рожд. г. Горки, Могилевской обл. БССР
6. Адрес г. Ставраполь, Суворовская ст.
7. Проф. (своб.) Литературный работник
8. Место работы, долж. Колхоз г. Ставраполь, Б. доли. Петавола
9. Партия КП 10. Наим. КП 11. Гражд. ССР
12. Арестован 14.8 13. Характер преступления К-Р агитация
14. Ст. ст. УК 58-10.21 15. Карточка освобождена Ставраполь 01.11.40 г. Ставраполь
У. Герасимов 1940 г.

Орган Упр. областного НКВД Ставрапольской области
Лев Разгон
№ 3037
30

Удостоверенный
лицом личной руки

Пламень сердца и накал пера Антона А.-О., видимо, обдавал читателей. Наверное, в первую очередь лично знакомых с автором и главным героем его труда.

Вновь подчеркиваю: не собираюсь защищать «обывателя», проваренного в антоновском соку. Замечу лишь, что ждать нынче святости от кого угодно по меньшей мере наивно. В любой из христианнейших обителей при особом желании наскрести грехов не составляет труда. Мы обречены еще долго носить на себе печать совковости. Но

это не означает, что, отвергая роль защитника, следует уклоняться от навязанной полемики.

Спору нет, молчание бывает лучшей формой отповеди. Ведь совсем нередко молчание воспринимается как поведение страуса, прячущего голову в песок. Как отступление перед будто бы грозным воином, не озабоченным поиском истины, но ее откуда-то знающим. Предпочитаю полемику.

Встретиться с кирюхой по лагерной судьбе, с Антоном А.-О., я имел честь в ту же эпоху «позднего реабилитанса», когда познакомился с Разгоном. И тогда же убедился, что резервы души вчерашнего зэка неисчерпаемы. Их доставало на ненависть к Усатому, к Лаврентию Берии и Ко, к знакомым дальним и близким, к собственным родичам. Достается в брошюре всем подряд: журналистке Евгении Альбац, председателю Российского отделения Международной правозащитной ассамблеи Виктору Булгакову, членам редакционной коллегии «Мемориала» Александру Даниэлю, Ларисе Ереминой, Татьяне Касаткиной и поистине «мн. др.».

Да, безусловно, при демократии Антон А.-О. вправе иметь самобытный взгляд на кого и на что угодно. И все же странно: отчего старинный приятель категорически не замечает, что со времени учредительного съезда «Мемориала» одно лишь московское отделение общества выпустило добрую сотню книг, среди которых шестисотстраничный справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР (1923–1960)»; пятисотстраничный – «Кто руководил НКВД. 1934–1941». Выпустил фундаментальные труды, в которых списки тех, чьи кости и прах на Донском кладбище, в Бутовском захоронении, в подмосковном имении Ягоды «Коммунарка»... Выпустил репортажи правозащитников о событиях в Абхазии, Армении, Дагестане, Чечне... Великолепный том писем и стихов Юлия Даниэля из лагерей и Владимирской тюрьмы – энциклопедия романтического периода диссидентства...

Не укладывается в сознании, как хватает у Антона отваги клеймить входящий в «Мемориал» центр «Сострадание»...

Вопросы сплошь риторические. Право, опустил бы я эту риторику, если бы Антон А.-О. не оскорблял памяти Разгона.

На странице 17 речь в брошюре идет о «дежурном ветеране», посмевавшем напомнить делегатам конференции, посвященной десятилетию «Мемориала», о годах массовых репрессий. По Антону А.-О. получается, что живым пора забывать о мертвых? «Только ему, сотруднику карательных органов, дано пожалеть жертв террора»...

На странице 23-й речь вновь идет о «дежурном» каторжанине... И на следующей странице утверждается: «в устах бывшего сотрудника НКВД и лагерного нарядчика» непростителен панегирик, обретающий по этой причине «особое значение».

Антон А.-О. не следует нравственно-мудрому правилу древних римлян: «О мертвых или хорошо, или ничего».

Грозный сын грозного прокурора игнорирует, что на конференции выступал именно ветеран, а не зеленый новобранец. Презрительная добавка «дежурный», по сути дела, означает «действующий», сохранивший энергию, чувство гражданского долга.

Коль скоро «дежурный» вновь и вновь напоминает о трагедии народа, отчего бы не выразить с оратором солидарность?

Игра в брошюре идет краплеными картами.

Если Разгон не жертва, почему жертва Антон А.-О.? Если логически неопровержимо, что каждый доходяга, терявший силы и жизнь в «истребительно-трудовых» лагерях, является сотрудником карательных органов. В том числе, разумеется, и Антон А.-О. Сумел же он избавиться от «общих работ» на строительстве железной дороги и коротать срок в труппе арестантско-вольного разъездного театра в Абези.

Не был Разгон «каторжанином». Каторгу ввели в 1943 году, когда армия повернула на запад и шла расчистка освобожденных территорий от старост, полицаев, словом, от «прислужников оккупантов». К тому времени Разгон уже отбыл свой первый срок, а второй получил в 48-м при другой расчистке.

Нормировщик Разгон умно и упорно спасал эков от безумия системы, разработанной не для успехов производственно-трудовых, а для добивания тружеников... Как ни странно, интересы рабов и господ кое в чем совпадали. От низовых начальников требовалось посылать «наверх», в высокие инстанции, рапорты победоносные. Следовательно, всем очевидную чудовищную «туфту», липу. Разгон посылал без сведения концов с концами: в заведомо неисполнимых планах «премблюд» голодным рабам не улыбалось. Грозил штрафная пайка.

Соликамск. 6 июля 1955 год. На второй день свободы.

В рассказах Разгона раскрывается механика трудовых достижений. Каждый опытный зэк поэтому не клеймит каждого «придурка», а тщательно взвешивает, когда и где он сидел, чем оплачивал блатное свое местечко в хлебрезке, санчасти, самодеятельности... Предварительно разбирается, каким на данном лагпункте был тогда, именно в тот сезон, под командой того «гражданина начальника» расклад всегда противодействующих сил.

Не вникая в детали лагбытия, дешевые трепачи получили бы право зачеркивать «Архипелаг ГУЛАГ»: ведь автор его полсрока «кантовался» библиотекарем в шараге, а остаток срока – бригадиром в Экибастусе. И выкидывать из обоймы «Крутой маршрут»: от колымской голодухи и стужи Евгению Гинзбург спасла работа в арестантской больнице на Беличьей. Списывать в отходы отечественной поэзии Варлама Шаламова, который там же, в больнице на Беличьей, вернулся к жизни благодаря покровителям: врачу-вольняшке Нине Савоевой, медбрату из арестантского персонала, позднее ее мужу Борису Лесняку. Они осчастливили сына вологодского священника, битого ворьем поклонника Пастернака, не раз помиравшего под нарами Варлама Шаламова высокой должностью культорга.

Не могу спорить: до ежовщины одаренный, привлекательный Левушка Разгон вступил в самую что ни на есть близкую связь с органами, женившись на дочери Глеба Бокия – крупного чекиста, еще в пору своей петербургско-студенческой юности подпольщика, борца на баррикадах Пятого года. При Николае II Бокий 12 раз подвергался арестам. После октябрьских дней 17-го, конечно, участвовал в гражданской войне. При Держинском, Менжинском занимал особо ответственные посты в самом грозном из ведомств... Расстрелян в 1937-м. Реабилитирован в 1956-м.

Оправдание столь же запоздалое и оскорбительно-равнодушное, сколь преступны были расстрелы, подчиняется, как видно, высшему для нас закону – Закону Штурмовщины. Под него попала и дочь Бокия, жена Разгона, погибшая на первых же верстах арестантского этапа.

По мнению тех, кому приятней наклеивать ярлыки, чем разгребать завалы истории, не отшатываясь от ее водоворотов, женитьба Разгона – криминал беспспорный. Соглашусь при условии: ежели, предъявляя счет, наклейщики ярлыков отважатся на самокритику.

Резко ли отличается от Глеба Ивановича Бокия Владимир Андреевич Антонов-Овсеенко, подхваченный русским бунтом в 1901-м, возглавивший, как уверяют учебники, штурм Зимнего, а после гражданской учинивший – в ряду с Тухачевским – разгром «антоновщины» (прошу извинить за нечаянную игру ярлыками).

В годы отнюдь не вегетарианские начальник управления РВС СССР Владимир А.-О. становится прокурором РСФСР, не менее пламенным, чем Крыленко и Вышинский. В период сражений республиканцев и франкистов в Испании – сталинским полпредом в Барселоне...

Через 20 лет после ареста и расстрела Владимир А.-О. получает реабилитацию.

С точки зрения истории добрый Лев и злой Антон – близнецы, единокровные братья, чьи пути резко разошлись. Оба они – соучастники одной эпохи, обещавшей лучезарные дали. Предъявлять счет одному означает предъявлять счет другому.

Держа нос по ветру, шустрые историки и ушлые публицисты сегодня с чувством полного превосходства клеймят отцов и дедов, отталкивают локтями старших братьев-шестидесятников; как же-с, конкуренты! Читают проповедь всем заблудшим поколениям русской интеллигенции, будто сами исполнили свой гражданский долг, уберегли Россию, остановили на краю пропасти.

Справедливости ради позволю себе экскурс для старшеклассников. Если не тревожить прах Мюнцера и Кромвеля, то жажда разрыва со «старым режимом» охватывала Европу с конца XVIII столетия. В начале XIX века к свободе рванулись Испания, Португалия, Греция, Польша... Российские победители Наполеона вышли на Сенатскую площадь.

Не берусь судить, как преподносит сегодня школа сюжеты о петрашевцах, народовольцах, эсерах. Непреложен, однако, факт: имперская власть не желает осознать, что с трибуны конвента Робеспьер ввел равноправие еще в 1791-м.

Начитавшийся книжек санкюлот из белорусского местечка, Разгон, конечно, лишь с радужными надеждами мог воспринять крах обанкротившейся нравственно политико-социальной имперской власти. Ни кадеты, ни монархисты, никто не прощал тогда самодержавию его постыдно-бездарное поражение в русско-японской войне, в мировой войне.

Лучи взошедшего над Россией багрового, с кровавым отсветом, солнца казались розовыми массам людей более умудренных, чем пацаны вроде Разгона. Вскоре не безутешные три сестры, а тридцать три, пускай сопливых еще тогда, богатыря в каждом из медвежьих углов России устремились в Москву, в Москву, в Москву...

Через двадцать и тридцать лет дорогая столица опять им снилась, но уже на нарах. Через сорок лет, когда огаркам так ярко горевших юношей надеяться стало нелегко, чудо воскрешения свершилось.

Осенью истекшего года Рада Полищук издала небольшую книжку – «С Разгоном о Разгоне. Беседы, раздумья, воспоминания». Книжка подоспела к первой годовщине смерти, что, естественно, наложило на нее особую печать. Выход книги в Минске, в Белоруссии – факт вдвойне отрадней. Разгон был вовсе не избалован московскими изданиями. Запад проявлял к писателю больше внимания, чем Отечество, слишком быстро уставшее перелистывать трагические страницы своего прошлого.

Знакомство Рады Полищук с героем книги состоялось лет за восемь до его смерти, когда над Разгоном и патриархами ГУЛАГа уже проглядывался ореол мучеников. Поздняя встреча оказалась в некоем смысле к лучшему. Собеседница знакомилась с итогами осознанного опыта. Ее отношение к Учителю, к Мудрецу коленопреклоненно. Не грех, что взятые у него интервью и диалоги обретают сладковатый привкус. Есть ли грех в том, что мужской взгляд построже?

При знакомстве у Евгения Гнедина Разгон предстал передо мной вовсе не как высший авторитет.

Родство с Бокием, определившее до ареста круг общения, дружба с Андреем Свердловым, учинявшим безжалостные допросы Анне Бухариной, в ту пору ореола вокруг Разгона не создавали. Да и люди, отбывавшие срок не в конторе нарядчика, а по бурам и карцерам, по закрыткам и штрафнякам, в памяти моего сердца занимали больше

места. К тому же московские дебюты у возвратившихся из зоны не могли не обрести конформистской окраски. Реабилитация Разгона предполагала его восстановление в партии. Оно давало пропуск к штатным должностям, облегчало получение литературных заказов. Позднее – вступление в Союз писателей.

Непросто было сделать эффектный жест, отказавшись от партийности. Тем более, что партийность не объяснялась лишь осторожно-шкурными соображениями. Ведь повинная партия начала возвращать прокаженным пуды равноправия. Приоткрывала им двери в те запретные сферы, где вчерашние рабы могли осуществляться как личности. Чудо реабилитации доказывало, что перемены возможны в рамках системы.

Быть может, литератор Лев Копелев вернул обретенный вновь партбилет? Или технари, избравшие иную, чем Копелев, колею?

Нет резона нынче утаивать, что молодая жена члена ЦК державной компартии Павла Аксенова вовсе не осуждала троцкистов и прочих фрондеров: они платили высокую цену за свои убеждения. С кровью уступили позиции Демагогу и Деспоту. В лагере Евгения Гинзбург под влиянием нового опыта и замечательного медика Вальтера, человека истинной культуры, до конца излечилась от большевизма. Перешла в католичество. Оказавшись на свободе, решила писать «Крутой маршрут». И как раз поэтому печальный его вариант посвятила XX съезду, Хрущеву. Не помню дату, когда сняла посвящение. Под псевдонимами и, бывало, под именами своих друзей опальная знаменитость («Крутой маршрут» покорила Европу, Японию, англоязычный мир) подрабатывала рецензиями в журналах. Посещала партсобрания в ЖЭКе, отсчитывала взносы.

Так что же, корить за постыдный конформизм, забыв о стойкости, проявленной на следствии, о годах разлуки с осиротевшим сыном? Единственным, прилетевшим, когда улыбнулась фортуна, на Колыму: старший, Алеша, погиб на фронте, Павел Аксенов отбывал срок в лагерях. Так что, сбросить со счетов, что непутевый Васька после первых же своих повестей стал лидером молодой прозы?

Сдав партбилет, Евгения Гинзбург поставила бы под удар работу над продолжением «Крутого маршрута». Бросила бы густую тень на чудом пробившийся к свету талант сына, добила бы подорванное в тюрьмах, зонах, ссылках собственное здоровье. Париж стоил мессы, а «Крутой маршрут» – скуки на партсобрании.

И еще параллель. Сыну заклеянного ренегата Парвуса Евгению Гнедину надо было дописать «Катастрофу», издать ее с предисловием академика Сахарова в Амстердаме, а Льву Разгону обрести славу, прежде чем пробил час, когда оба они, солагерники, отказались от членства в КПСС.

Да, делая первые глотки московской свободы, Разгон, говоря мягко, проявлял осмотрительность. Передо мною перечень его публикаций, по доброте души показанный сотрудниками РГАЛИ. Опись меня поразила. Листая ее, я убеждался, что на пороге шестидесятых и в более поздние годы знал лишь надводную часть айсберга. Семь восьмых оставались под водой. Истовый труженик по школе всей жизни, Разгон не позволял себе перекуров. Об этом свидетельствуют не только заголовки его статей, брошюр, предисловий, рецензий, но творческие заявки, трудовые соглашения, выписки из постановлений секретариата Союза писателей, блокноты с набросками, машинописные копии рукописей с исправлениями, добавлениями, наконец, почетные грамоты...

Не знаю, какой частью многостраничной описи позволительно отяжелить эти заметки. Не ведаю, надо ли переписывать заголовки, коль скоро сами тексты остаются недоступными. Надежда разве что на будущих диссидентов. Не исключено, что у них когда-нибудь найдется время, чтобы оценить по заслугам, к примеру, «Волшебство популяризатора», очерки об академиках Ферсмани, Тимирязеве, об историческом романисте Яне, о писателях Дубове и Коринце, рецензии на книги Б. Агапова, А. Аграновского, В. Бианки, Л. Кассиля, Л. Квитко, Н. Носова, А. Рубакина, А. Шарова...

Если бы сегодня отыскался энтузиаст, которому предоставили бы возможность дельно прокомментировать и выпустить в свет письма Разгону Александры Бруштейн, Марка Галлая, Василия Гроссмана, Евгения Шварца, Бориса Слуцкого, Эммануила Казакевича, Виктора Некрасова, Самуила Маршака, Юрия Болдырева, Леонида Лиходеева, Ефима Эткинда, Лидии Чуковской..., полагаю, книга завоевала бы успех.

Впрочем, уверенности в сенсационном успехе нет. Какой бы откровенной ни показалась книга читателю, пронизательный, он вряд ли избавился бы от подозрения, что старый зэк в письмах своих раскалывался не до конца. Уроки пройденных «за колючкой» университетов добросовестные ученики не забывали. Насчет тайны переписки даже в эпоху гласности Разгон едва ли заблуждался. Между тем время стремительно и жадно. Избалованное, оно уже требует не только правды, но непременно всей правды.

А вот накось, сердечное, выкуси.

Начитавшись мемуаристов, без зазрения совести излагающих свои разговоры с «друзьями» так, будто они, разговоры эти, велись под стенограмму, и стенограмма спустя полвека сохранилась, я предпочитаю воспоминания без устных цитат, без приписок. В лучшем случае мемуарист способен обозначить ход мыслей. Настрой собеседника. Попытаюсь.

Странно, но крупных принципиально-идейных расхождений вспомнить не могу. О чем могла идти полемика? О том, что развенчание культа личности, сначала робкое, но открывшее путь на волю миллионам, явилось одновременно важнейшим шагом к спасению экономически, политически задыхавшейся в сталинских тисках России? Где же тут предмет для полемики?

Мог ли идти спор о том, что, оставаясь сталинистом по хватке-ухватке, Хрущев вел жестокую борьбу с Молотовым, Маленковым, Кагановичем, с примкнувшим к ним Шепиловым? Что сумел наломать дров в искусстве, в реформе армии, в сельском хозяйстве, доводя его до тотальной кукурузы?

После восшествия на трон Брежнева и начала упорных, однако, оглячивых попыток отбелить Сталина антикультовая позиция Льва Разгона – так же как большинства людей мыслящих и помнящих про «великие переломы» – стала цементироваться. Обретать новую жесткость – вместе с тревогой и гневом.

Настойчиво, упорно, боюсь сказать, декларативно обещает Разгон приятелям: не пропущу 5 марта. Опять клянется: 5-го напыюсь обязательно.

Как правило, мартовские встречи устраивались у Мишки. «Мишка» – солагерница Разгона, которого другой зэк – Наум Славущий, начинавший свой срок еще в СЛОНе (в Соловецких лагерях особого назначения), спас от общих работ: вырастил как

нормировщика. «Мишка» – партийный псевдоним Вильгельмины Германовны Мюллер, урожденной Магидсон.

Сколько раз при мне задавали Мишке вопрос: «отчего же ты не пишешь мемуары?» И получали в ответ сдержанную улыбку. Были у Мишеньки мотивы уходить в «глухую молчанку». Следовательно, и у меня не было мотивов заговорить. Но не в очень давний и не очень веселый час я услышал просьбу из тех, что весомее, чем приказ. «Если выдастся подходящий случай и будет желание, оглянись назад. Найдешь же там кое-что занятное. Приятное для Мишки и для тех, кто жив пока из старой компании. Насчет остальных – не знаю».

Предвижу упрек: в жанре предисловий вставные новеллы незаконны. Что ж, нарушу закон. Не в первый раз. А вдруг пойдет на пользу делу?

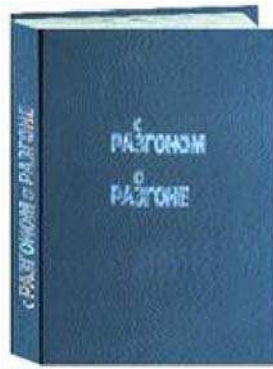
Владевшая четырьмя языками, знавшая Европу не только по фильмам, Мишка выросла в семье весьма состоятельных рижан. Воспитывалась гувернантками, боннами, посещала лицей, доступ в который получали отпрыски социально-весомых фамилий. И все же в Мишке не угадывалась избалованная в детстве неженка. На духовном ее становлении сказывалось влияние брата, увлекшегося идеей справедливости и обнаученной мечтой о ней марксизма. Против воли отца дочь погрузилась в волны политической жизни.

Окончив лицей – пока еще не Мишка, а Вильгельмина – трудится в советском торгпредстве, а в 1927 году переезжает в «эпицентр революции». Дядюшка – известнейший социал-демократ меньшевистского толка – Александр Мартынов – привлек племянницу к работе в Коминтерне. Она обратила на себя внимание людей незаурядных. Среди них – Георгий Димитров, Пальмиро Тольятти. Ее переводят в берлинское представительство Коминтерна. Здесь Мишенька становится женою Курта Мюллера, игравшего заметную роль в Веймарской республике. Председатель Коммунистического союза Германии и его друзья – Эрнст Тельман, Вильгельм Пик – видели в русской революции образец для подражания, событие всемирного масштаба.

В 1931-м Курт Мюллер уже кандидат в члены президиума исполкома Коминтерна. Мишка вновь в Москве. Теперь она живет не у дяди в доме на улице Грановского, а в отеле «Люкс» – тоже для избранных. На огонек в номер к молодой чете заглядывают многие (слишком многие?) друзья, чтобы поспорить о проблемах стремительно и грозно накаляющейся эпохи.

Утверждающийся как в России, так и в немецком рабочем движении диктат Сталина, не представляется, однако, Курту долгожданным итогом сражений, начатых в теории и на практике Марксом, Энгельсом, первыми поколениями марксистов. Постепенно расхождения с приверженцами капризных догматов Москвы становятся у Мюллера глубже. Пока еще корректным по форме результатом 12-го пленума Коминтерна, заседавшего с 12 августа по 15 сентября 1932 года, оказывается ссылка Мюллера в Горький. Речь шла, разумеется, не о том, чтобы бывший кандидат в члены президиума проложил дорогу академику Сахарову. Почетное направление на стройку гигантского автозавода выражало надежду президиума, что молодой еще партиец сольется с рабочими массами, выправит свою идейную линию.

Вместе с мужем отправилась в Горький и Мишка – теперь сотрудник химической лаборатории.

1933-й. Властью над Германией овладевает Гитлер. Остро нужны подпольщики для борьбы с наци. Но где подполье, там и предатели. Вскоре Курт Мюллер схвачен гестапо. Приговорен к шести годам заключения. Брошен в одиночку тюрьмы Кассель-Вельхайден. Переведен в концлагерь Заксенхаузен. Освобожден войсками союзников в 1945-м.

10 марта 1936 года Мишку дождалась, наконец, Лубянка. Кстати сказать, расположенная не дальше от Кремля, чем корпуса на улице Грановского, чем отель «Люкс». Злонамеренной троцкистке, жаждавшей убить товарища Сталина, и шпионке, работавшей на Гитлера, госбезопасность словно подбрасывала превосходнейшие возможности. Непостижимо, отчего никто из обитателей номеров в отеле «Люкс» или камер на Лубянке ими не воспользовался.

На хрущевском переломе 1956 года лагерно-сыльный стаж Мишеньки вдвое превышал стаж Курта. Не стоит сбрасывать со счетов и привходящие обстоятельства. На Дальнем Севере, где зимою температура порой опускалась ниже 50, наш климат не уступал европейскому, как ни крути, гнилостно-буржуазному.

Повторю: и Мишку, и Разгона спас Наум Славуцкий. У него хватило трезвости, отбыв срок, не рваться на юг, где ждали родные и теплые места, а застрять там, где вышел из зоны. Вероятность получения второго срока здесь сокращалась.

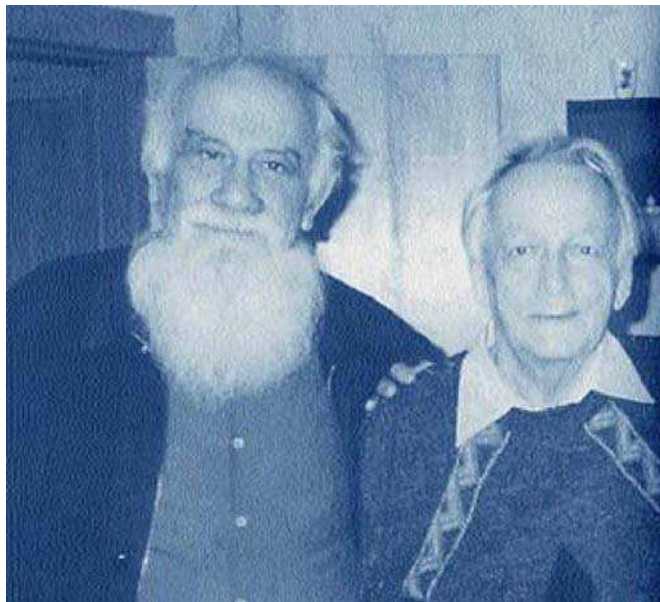
По советским законам брак с Мюллером считался давно расторгнутым. Интернета и факса, которые могли бы связать сталинский лагерь с гестаповским застенком, явно не доставало. Вмешался Его Величество Случай. Он подсказал, что Курт Мюллер – вновь политический деятель высокого полета, депутат – и по-прежнему не сторонник сталинского диктата.

Приглашенный из Бонна в Восточный Берлин для обсуждения глубоких вопросов теории и практики Курт опять арестован. Глава «штази» Эрих Мильке допрашивает его лично. С гестаповским пристрастием, поскольку сложилось мнение: авторитетнейший Курт Мюллер повинен в провалах компартии ФРГ. Пора готовить публичный процесс над ренегатами. Однако «публичный» – дело тонкое. Дозревал медленно. Куда скорее было вклеить четвертак за троцкизм, террор, саботаж, шпионаж – на сей раз в пользу Англии.

Новый срок Курт отбывает сперва в Берлине, а затем – в России, во Владимирском центре. Здесь надежнее. Сидит с россиянами, с «земляками» – с пленными дипломатами, генералами. Пересекается с фельдмаршалом Паулюсом.

И опять поворот судьбы. Конрад Аденауэр осенью 1955-го добивается успеха в переговорах с наследниками Сталина. Не в том дело, что они впали в ересь: соотношение сил в 1955-м уже не то, что десяток лет назад. Аденауэр выторговывает свободу для заключенных, имеющих немецкое подданство. Неужели тюрьма позади?

Закон суров, но справедлив. За двадцать арестантских лет Мишке выдан двухмесячный заработок и выписан ордер на жилплощадь. Дом № 37, минутах в семи от станции метро «Профсоюзная». Коммуналка.

С Львом Копелевым. Перedelкино. Ноябрь 1993 года.

Что ни говори, а у Мюллеров счастливая судьба. Останься Курт в России, его труп истлел бы уже в Бутовском захоронении, может, и в «Коммунарке» – рядом с дачей Ягоды. Отправься Мишка вместе с Куртом в Германию – сгорела бы в печах Освенцима, погибла бы в Майданеке, в Бухенвальде – а теперь рядом метро, есть двухкомнатная квартирka, которой надоело быть коммунальной. В итоге сложнейших дипломатических ходов она перешла в полное владение Мишки и Наума Славуцких. Сколько же вмещалось там визитеров в осенне-зимний сезон! Летом гости ездили на станцию «Отдых», где доживала век старая дача, принадлежащая вдове Мартынова Анне Романовне.

Гость шел косяком из России, из Европы. Постоянный и кратковременный. Маститых художников вытесняли из кухни пока еще зеленые диссиденты, режиссеров документального кино – редакторы издательств... Спрашивается, как же, сливаясь в поток, самостийные ручейки соблюдали дистанцию, порядок?

Светский такт и редкостный талант общения сочетались в Мишке с опытом старого конспиратора. Внушительные менты с матюгальниками и жезлами, управлявшие движением на Садовом кольце, годились разве что в подмастерья хрупкой женщине, умевшей без жезлов, тихим голосом диктовать график.

Таинственным узлом завязывались в Мишке лауреат Нобелевской премии Генрих Бёлль и, скажем, Эрнст Генри, чьи акции поднялись после его открытого письма о Сталине Илье Эренбургу; Булат Окуджава, Александр Некрич, Рой Медведев; Евгения Гинзбург и Анна Бухарина; коллега Кима Филби, по-английски сдержанный, худой,

высокий Дональд Маклин и невысокий, говорливый соавтор книги о Гитлере – «Преступник № 1» – Даниил Мельников; старший сын Натальи

Солженицыной и ее мать, теща будущего лауреата Нобелевской премии... (Екатерина Фердинандовна Светлова была подругой Мишки еще в ту пору, когда обе они жили на улице Грановского); известный германист Яков Драбкин и старший сын Карла Либкнехта Вильгельм с обретенной в турпоходе женою Ниной; литератор Лев Копелев и археолог Григорий Федоров; корифей перевода, поэт, мемуарист Семен Липкин (которому сейчас исполнилось девяносто) и его спутница по стихам и жизни Инна Лиснянская; верные подруги, соседки по писательскому гнезду у метро «Аэропорт» художница Ноэми Гребнева и Нелли Морозова, жена, а теперь вдова гребневского друга – сценариста, сатирика Владлена Бахнова...

Обрываю новеллу и объясняю, отчего она показалась уместной и нужной. По той причине, что как раз на Профсоюзной проверялось на всхожесть лагерное ядро Разгона. Пусть не ядро, а зернышко, в морозоустойчивость которого на первых порах не каждый верил. Постепенно не веривших становилось меньше, потому что зернышко прорастало. Иногда летним вечером на подмосковных дачах, куда сравнительно молодые друзья приглашали на удивление юных Разгонов, отчего-то более жизнерадостных, чем хозяева, скорбно слушавшие тюремные байки. Зернышко наливалось и осенью, и зимой в поездках по стране, когда Союз писателей или журналы отправляли в командировки. Зернышко потому давало всходы, что куда бы Разгона ни заносило попутным ветром, «пепел Клааса» стучал в его сердце...

Из творческого подполья Лев Разгон вышел, когда в «Огоньке» появился его рассказ «Жена президента». Счастливый тот денек впору назвать главным днем рождения. Рубежом, после которого замелькали версты. Интервью, рассказы, отрывки из повестей, отклики на злобу дня в «Известиях», «Московских новостях», «Литературной газете», «Новом времени», «Юности», в периодике закордонной...

И все же 5 марта главнее главного. Появление Разгона на свет Б-жий 1 апреля – это факт биографии, событие семейное, а 5 марта – дата судьбы народной. Символ Жизни.

Фатально сужавшийся круг бывших зэков, которые в этот день поднимали на Профсоюзной рюмки и бокалы, чтобы сделать глоток свободы, оставался для всех нас почвой под ногами; точкой опоры. Без нее и воззрения Разгона куда труднее складывались бы в систему, определяющую достоинства его лагерной прозы.

Наивно и неверно было бы приписывать «системе» Разгона и воззрениям прослойки бывших сидельцев целостность и безупречную стройность. «Проклятых вопросов» хватало по горло. Они хватали за горло. Отличие старичья, которое выжило, продержавшись десятки лет на солдатско-тюремном вареве, отличие от молодых да ранних, вкушающих разносолы Третьего тысячелетия, пожалуй, в том, что старичье реже страдало безнадегой. Мысли не допускало, что от «проклятых» можно уйти в побег. Убраться куда-нибудь за кордон. Старичье твердо знало, что по доброй воле «проклятые» с повестки дня не сходят. Еще питало надежду, что в силах решать их. Видело, что они обостряются на всех широтах.

Если Разгон появился на свет в белорусском местечке, Славуцкий – в украинском городке, Мишка – в столице Латвии; если детство Евгении Гинзбург прошло в Санкт-Петербурге, Анны Бухариной – в Москве, значит, территориальные оковы старые друзья сбросили еще в детстве так же, как ортодоксально-религиозные. Позднее, на фоне

красных знамен и лозунгов, под шум и ярость послеоктябрьских идейных сражений акции иудейской ортодоксии тоже понижались. Мало кто ждал, что национально-расовая проблема вскоре зазвучит с непредставимой прежде силой. Но 1933-й наступил.

Не будь расстреляно и сожжено шесть миллионов евреев в период Катастрофы-Холокоста – чудо возрождения Израиля после двух тысячелетий небытия вряд ли состоялось бы. По мере того как пятый пункт в краснокожей паспортине постепенно становился подозрительно схожим с желтой звездой, чувство «еврейства» начало подниматься. Оно настаивалось, как вино в бочке, убийством Михоэlsa, расстрелом Антифашистского комитета, Делом врачей, позднее – художествами «Памяти», «Легиона Вервольф», баркашовцев, скинхедов, ораторским искусством генерала Макашова, полковника и доктора наук Жириновского, депутата от пролетарской сохи Шандыбина, достижениями зоологических мыслителей, чьей библией становится «Майн Кампф».

Невдомек гвардии патриотам, что оголтелость националистическая так же смертельно опасна для многонациональной России, как прежде для «Единого и Могучего».

Не одному Разгону пришлось отвергнуть навязываемую альтернативу: «еврей или русский». Пацан из местечка, затем московский студент, отмотавший годы сибирской ссылки, а дальше – как по нотам – шоферюга, солдат, глотнувший шнапса у развалин рейхстага, гвардии майор, увешанный, словно елка, наградами и, надо думать, погасивший свои еврейские долги России; еще через годы – автор «Тяжелого песка», «Детей Арбата», лауреат Сталинской премии Анатолий Рыбаков тоже стоял перед нелегким выбором и решил: нет для него «или». Есть «и».

В разгоно-рыбаковском выборе, продиктованном отношением к родине, отечественной истории, языку, культуре и все же свободном, нет сдачи на милость обстоятельств. Нет уникально-еврейской особенности. Немец, старый зэк, блестящий ученый и мыслитель академик Раушенбах начисто отвергал «или». Считал для себя единственно верным «и». Не могу не написать еще один довод в защиту «и» – совершенно хрестоматийный.

В обращении «Мы – польские евреи» Юлиан Тувим писал, что связан с еврейством не той кровью, что течет в жилах, а той, что течет из жил. Обращение звучит как заклинание, клятва, молитва: «Я – поляк, потому что в Польше я родился, вырос, учился, потому что в Польше узнал счастье и горе... потому что по-польски я исповедовался в тревогах первой любви, по-польски лепетал о счастье и бурях, которые она приносит... Кровь евреев (не “еврейская кровь”) течет широкими, глубокими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, “в этом новом Иордане” я принимаю... кровавое, горячее, мученическое братство с евреями...» Строки эти не раз вспоминал Илья Эренбург, полностью разделял Разгон.

Мемуаристы пишут, как правило, о позднем Разгоне. Пишут юбилейно, когда отмечают его переход в десятый десяток. Или скорбно, откликаясь по горячим следам на уход в мир иной. Исключая Даниила Данина, который был на пятилетку моложе близкого друга, остальные – Марк Розовский, Анатолий Приставкин... – попросту молодняк, несмотря на тяжелейший груз пережитого. По осторожным подсчетам, Разгон пронес на плечах дюжину эпох. Но есть справедливость в том, что взгляд мемуаристов прикован именно к последней эпохе. История выбирает изюминки из булки. Разгон знал эту сермяжную правду веков, старался не спасовать.

Во вторник любые недомогания отменялись: заседала Комиссия при президенте Российской Федерации, созданная, чтобы миловать, чтобы спасти приговоренных от судебной жестокости. От преступных для правосудия, однако же частых и нередко сознательных искажений истины. В Комиссии, возглавленной Анатолием Приставкиным, Разгон исполнял не взваленную на него общественную обязанность, а долг бывшего зэка, гражданскую миссию.

Рецензируя в журнале «Итоги» (№15) трехтомник Приставкина «Долина смертной тени» – литературный плод трудных вторников, Андрей Дмитриев свидетельствует: работа Комиссии проходила и проходит в условиях общественного вакуума. С момента введения моратория на применение смертной казни интерес к работе комиссии иссяк. Мало того. Вокруг нее возникла атмосфера враждебности: общество требует ужесточения наказаний. По сути, приветствует узаконенное убийство преступивших закон. Полагаю, причины ясны...

Никогда Разгон не соглашался со смертными приговорами – даже когда спор зашел о чудовищном Чикатило. Бывший зять Глеба Бокия и на этот раз скорбел, что не дано ему право накладывать вето. Был толстовцем, возглашающим «не убий»?

В защиту максималистской своей позиции Разгон выдвигал весомые аргументы. Главный из них: карателей, не покаявшихся в содеянном, надо лишать оружия, которым они впредь продолжают издавна, с древних времен полюбившиеся игры.

Аргумент серьезен, но утопичен.

Неукоснительно следуя заповеди «не убий», человек подставляет не левую щеку после удара по правой – он объявляет отказ от защиты собственной жизни, семьи, рода, общины. Так что же, Разгон – прекраснородушный романтик, не замечавший очередного кризиса иллюзий, а на взгляд обессилевших – окончательного краха, полного банкротства Страны Советов, расколовшейся в Беловежской пуще, как чашка, выпавшая из пьяных рук? Соцутопист?

Нет, Разгон не утопист, не романтик. Но его отталкивала пошлость разочарованных, не знавших очарования. Пошлости он предпочел стоицизм, похоже, окрашенный глубоким трагизмом.

В душе старого зэка не зарастал след от Карабаха, от Чечни, от афганского пепелища, от лишенных тепла и света Чукотки, Приморья, от голодных без зарплаты учителей; от остающихся без крыши и надежды беженцев, долго еще обреченных скитаться, как Вечный жид; от безудержно разгулявшихся наркомании, СПИДа, туберкулеза; от того, что в застенках сегодня погибают больше миллиона зэков, через следственное сито ежегодно проходят два миллиона, и каждая пятая особь мужского пола имеет в Российской Федерации тюремный опыт...

В скрежете столетия Разгон явственно различал эхо «37-го» года и хрипловатый голос великого учителя. Темнел при мысли, что ГУЛАГу помереть у нас не дано, что корни сталинизма уходят в глубь истории – к Ивану Грозному, Чингисхану, Византии. Что они способны опять и опять давать всходы.

Под собачий лай и окрики конвоя старым зэкам, разбитым на пятерки, построенным в колонну – Олегу Волкову, Юрию Домбровскому, Евгению Гинзбург, Анатолию Жигулину, Льву Разгону, Александру Солженицыну, Варламу Шарламову,.. –

предназначено судьбою шагать и шагать по столбовой дороге российской прозы, по пыльным шляхам и бетонным шоссе всемирной.

P.S. Â 1998 ã äó çàçäá á ã çàçäè È áí à áúêî î ðèñáíáí î èì ý «Ðàçãî».

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

Nîèîî ïí Èèííèñ

Продолжение. Начало в №113.

НАПИСАНО – «ВЗЯЛ», СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ – «УКРАЛ»!

В одно из посещений Никитой Михалковым могилы своих родных на Новодевичьем мне удалось побеседовать с ним и рассказать о работе над книгой «Новодевичий мемориал». Он отнесся к услышанному с интересом и пригласил меня в редакцию возобновленного им издания «Российский архив», чтобы обсудить публикацию фрагментов будущей книги.

Хотя этого и не произошло, визитом тем я остался доволен, так как закончился он подарком, который я получил, можно сказать, сам от себя – в награду за просмотр (пока ожидал аудиенции) вышедших томов «Русского архива».

Подарком оказался документ под названием «Перенесение праха Гоголя». Составил его писатель Лидин Владимир Германович (1894 – 1979).

Лидина как члена правления Всероссийского союза писателей пригласили, в числе других «понятых», присутствовать 31 мая 1931 года в Свято-Даниловом монастыре при эксгумации останков Гоголя, Хомякова и Языкова перед их перезахоронением на Новодевичье кладбище.

Переносить прах пришлось, так как власть решила превратить Данилов монастырь в... приемник для несовершеннолетних правонарушителей.

Лидин, как это следует из им же написанного, внимательно наблюдал за происходившим, все фиксировал, а до того как стемнело, даже фотографировал. И все подробно изложил в составленном отчете.

Читаю его с интересом и вдруг... Глазам своим не верю:

«...Работа по вскрытию склепа затянулась, и начинались уже сумерки, когда могила была, наконец, вскрыта... весь остов скелета был заключен в хорошо сохранившийся сюртук табачного цвета... Я позволил себе взять кусок сюртука Гоголя, который впоследствии искусный переплетчик вделал в футляр первого издания “Мертвых душ”; книга в футляре с этой реликвией находится в моей библиотеке».

Вот так, без всякого стеснения, даже с гордостью и нескрываемым хвастовством сообщил Лидин о содеянном им, которое иначе, как святотатством, не назовешь.

И надо же такому случиться, чтобы почти через полвека прах Лидина оказался в двух шагах от могилы... Гоголя.

(2-12-19)

УВЕРЕН, УЛЫБНЕТЕСЬ!

Напротив памятника Максиму Пешкову стоит ничем не приметная стела. Приближаясь к ней, я своим спутникам, которым показываю Новодевичье, обычно говорю: сейчас вы подойдете вон к тому надгробию и уверен – на ваших лицах появится улыбка. Не помню случая, чтобы предсказание это не сбылось.

Люди подходят, читают надпись на стеле: Илья Ильф (1897 – 1937).

И, конечно же, улыбаются. Рассказывать ничего не приходится. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» обесмертили своих авторов.

Единственное, что, как правило, спрашивают, так это: а где же похоронен соавтор Ильфа – Евгений Петров?

Вопрос естественный. В сознании Ильф и Петров запечатлены как единое, нераздельное. Значит, и покоиться должны, если не вместе, то уж рядом непременно?

Может, так оно и было бы, если бы не война.

...Самолет, на борту которого находился военный корреспондент Петров Евгений Петрович (1902 – 1942), пролетал недалеко от линии фронта и летчик по соображениям безопасности старался держать машину как можно ближе к земле. И он все сбрасывал и сбрасывал высоту, пока не врезался в холм...

Погиб только один человек. И это был – Петров. Его похоронили в Севастополе.

(2-23-14)

ДАЖЕ НЕ ОДНОФАМИЛЬЦЫ

В 1945-м на Новодевичьем похоронили Штейнберга Льва Петровича (1870 – 1945), дирижера, композитора, народного артиста СССР.

Известность он приобрел еще в дореволюционные годы. Дирижировал в Петербурге, в Мариинском театре, по приглашению С.Дягилева участвовал в 1914 году в «Русских сезонах» в Лондоне и Париже. После 1917-го стал одним из организаторов оперных театров и филармоний в Киеве, Харькове, Одессе, много лет был дирижером Большого театра в Москве, автор музыкальных произведений, исполняемых и поныне... Словом, знаменит.

Рядом с могилой Л.П. Штейнберга покоится Шапиро Аким Яковлевич (1878 – 1936). Личность незаурядная. Дворянин, врач-оториноларинголог, владелец клиники, в первую мировую войну – фронтовой хирург, Георгиевский кавалер, а в советское время – сотрудник лечебно-санитарного управления Кремля.

Многие годы на могилу к Шапиро приходил его зять Штейнберг Евгений Львович (1902-1960), историк, профессор, писатель. Он любил пошучивать: «Вот умру, похоронят меня к тестю, и на памятнике появится моя фамилия. Люди будут видеть, что в

рядом расположенных могилах покоятся Штейнберги. В одной – Лев Петрович, в другой – Евгений Львович и, конечно, решат, что я сын того знаменитого Льва Штейнберга.

А ведь мы “даже не однофамильцы”».

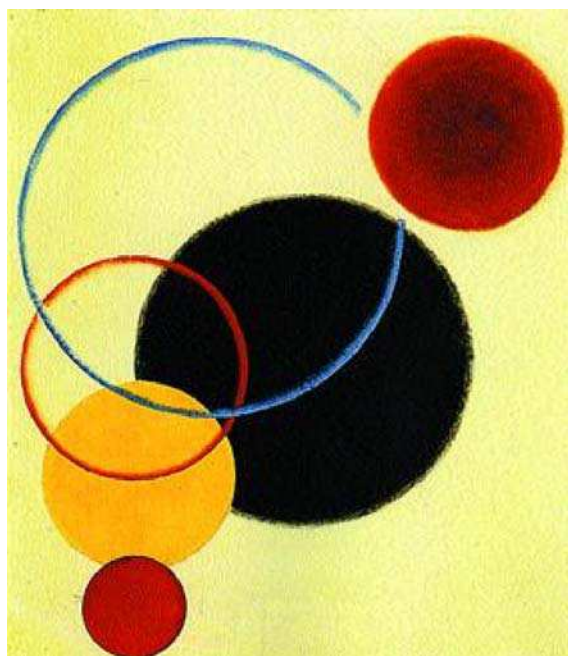
(2-25-1),

(2-25-2)

ЗОЛОТОЙ ВЕК АЛЕКСАНДРА РОДЧЕНКО И НАУМА ГАБО

Øēīī ī Åēāāāē

Эпоха великого русского авангарда вошла в историю мирового искусства и заняла одну из главенствующих позиций. Имена таких мастеров, как Малевич, Эль Лисицкий, Татлин, Филонов, Родченко, выйдя из полувековой советской трясины, засияли полным светом. Изрядная часть русских авангардистов – людей «Серебряного века», спасаясь от духовной и физической неволи, перебралась на Запад. Их имена также на слуху, вот лишь некоторые: Шагал, Сутин, Кандинский, Цадкин, Габо.

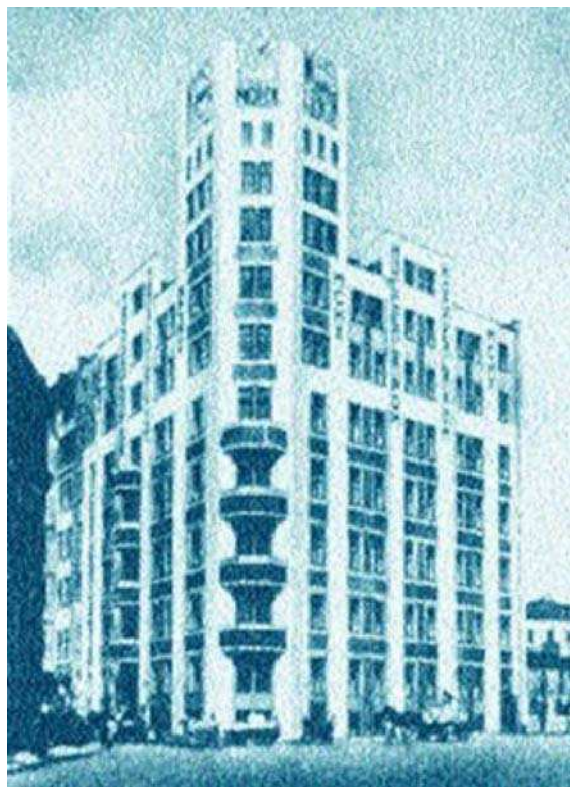
А. Родченко. Беспредметная композиция N68 (Натюрморт). 1918 год.

Судьба сложилась так, что евреи составили значительную часть русского авангардного искусства 10 – 20-х годов прошлого века. Золотой сердцевиной были выходцы из «витебской школы» – питомцы Иегуды Пэна. Молодые люди из еврейской черты оседлости покорили мир своим искусством, основанным на нефигуративном изображении этого мира.

Характерно, что мастера того удивительного времени отличались завидной многогранностью. Почти все они оставили после себя философские сочинения, серьезнейшие искусствоведческие изыскания, многие из них сочетали в своей работе несколько жанров. Примером может служить Эль Лисицкий, профессионально занимавшийся живописью, книжной графикой, экспериментальной фотографией, архитектурой, конструированием мебели.

Искусство фотографии привлекало мастеров Серебряного века. «Фотография – это связь видимой реальности с астралом, и бессмысленно объяснять искусство фотографии какой-то механической дурью», – заметил замечательный писатель Василий Аксенов. До наших дней дошли работы таких ассов, как Родченко, Эль Лисицкий, Наппельбаум, Халдей, Шайхет, Марков-Гринберг. Выставка Александра Родченко и Наума Габо была проведена в одном из известнейших мировых центров, занимающихся изучением русского авангарда, – галерее Гмуржинской в Кельне.

Художники представлены на выставке во всем многообразии своего творчества. Для оптимально удобного размещения экспозиции внутренние помещения галереи-музея были перестроены и переоборудованы. В залах нет тесноты, освещение продумано и выверено до мельчайших деталей. Объемные композиции вращаются с заданной скоростью – в соответствии с замыслом их создателей. Нынешняя выставка Родченко – Габо, пожалуй, наиболее емкая и убедительная из всего, что было показано до сих пор. Уровню выставки соответствует роскошный каталог, явившийся плодом многолетнего труда составителей и выпущенный ко дню открытия.

Здание Моссельпрома. 1920-е годы.

Родченко, пришедший к фотографии от живописи, графики и пространственных абстрактных композиций, известен широкой публике и как автор росписи «Дома Моссельпрома» на московском Арбате. Историей этого знаменитого дома занимался профессор Е.Овсянников. Ослепительная окраска «Дома Моссельпрома», пишет Овсянников, теперь, как и раньше, поражает воображение, а если посмотреть на здание со двора, роспись торцевой стены даже обескураживает. Тем не менее, облик памятника архитектуры 20-х годов был воссоздан на основании строго научных изысканий. Но нам уже трудно себе представить, насколько выразительна была отечественная архитектура авангарда. И это несмотря на то что все с детства знают фразу Маяковского: «Нигде кроме, как в Моссельпроме». Строки его рекламных стихов соседствуют в сборниках сочинений со стихами, адресованными детям. Но менее

известно, что могущественный трест (он объединял мукомольные, кондитерские и шоколадные фабрики, пивоваренные заводы и табачные предприятия) был прославлен Маяковским и художником Александром Родченко еще и благодаря необычной окраске и уникальной росписи этого московского здания.

«Дом Моссельпрома» хорошо виден с Арбатской площади. В 20-е годы он был расцвечен яркими надписями – красными «Моссельпром» и синими «МСНХ» (Московский совет народного хозяйства). Штукатурные поверхности его стен представляли собой сложную гамму оттенков серого, голубого, синего... Большую роль играла башня с часами и огромными буквами рекламных панно между ее зубцами. Но еще интереснее здание выглядело со двора. Там его торец был полностью расписан по эскизам Александра Родченко с текстами Маяковского. Роспись была обращена к посетителям оптовых складов. Здесь ежедневно три тысячи шоколадниц и папиросников разбирали товары для продажи с лотков и рекламировали продукцию треста уже на улицах Москвы. Вспомните некогда знаменитый фильм «Папиросница из Моссельпрома». Но после упразднения треста в 1937 году здание было превращено в жилой дом.

А. Родченко. Без названия. 1920 год.

Разумеется, не только «Моссельпром» прославил Александра Родченко. В 1919 году на московской «Выставке беспредметников и супрематистов» он продемонстрировал живописный принцип «черное на черном», а также показал складывающиеся и разбирающиеся конструктивно-пространственные построения. В том же году он разработал систему линейных построений и ввел линию как элемент конструкции и самостоятельную форму в живописи. Он, наконец, использовал точку в живописи как независимую форму и как элемент упора, удара и конца всякой формы. Это его открытие граничит с художественными исследованиями Василия Кандинского, занимавшегося также применением точек-пауз в музыке, и гениального Сергея Калмыкова, чье творчество только в последние годы, пролежав под спудом восемь десятилетий, стало общественным достоянием.

Александр Родченко был одним из тех художников (Владимир Татлин в 1914-м, Наум Габо в 1916-м и Петр Митурич в 1918-м годах), которые впервые в истории искусства создали абстрактные, свободно висящие структуры как монтируемые, собираемые из деталей объекты, используя при этом плоский материал. Родченко отмечал, что такая работа смотрится острее, чем массивная скульптура. Работа, сложенная из плоскостей, кажется более пространственной, чем объемное тело.

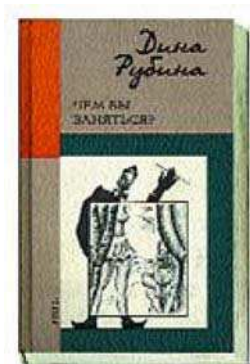
Н. Габо. Голова N2. 1916 год.

Наум Габо, широко представленный на выставке в галерее Гмуржинской, может быть назван творческим единомышленником Родченко – во всяком случае, в области пространственной абстрактной скульптуры. Габо, чье настоящее имя Нохум-Нехемия Певзнер, родился в Брянске в 1890 году. Он учился медицине и естественным наукам и пришел к искусству зрелым человеком. Начав как советский художник, он уехал из России на Запад в конце 20-х годов уже признанным мастером. Его работы можно увидеть в крупнейших музеях мира по обе стороны Великого океана. Роль Наума Габо в мировом искусстве велика и оригинальна, его вклад в развитие культуры оценен сполна.

Выставка в Кельне – важный шаг в изучении и популяризации художественного наследия мастеров русского авангарда. Научный семинар, устроенный галерей и посвященный творчеству Родченко и Габо, привлек специалистов из многих стран. В нем приняли участие и виднейшие российские искусствоведы и историки искусства – А. Парнис, Т. Горячева, А. Стригалева.

Сразу после того как экспозиция Родченко – Габо будет разобрана, залы галереи Гмуржинской украсят полотна великого еврея Хаима Сутина. На выставке «Сутин и его круг» будут также представлены работы друзей покойного художника, скончавшегося в Париже в годы гитлеровской оккупации, – Пабло Пикассо и Амадео Модильяни. Нет сомнений, что и эта выставка станет событием в культурной жизни не только Германии, но и целого мира.

ХРЕНОВО... НО НАМ ПРАВИТСЯ»

Площадной фарс разыгрывается на фоне высокой трагедии.

Дина Рубина. Чем бы заняться? – СПб.: Ретро, 2001, 270 с.

Àéèñáí ääà Áíðáíí

Может, кто-то сочтет, что книгу под названием «Чем бы заняться?» лучше всего читать летом. Прежде всего потому, что такого бесшабашно дерзкого отношения к жизни в другое время года, наверное, и не бывает. Но мне нравится припадать к ней именно сейчас, когда светлое время суток неумолимо становится все короче, подступают холода, и тут книга Дины Рубиной становится просто спасением. Снова обжигает лето, и воображение охотно рисует пору, когда гонимые бродяжьим духом люди срываются с мест, а те, кто такой возможности лишен, готовы слушать их, настрадававшихся, рассказы бесконечно.

Оказавшись в другом городе, можно себе позволить часами и днями пропадать в картинных галереях, изучать памятники истории, наслаждаться изысками архитектуры, а по повести «Высокая вода венецианцев» мы уже знаем, что Дина Рубина прекрасно умеет остановить давно ушедшее в прошлое мгновение и передать красоту застывшей музыки архитектурных месс и арабесок. Иные из ее описаний Испании – родины Гарсия Лорки («Воскресная месса в Толедо»), кажется, восходят к перифрастическому стилю поэтов-импрессионистов. «Плавное кружение попарно шествующих аккордов,

меланхолическое кружение эха в катакомбах средневековых стен, кружение теней, кружение света, косо выпавший из-за угла ломоть солнца, обломленный черной стеной и сланцево слепящий глаза на черной брусчатке мостовой», — такой предстает в «Воскресной мессе в Толедо» Испания Дины Рубиной.

Ее темперамент – как сок свежего яффского апельсина для жаждущей гортани. Как израильское солнце, он усиливает все краски, придавая им незабываемую яркость и чистоту. Давая волю чувству национальной гордости, Рубина готова «записать в евреев» почти всех испанских художников от Эль Греко до Гойи (место проживания, тематика произведений, просто похожая внешность служат для нее в этом случае достаточно веским аргументом). Однако против того, что даже современные испанцы принимают большинство наших соплеменников «за своих», тоже нечего возразить. А так как Рубина все время мысленно возвращается к своей исторической родине, было бы теперь логично перейти к отображающим реалии этой уникальной страны рассказам и юморескам.

Вообще о том, сколь благотворно сказалось на творчестве Дины Рубиной десятилетие пребывания в Израиле, писали много. Обладающая стойкой, чтоб не сказать маниакальной страстью к поиску своих исторических корней (отсюда появляющийся в «Воскресной мессе в Толедо» «мотив радостного припоминания» сюжетов даже из прошлой жизни), Рубина истово верит, что даже за роковой чертой она снова будет любоваться «на вечных холмах куполами и башнями другого уже, небесного Иерусалима». И она убеждена, что «жанр, в котором протекает жизнь этой страны и этого народа, абсолютно совпадает с жанром», в котором она пишет.

Правда, если верить Дине Рубиной, живут в Израиле люди с большим приветом: на работе коллеги истошно орут друг на друга по самому пустяковому поводу, дети в транспорте прыгают по сиденьям, словно кенгуру, по пятницам городской автобус преспокойно развозит по домам сумасшедших... Зато израильтяне на удивление отходчивы (обратная сторона южного темперамента), а по способности немедленно включиться в любую ситуацию и принять самое сердечное участие в ваших личных трудностях с ними мало кто сравнится. Ну кто обычно согласится позаботиться в пути о ваших многочисленных детях и станет катать бесплатно на личном авто?! В израильской армии и в самом деле не существует дедовщины (но дабы не возникало иллюзий относительно сознательности призванных на сборы военнослужащих запаса, стоит почитать роман Аркана Карива «Переводчик»). И, пожалуй, «разболтанные, не приученные к систематическому труду “мамми”» (то есть дети) в конце концов на самом деле «становятся серьезными людьми»...

Есть мнение, что Дина Рубина – последователь Фазиля Искандера. Татьяна Бек в одной из недавних рецензий поставила такой диагноз, понятно, не случайно, основания для подобного рода сближения при желании можно найти. И все же творческий почерк Рубиной абсолютно индивидуален, как и колорит всего, на чем она останавливает свой взор. Да и «желание защитить, оправдать, оправдать во что бы то ни стало» свойственно в большей степени ей. Объясняется это не только генетически присущей Дине Рубиной исторической памятью гонений и бедствий своего народа. Наверное, к людям, ежедневно стойчески подвергающимся смертельной опасности, да еще при этом не утрачивающим чувство юмора, относиться иначе нельзя.

Самоирония – одна из характерных примет контрастного, штрихового стиля книги «Чем бы заняться?». Что тут скажешь, любят соплеменники почем зря себе бедра (или ребра) ломать! И Рубина органично вписывает себя в это племя: разве ей самой не свойственна «кагальная невыносимость» хотя бы «в бытовой ипостаси»? А высмеивая

свое непомерное авторское самолюбие, она в шутку называет себя то «великим комбинатором» (памятуя свои официальные турне по России), то «офеней», рекламирующей и расхваливающей свой «товар» – приходится же на творческих вечерах, где продают ее книги, импровизировать в ответ на получаемые из зала записки! Мелькающее в них сравнение с Игорем Губерманом (даже в отрицательном смысле) ей явно льстит – скрыть от читателя благоговение и трепет перед «радиоактивным обаянием» создателя «гарриков» она не в силах. Впрочем, преклонение перед всем, что говорит и делает Губерман с его беспощадной остротой мысли и шокирующей находчивостью ее выражения, до сих пор свойственно многим. Не мне судить, стоит ли описывать, как чувствует себя человек, «запертый» в туалетной комнате, и как он ведет себя наедине с писсуаром. Но тому, кто давно отбросил языковые табу и для кого не существует запретных тем, эта книга доставит немало радостных минут. Кстати, хотя подобно Борису Хазанову (отрывки из сочинений которого иногда используются в книге в качестве эпиграфов) Дина Рубина и испытывает некоторые комплексы якобы из-за утраты причастности к современному состоянию языка, но находит из этой ситуации достойный выход: то и дело встречающиеся в современном иврите забавные языковые наслоения словно нарочно провоцируют ее к созданию собственных неологизмов (конечно же, с применением нецензурной лексики). Они довольно естественно вплетаются в язык участников являющегося нам в книге Дины Рубиной страшного и трагического, но в то же время по-своему прекрасного и притягательного карнавала...

Чем бы заняться? Взять книгу Рубиной, вопрос досуга тотчас окажется решен.

Òàèèò í á çí ààò ñéíá í è ì í é,

í è ààò ýçíé,

× ò í á ðáññéçàò ù í á yò í é ñéí ðáé

ááñ ðáááéùí í é.

Хазан составил подробный список прозаиков и поэтов, для которых погром – «вспоротые перины». Ссылки и цитаты надраены, как инвентарные номера. Пушкинки-снежинки заволокли горизонт. Едва ли не на десяти страницах бушует метель. Нам же, темным неспециалистам, важно короткое, почти «мимоходное» замечание: в постельном белье искали погромщики зашитые драгоценности.

Мы благодарны исследователю за внятный рассказ об Ариадне Скрябиной. Дочь композитора Александра Скрябина. Жена поэта Довида Кнута. Человек сложной судьбы, непростого характера. Перешла в иудейство под именем Сарра. Героиня французского Сопротивления. Тайно переправляла евреев в Швейцарию. Погибла в перестрелке... Но в Тулузе, вопреки мифу, никакого памятника ей нет.

Или рассказ Исаака Бабеля «Карл-Янкель», где киргизка прикладывает к груди одесского младенца... Да с чего это вдруг киргизы поселились на Дерибасовской? С какой стати?

Причины, – отвечаем вместе с Хазаном, – две: а) дружба народов; б) рассказ Всеволода Иванова «Дите». Там, видите ли, партизаны нашли грудничка и наказали киргизке выкармливать. А в заботе о молоке – чтоб побольше! – кровиночку-киргизенка порешили... Таково происхождение бабелевской кормящей экзотики.

Для доказательства (хотя «по науке» ничего не докажешь) Хазан погружает читателя (с головой) в житейские, интимные обстоятельства, которые (обстоятельства) имеют, нам кажется, не только специальный, но и *общий интерес*. Изложим их в рукотворной юмористической коротышке, изготовленной по собственной рецептуре.

Тамара Каширина, молодая и очень красивая актриса, затяжелела от Бабеля. Возникла проблема регистрации.

– Нет, – сказал Бабель. – Твоя фамилия лучше.

– Для кого? – спросила Каширина.

– Для него. – И Бабель погладил любимое пузичко. – И для тебя.

Будущая мама обиделась. Однако насчет фамилии усвоила твердо. И тут же вышла за другого писателя – Всеволода Иванова.

Улыбнулись?.. Теперь послушайте комментарий Хазана.

В 1927 году, когда задумывался, а возможно, уже писался «Карл-Янкель» (или, по крайней мере, накануне того), Т. Каширина стала женой Иванова, усыновившего Михаила – ее

сына от Бабеля. В 1929 году родился еще один сын, и ситуация «двух младенцев» могла навести Бабеля...

Похоже, что навела.

Дело в том, что идея «с киргизкой» посетила нас независимо от Хазана. Да «Дите» выскочило в печать (последний раз) в 1934 году. Не попало в советский «оттепельный» восьмитомник. Ни в «перестроечные» сборники эпохи (как ее?) гласности. А национальное книгохранилище – на ремонте, а мы, Пинхас Коц, – в аварийном состоянии...

И обращаемся к издательству «Гешарим» / «Мосты культуры». Сейчас модно печатать *книги о текстах*. Очень хорошо. Замечательно! Да ведь и сами тексты, *собственно тексты*, заслуживают внимания. От Иегуды Галеви до Семена Соломоновича Юшкевича. Не станем нанизывать имена. Тот же Владимир Хазан подготовил двухтомник Довида Кнута (Иерусалим, 1997-1998). А дождемся ли мы в России хотя бы «Избранного»?

Несколько слов о русско-еврейской литературе. Она – законное дитя Еврея-папы и матушки России. В одном ряду с такими явлениями, как еврейско-эллинистическая литература, литературное творчество евреев на испанском и португальском языках, еврейско-персидская поэзия, средневековая арабо-еврейская или нынешняя американо-еврейская продукция...

Вот, дорогой читатель, почтенные наши родственники по, скажем, отцовской линии. А матушка Россия, как всякая тетенька, встречала на жизненном пути разных дяденек – иноверцев да инородцев. Исконная здешняя география – топонимика – угрофинская. Попробуйте доискаться, что означает *Волга* или *Москва*. Да и термин Русь... Споткнемся, однако, на миг в юмористической своеручной коротышке.

Происхождение Руси – по крайней мере самого слова – темно и невнятно.

Будто бы на берегах Балтики и даже на острове Гогланд обитало чухонское племя с *названием кратким «русь»*. Потом они двинулись на восток, в Киеве оборотились «варягами», а прежнее свое имя подарили аборигенам.

Такова вкратце северная (норманская) теория, которую, как известно, отвергал еще Ломоносов.

В утешение и в противовес выдвигаем менее обидный (южный) вариант.

Земля, где стоит Иерусалим, – родина «ерусеев». Строительство города и дальнейшие катаклизмы вытеснили исконный народ с родимых просторов. Хотя какая-то часть осталась и приспособилась. А какие-то – пустились в бега, предпочитая эмиграцию. И осели, подобно варягам, в Киеве.

Там, согласно преданию, ерусееи подверглись погрому, утратили начальное «е», а прочее – корень – подобрали местные жители: поляне, древляне, кривляне... нет, кривичи!

Воображаемая историческая цепочка выстраивается приблизительно так: *русееи... русяи... русь...* Отчего наши скромные изыскания осмелились мы озаглавить:

Русееи и Ерусееи

Шутки шутками, но половина дворянских фамилий – татарские. И одежда, извините, восточная: *кафтан, армяк, тулуп...* Это уж после – немецкий *фрак*, французское *пальто*, английский *смокинг...* А с рубежа XX века начался, извини-подвинься, *еврейский период* русской истории, который на наших глазах, заметим в скобках, благополучно завершается. Или уже завершился. Сам, натурально, канул. И его, естественно, доконали.

Евреи участвовали буквально во всем. В революции? Ага! Среди большевиков? Ого! Среди меньшевиков? Угу! В эсерах и террористах? Эге! Вплоть до двойного агента Евно Фишелевича (Евгения Филипповича) Азефа. У кадетов? Гы-гы! Да их так и называли – *еврейская партия*. Даже – гы-гу-го! – среди «черносотенцев» (И.Я. Гурлянд – директор Петербургского телеграфного агентства).

В советской литературе и журналистике работало много евреев. Но в эмигрантской – обратите внимание, – не меньше. Евреи стали неотъемлемой частью русской жизни. Кто из нас русский писатель, кто русскоязычный, кто русско-еврейский – вопрос достаточно сложный.

Хорошо, оставим его специалистам. Пусть копаются в журнальных публикациях, отыскивая давнюю работу Шимона Маркиша «Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки», или заказывают на Украине малотиражную книгу того же автора «Бабель и другие», или берут на вооружение ветхую брошюру Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература» (М., 1922).

А покуда они производят свои изыскания, тонкий глянцевоый бюллетень вопрошает:

Еврейское образование

сегодня – что это?

Преподается иврит. Преподается история еврейского народа – как правило, непрофессиональными учителями. Преподается традиция еврейского народа – учителями, которые даже в первом приближении не соблюдают эти традиции. Преподается еврейская музыка, которая, как правило, сводится к изучению песен к еврейским праздникам.

Какая уж, *блин*, русско-еврейская литература...

Возможно, национальному образованию поспособствует книга Ш.Д. Гойтейна (S. D. Goitein) «Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков», перевод с английского.

М.: Мосты культуры, 2001. Солидный труд маститого ученого. Курс университетских лекций. Апробирован временем. Блестящий сравнительно-исторический анализ...

Остановимся, читатель, на некоторых моментах, близких нам, – как сказано, – темным неспециалистам.

...культ языка стал чуть ли не основным содержанием оригинальной культуры арабов. Евреи же сосредоточены на идеях /.../ никогда не держались крепко за свой национальный язык и мало обращали внимания на форму, особенно на изящество и тонкость выражений.

Êœïïò ñòàë êœïïòòðïé. И оборони нас, Создатель, ринуться в глобальные сногшибательные выводы, что так оно и пошло. Что еврейский автор в широком смысле (положим, Кафка) интересуется не столько тем, как происходит событие, клопочет ли пушкинская метель, трепещут ли клейкие Достоевские листочки, война или мир за окном... *Тормознись, мгновенье!* – кричим мы следом за Гете, но вовсе не потому, что оно, мгновенье, прекрасно, не с целью, как классик, запечатлеть, а исключительно, извините, ради вопроса: *а что же, хаверим, все это значит?*

Длительность земного пребывания, племенная генетическая память и вековая традиция толкования отрывают от быта и заставляют, например Пруста, многоотомно странствовать в поисках утраченного времени. Или, возьмите, Бабель:

Был человек и нет человека. Жил себе невинный холостяк, как птица на ветке, – и вот он погиб через глупость. Пришел еврей, похожий на матроса, и выстрелил не в какую-нибудь бутылку с сюрпризом, а в живого человека. Нужны ли тут слова?

Так это делалось в Одессе. А вот как – совсем иначе – у Александра Трифоновича Твардовского:

Ê òàëïé òù ääðáïíïéïðïé
Í à äðúë éáæèøïçàï íïé,
Çàïéíí ÿñï ïò ñï àðò è ÷àðïíé
Øïéüéí ñï àñòàáïíïé ñï èííé.
Øù éáæèøïíé÷éíï, í àðïéøéà,
Ááááòàè íáïíéí ùð éàò,
Áïò ñáé÷àñ òááá è èðúøéà,
Áïò òááÿ áæá è íáò.
Øù íðæáæ è áéñéàï éááïíé.
Øù çàáúë, çàáúë, çàáúë,
Êáé òðááò ùèíáæè éííé,

xòí âíî:íîá òú âíäëë
Ñì äòü äñîí:àò â í ääü íí èäò,
È ääëäë, ääëäë, ääëäë
Áá:äð òíò è òà äää:íí èä,
xòí ëðäëë òú è áäðäã
È äðäë, è äëëëëëë ëëòà,
Áîì ðíáíé, ñó:íé á ñòáíá..

Не станем играть на шипящих, сталкивая меж собой «ч» и «щ», – вечное и «вещное». Но данная нам в ощущении бытовая реальность столь привлекательна и остра, что заражает. А заражать (и заряжать) чувствами и есть, по Толстому, задача искусства. Это ведь местная банальная рифма: *искусство – чувство*. Да и в английском так: Art – Heart. Уверяю вас, не без резона поздний Пастернак подражал Твардовскому:

Áíæäü äíðíæ çàíéíòèëë,
Áäòäð äææäò èõ ñòäëëí,
Íí èëñòáó ññíáááò ñááòäë
È ñòäææäò èõ íääëëí.

Впадая местами (в смысле – Пастернак) в имитацию и пародийность:

Ííòíúé òðäëòíðíäæäò íçèíü
Á äññü ü äëñéíáíó áíðíí.

Но поздний Пастернак – это еще: «Во всем мне хочется дойти до самой сути» и

Íáñë, íáñë, òáñíæíéë,
Íáíääääëëññíó -
Òú - äá:ííñòè çäëíæíéë
Ó äñàí áí è áíéáíó

Спору нет, и Твардовский – заложник вечности. Только Пастернак (условно) живет на Планете, а Твардовский – безусловно – на Земле.

В ñàì äñçíäðññü äíëùóññü
Áí áñáò ì íèõ íðññ:àòíá

религией), поскольку большая часть доходов получена от вымогательства, нарушения законов и угнетения слабых.

Усвоили? Не «халал»!

Христиане и евреи без колебаний пользовались арабским языком (даже для разъяснения своим единоверцам сакральных вопросов), так же как современные мусульмане и евреи используют английский для проповедей или для изложения религиозных проблем.

Не углубляясь в историю Гаскалы (еврейского Просвещения), сформулируем «на выходе»: *русский* – не только (по-советски) *язык межнационального общения*. Нет, это *язык цивилизации*. Какой? Российской? Советской? Постсоветской?

У нас, читатель, речь идет об арабской.

Благодаря преобладанию в этой цивилизации ненационального и светского характера участие в ней евреев следует рассматривать скорее как вклад в общий прогресс человечества, а не в узко национальную культуру. /.../ Вполне корректно говорить о великом еврейско-арабском симбиозе.

Эссеист и прозаик Борис Хазанов, в дерзкой (семидесятых годов?) самиздатской статье запальчиво объявлял, что еврейская (по происхождению) интеллигенция владеет русским литературным языком лучше кого бы то ни было. Безо всякой полемики, как исторический факт, Ш. Д. Гойтейн констатирует:

Евреи, используя арабский язык, создали то, что можно назвать «литературным диалектом» – языком, основанным на живой разговорной речи, избегающим ее грубости.

Кроме великого еврейско-арабского симбиоза, имеется еще несколько. Могучий греко-еврейский симбиоз с греческим Новым Заветом, значительная часть которого – «продукт еврейского гения, истинно еврейское творение во всех аспектах». Цивилизация романских и германских народов, единение с которой достигло высшей точки в XIX и в первой четверти XX века. Общественная и культурная деятельность еврейского населения США, как и других англоязычных стран...

И наконец (осмелимся дополнить Шломо Гойтейна): ныне, как сказано, находится на излете *еврейский этап местной истории* – русско-еврейский симбиоз и, в частности, русско-еврейская литература.

Прекратим *разговоры* о текстах. Займемся *текстами* непосредственно. Приведем целиком давнее стихотворение Довида Кнута «Кишиневские похороны», предварительно очень кратко прокомментировав.

Рышкановка – бывшая деревня Рышканы, окраина Кишинева, когда-то еврейский, теперь «спальный район». *Азиатская* – та самая улица, где в 1903 году учинился погром (сейчас вроде бы нет и в помине). *Мане-Кац* – французский художник, о котором мой дядюшка говорил: «Ох уж эти французы! Мало им Клода Моне и Эдуарда Мане!.. Без Мане, видишь ли, Каца – народ неполный!»

В заключение – немножко статистики. Тираж журнала «Лехаем» – 50000 экземпляров. Возраст произведения – 72 года. И за весь срок не выпало случая, чтобы

50000 читателей могли разом с ним – стихотворением – ознакомиться. А нам удастся. Сегодня – праздник на нашей улице! Хотя отчасти, наверно, языческий – тризна...

Довид Кнут

Кишиневские похороны

B i î i í þ ò óñéúé èèøéí áñééé áñ: áð:

Í ú í ãááèè Èíçíñéøþ ãðéç

Ááá æèè èíñà-òí Í òøééí.

Æèèèè øíèì,

Ááá æèè èóð: áñíé í èçáí ùèèé

÷èííáí èé-

Í òñéááéáí í úé èóòèèà è í íáññ -

Ñ ãðý:èì è áðáíñèè è ãéçáì è

Í à í áéðáñéáí è æéáíí èèóá

Çà í úéüí íé, øí óðíé, ì áðòáíé

Àçèàòñéíé,

Ááíèü æáñò èèó ñò áí Ðíáèèüí íá

Í ðèþòà,

Í áñéé í à í áééáø ì áðòáíá ááðáý.

Í íá òðáóðíúí í áññæèì ì íéðñáéèí

Èíñò èýáúá áéáí áéèñíí í: áðò áí úý

Í áéíááí í íá æèçí úþ ÷ áéíáéèà

Í áéíááí í íá, áéáèí í, í áñò íéúéí,

×òí ìíñéá í á: áí áúéí ì íáééáèòüý

Óóúí

÷ áðáýí áðáéíñéíá èéáááèúá

Çà ñò áðèéáì è, í áñòèì è í íñèèèè,

*Qeà éó:èà ì àí á-éàóíáñéèõ ááðíáá,
Çäéáí íáòò í-æäèò úõ è äëàçàñò úõ
Í ò èõ çàí éáñ ááñéúõ èáí ñáðáéíá
Qæ ñéíæíúé çàí àõ ñáýò íñò è è ðíéá,
Ááðáéñéé çàí àõ - í èùáòú è ííòá,
Ñäëäéé, ì íéé, æáðáí íáí éóéá,
Ñáýúáí íúõ éíéá íæáí íé, ñéíááñæ.
Áíéúøáý ñéíðáú èì ááñééèá
ñáðáóá -
É øéè íí è íáñéúøííþ ííøíæíé,
Í íéíøí íé, èäéíé, ì áðí íé
è íáñíáøí íé,
Èæé áóüòí øéè íí è çà òðóí íí ááú,
Èæé áóüòí íáò èõ øáñò àèþ íá:áèá,
Èæé áóüòí íáò àì ó éííòá..
Í íøíæíé
Ñéííñéèõ - èèøéíááñéèõ - ì óáðáóíá
Í ðáá íéì è - çà íá:áéúú úì ÷áðí úì
áðçíí
Qeà æáíúéíá, è áíúéúúíí ííéóí ðáéá
Í á áéáíí áúéí íáì áá èèóí.
Í í èæé íðáéðáñáí áúé áúñééé áéíñí
Í íá ñòóé øááá ííá ñéááíá øóðøáí úá
Í íááøéè èèñòúáá, ì óñíðá, ííá èàøáéúú
Èèèáñí áá íáñéúøáí íáý íáñí ú
Á íæé áúéé ñéáçí ñéááéíáí ñí èðáí úý,*

È i ðáááí í ñò ù i ðáááá: í é áîéá

Á-æüíé,

Á í áé áúé áîñò í ðáí í é í ðí ñò è

è ñò ðàòá..

Î, èàé i ðáéðáñíí áúé áúñéèé áîéîñ!

Í á í ðáíí ááðá, í á í ñèééáò

Í í áí ðúá óáóáí, í áé í í - í áí í í á

Í í áñ, í áñò, í ñáò á, í í ðáóá

Í ñò áðíñò è, í á ðáñò è, í ñò ðàòá,

Í æáéíñò è, ò ù áò á, í áíí óí áí üè,

Í æáçéáò óí è ðáð ù è ò ááò áé...

Ááðééá ðéá, í í: ò è í á ñí í ò ù éáýñí

È éáæáúé ðáç, éíáñá æáñò í ééé éáí áí ú

Í í ááðáñíí áé í á í áééáò ò ðóí, í í á

Áðíñáéáñí ñéðééí í á í áñ - è áîéîñ

Ááðáá ðéðééñý, éðáí: áé, çáó: áé

í áò áééíí,

Óí ðæáñò ááí í í áñáé óáðí çí é Á-ñó

È áñéáé í ò ýðíñò í úó í ðíééýò éé.

È æáí ù éí á áðíçééá éóéáéáí è

Óí í á È ò í í éüé á çáéáí í áò ò í í ááá

Í áá í úéüí ù í è ááðáñíí è, í áá ò ðóí í í,

Í áá éðú óáð ðíáééüí í á Í ðéð ò á,

Í áá æáñò éíð, éíðýáíð çáí éáé.

Í í áí ò - í óáñéáñíí æáí ù éí á ñáý,

È áééá á áðáñíí ñáý, è éáááí áéá

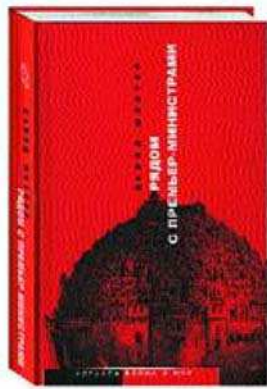
*È éáyéarñí í áäðíáí í è í ðí òýæí í,
Èñí óñí í í òâèèèä Á-æüþ áîëþ,
Èðè÷:æà èññò òí éáí í í í ðí ùáí üè,
Í áäðá, í ñ èðáí èè, í áäðá
Óàðàóàèàññí è æèèàññí é çáí èá
Í í á òýæáñòüþ í ááñí ññè ù ò äèàç,
Äèýáááøè ñ í ááà ñèí ðáí í
è ñðí áí.*

* * *

*× ò í áúéí? Áá:áð, ò è òú çáí ð, çáçáá,
Áíèüøäý í úèü.. Í í è ñ è è è á «Èóðíáðá»,
Áíááð:èáäý äè í áçèñò èá Í èý,
Í ðí ñò í é í áðýá ááðáèñèè ñ í òí ðí í
È æáí ù è í à è ç È í è æ Á ú ò è ý.
Í í*

*í è è í ää à í á í áðááá ñè í áá ñ è
Òí á, ÷ ò í ðáýéí í áá Á ç è à ò ñ è í é,
Í áá ò í í áðýí è äí ðí äñèè ñ è ð á è í,
Í áá ñ áá ñ í, ç à á á í ú ñ á í í áá ðí ò í ý ò,
Í áá óáæüþ í áááñí í é ä è à á ð í,
Á-äçí áá ò äñá ðí è í ÷ ò ú á é, í áá è á á í
Òí ñ è ó þ ù è è ð ú ø é á í í áñ è è ñ á á é.
...Í ñ á á í í ú é, ááðáèñèí-ðáññè è
áí ç á ó ó..*

Áèàæáí, è ò í è ñ è í ää à í é á á á ú á ú ø ä è.

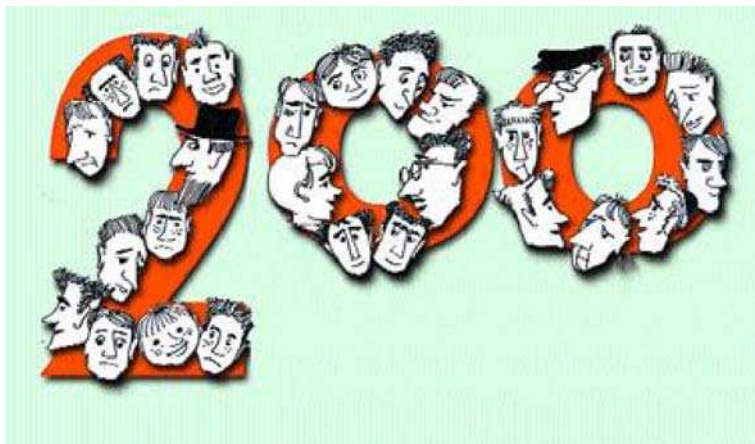
Р. С. Мы обещали «Три книги и два стихотворения». Насчет поэзии (*Слуцкий, Твардовский, Пастернак, Кнут*) плановое задание вроде бы перекрыли, а третья книга – Давид Шехтер, «Рядом с премьер-министрами» – журналистское сопровождение Ицхака Рабина, Шимона Переса, Бенямина Нетаньягу, Ариэля Шарона...

Мы же, Пинхас Коц, встретились на ее страницах с давним студенческим приятелем, что лихо гонял когда-то на мотороллере. По Тверскому бульвару, по Малой и Большой Бронной. Мимо памятника Пушкина, мимо театра Пушкина... А сейчас – в Израиле. Известный тамошний русскоязычный автор. И закончим, как водится, юмористической коротышкой при его, бывшего сокурсника, непосредственном участии.

Еврейские штучки

В Лондоне, недалеко от российского посольства, есть улица Москвы и улица Санкт-Петербурга.

– А знаете ли, – спросил Додик Маркиш, журналист и прозаик, сын поэта Переца Маркиша, – а знаете, что там на перекрестке? – И стрельнул черным глазом. – Синагога.

200 ЛЕТ ВМЕСТЕ

Иллюстрации-зарисовки к трудам Солженицына

Yi i à Ètãï

Кто главный, или Кому на Руси...

Начинающий автор, полукровка Сергей Довлатов, принес рукопись Вере Федоровне Пановой. Она собирала питерский молодежный альманах и, взглянув на титульный лист, сразу отметила:

– Ну вот, хоть фамилия предпочтительная...

Писатель Дар (Давид Яковлевич Ривкин) – последний муж Веры Федоровны – весело попыхивал трубочкой.

– Известно, – говорит, – Россия – для русских...

– Ага! – перебила Панова. – А Франция для французов, а Британия для британцев...

– Прибалтика для прибалтов! – весело утвердил Довлатов, работавший в Таллине.

– А разве не так? – коротко спросил Дар. – Хотя Британия скорее для бриттов...

– Стрижено, брито! – осерчала Панова. – Болгарам тогда будет хорошо в Болгарии, когда там будет хорошо туркам. Туркам тогда будет хорошо в Турции, когда там будет хорошо курдам. Русским тогда будет хорошо в России, когда там будет хорошо евреям.

– А евреям, – подхватил Дар, – тогда будет хорошо в Израиле, когда там будет хорошо арабам... – И помахал трубочкой, как бы кланяясь и приветствуя. – Спасибо, Вера Федоровна, я передам.

– Я тоже, – отозвался Довлатов. – Прибалтам тогда будет хорошо в Балтии, когда там будет хорошо русским.

Who knows, внушил ли эстонцам такую простую истину. А за океаном повторял часто (особенно эмигрантам): в Америке тогда будет хорошо белым, когда там будет хорошо черным... Но в Питере, в далеком году, сказал:

– Согласитесь, Вера Федоровна, все-таки во главе России должны стоять русские люди.

Повисло молчание. И провисело ровно столько, чтобы нам сообщить: Дар умер в Израиле, а Довлатов – в Америке...

Зато после паузы:

– Нипочем не соглашусь! – загремела Панова, трижды лауреат Сталинской премии, похороненная в Ленинграде по церковному обряду с отпеванием и молитвой. – Нипочем! Потому что во главе России должны стоять умные люди.

Цитата под титулом

Антисемиты и погромщики, или Кривая Пеано

– О чем спор? – спросил Николай Прохорович петушиным голосом.

– Об антисемитизме, – брякнул

Костя.

– И что же вас заинтересовало?

– Исторические корни.

– Вообще или в нашем Отечестве?

– Главным образом – в нашем.

– Гм, – задумчиво сказал Н. П. – Трудная тема. У этого дерева много корней. Проследим, например, такие... В нашем Отечестве, как вы знаете, в семнадцатом году произошла революция. Слыхали? И вот после революции, как грибы после дождя, поперли кверху евреи.

– А отчего?

– Отчего? – Н. П. воздел вертикальный палец. – Очень просто. Русская старая, потомственная интеллигенция была частично уничтожена, частично оказалась в эмиграции. Оставшиеся пришипилась, съезились, понемножку саботировали... Сам саботировал, помню. Все мне казалось, что беспорядку много. После – привык. Знаете, в беспорядке особый шарм нахожу.

– Ну а евреи? – спросил Костя.

– Погодите, всему свой черед. Если бы не беспорядок, мы, глядишь, и войну бы не выиграли. Попробуй немецкого рабочего с его заводом – куда-нибудь в Сибирь. Мороз, жилья нет, брр... Немец – культурный человек: лапки кверху и сдох. А наш рабочий, к беспорядку приученный, воспитанный на авралах да на латании дыр, копает себе земляночку, разгружает станочки, смотришь – через месяц дымит завод, продукцию выпускает. Мы, русские, как клопы. Нас вывести нельзя. А знаете, до чего могуч клоп? В покинутых зимовках на севере через десятки лет находили живых клопов. Каково? Мороз 60 градусов, жрать нечего, а живет... Кстати, с чего я начал?

– С евреев, – сказал Костя. – От еврея до клопа.

Н. П. строго покосился на него горячим глазом.

– Ну вот, я и говорю: после революции сильно стали прирастать евреи. Были у них преимущества перед нашими. При равной худородности – некая культурность. Народ способный.

– Николай Прохорыч, а разве бывают народы способные и не способные?

– К сожалению, бывают. А с евреями – статья особая. Вековые-то преследования даром не прошли, выковали и характер, и волю, и сплоченность. Любовь к детям. Любовь к родителям. Это ведь коренные черты еврейские. И мудрость. Горькая такая, спокойная, с юмором... А? С чего я начал?

– С антисемитизма.

Н. П. трубно высморкался.

– Так вот, после революции в большую силу вошли евреи. А досада, раздражение против них все время копились... Русские, в сущности, делятся только на две категории: антисемиты и погромщики.

– А кто же вы, Николай Прохорыч?

– Я? Что за вопрос? Конечно, погромщик. Антисемит – он идейный. Это человек страшный. С системой... Погромщик попроще. Он добрый, евреям зла не желает, а вот увидит: по переулку пух из перин летит – и туда. Заметьте, у каждого погромщика есть свой любимый еврей, Мойша там или Ицка, которого он, погромщик, аккурат во время погрома к себе под кровать прячет. Так что вы, Костя, рассчитывайте. В случае чего – милости просим – под кровать... Знаете кривую Пеано?

– Нет, – сказал Костя.

– Молодежь! Сливки технической интеллигенции... Слушайте! Итальянский математик Пеано построил особую кривую. Она заполняет квадрат, то есть проходит через любую точку внутри квадрата.

– Разве так может быть?

– То-то и есть, что может. Да я вам покажу, как она строится. Дайте-ка лист бумаги... Вот, извольте видеть... Рано или поздно такая кривая пройдет через любую точку.

– Вижу, – сказал Костя. – Действительно, забавная штука. Не вижу только связи с нашим разговором.

– Сейчас увидите... До революции была черта оседлости. Заметьте – черта, кривая. Обычная честная кривая. По одну сторону – можно евреям жить, по другую – нельзя. Теперь и у нас есть черта оседлости. Только это не обычная кривая, а кривая Пеано. Она проходит через каждую точку. И ни в одной точке не ясно, можно там жить или нельзя...

(И. Грекова. «Свежо преданье...»)

И. Грекова – литературный псевдоним Елены Сергеевны Вентцель. Роман «Свежо преданье...» издан через тридцать пять лет после того как написан (1962 / 1997). «Автор по национальности – русский» – сказано в предисловии.

3

Азеф, Гершензон, Розанов

Все трое в Большом словаре. Ищите, читайте, изучайте!.. А я расскажу, чего не было.

Что человек редкого хладнокровия – провокатор и биржевой маклер Евно Фишелевич Азеф не сгинул в Германии в 1918 году, а благополучно прожил еще четверть века.

Что Василий Васильевич Розанов не опочил в Сергиевом посаде, а шито-крыто перебрался в Почаевскую Лавру и там, в келье, перебыл те самые приблизительно четверть века.

Туда, в монастырь, пожаловал осенью 1942 года (или ранней весной сорок третьего) Михаил Осипович Гершензон, подтверждая с порога, что некогда с ним, действительно, приключился удар, однако же не смертельный. Сердце выдержало и повело его на прежнюю родину, в Кишинев, где он, Михаил Осипович, протянул еще чуть ли не четверть века. А вот теперь...

Розанов засмеялся, обозвал приятеля на три буквы и спрятал до лучших времен. К вечеру (есть сведения, что утром на другой день) за Гершензоном пришли. Применив свежее выражение на три буквы, Розанов, как говорится, последовал следом.

Их пригнали на станцию и поместили в ту самую теплушку, в которой, вопреки изворотливости и хладнокровию, уже находился Азеф.

Философы ссорились всю дорогу.

– Зад, – кричал Розанов, – главное! Вкус к заду – это и есть родное, мое, наше. Задом (надо бы поглубже) жив человек!

Гершензон улыбался.

«Черт возьми! – думал Азеф. – Ну почему целую жизнь должен я провести среди сумасшедших?»

Так, все вместе, они и приехали в местечко Освенцим.

È ñ ò î ð è ÷ á ñ è à ý ñ ï ð à à é à

1. Василий Васильевич Розанов (1856 – 1918) – местный классик, антисемит-юдофил.
2. Михаил Осипович Гершензон (1869 – 1924) – известный писатель и культуролог.
- 3 Почаевская Лавра – монастырь. В межвоенные годы – на территории Польши.

Рассказывают, что в Киеве, родители Михаила Афанасьевича Булгакова выписывали-покупали «Новое время». Газета правая, монархическая и... черносотенная. Последнее определение (из-за размытости) не станем употреблять.

«Кто не революционер, – говорит Ленин, – тот черносотенец». И вносить терминологическую ясность – право, не наша забота. Нас, Коганов и Каганов, Гурвичей и Гуревичей, коснулось оно (определение) непосредственно. Мы изучили эту теорию на практике.

Когда в том же Киеве при участии местного батальона ликвидировали Бабий Яр, висел-трепыхался плакат «Исполняя волю украинского народа».

Самиздатский поэт писал:

Ī ū ĭ ĭ ò è ò ĭ á : é ó ñ ò à ò á à ĭ

È ĭ ò è á è è æ à à ĭ ĭ ŷ ě ç ĭ ě á

× ò ĭ à ĭ ĭ è à ç à ò ĭ ĭ ?

В á ū ě á à ò á à ĭ

Á ò à è ĭ á à ò á ĭ ŷ ĭ à ç à ĭ ě á

Зимой 1911 года на императорской сцене, в Мариинском театре, состоялась премьера «Бориса Годунова». Поставил оперу Мейерхольд. Спектакль вышел не слишком удачный... Такого мнения держался Федор Иванович Шаляпин, который пел заглавную партию.

Режиссер вычитал, вспоминает Шаляпин, что Самозванец бежал из монастыря осенью и в корчме на литовской границе отворил (в смысле – режиссер), распахнул по сезону окошко: сентябрь... бледная зелень...

Хронология торжествует, – говорит Шаляпин, – а сцена погублена. Мусоргский написал к этой картине зимнюю музыку. Она заунывная, сосредоточенная, замкнутая – открытое окно уничтожает настроение.

Шаляпин, наверное, прав. Но рецензент «Нового времени» упрекает режиссера в другом.

Считая Мейерхольда человеком талантливым, я, однако, думаю, что ему не следовало поручать такой русской пьесы, как «Борис Годунов». Для постановки ее надо иметь русскую душу, надо инстинктом чувствовать многое и очень важное. Не говоря уже о знании русской жизни и обычаях, которое не дается изучением. Необходима русская красота в костюмах, в группах, в жестах.

На премьере, 6 января 1911 года, присутствовал император с семейством.

Публика, – сказано в «Новом времени», – потребовала народный гимн. Участвующие, во главе с солистом Его Величества Шаляпиным, стоя на коленях, исполнили «Б-же, царя храни!»

Эпизод «коленипреклонения» прогремел на всю Россию, и вряд ли кто-нибудь усомнится, что киевский студент Миша Булгаков – пылкий оперный обожатель – пропустил рецензию в «Новом времени»:

...откуда взял это господин Мейерхольд? Я думаю, господин Мейерхольд взял приставов с кнутьями из своей еврейской души, а не из Пушкина, у которого (в «Борисе Годунове») нет ни приставов, ни кнутьев... Господину Мейерхольду и той кучке инородцев, в чьих руках императорская сцена, видимо, хотелось с первой же картины подчеркнуть глубокое рабство, в котором (будто бы) пребывала древняя Русь.

Тот вопрошающий «я» – Михаил Осипович Меньшиков, нововременский публицист, расстрелянный чекистами в 1918 году. Через двадцать лет иные чекисты уничтожили Мейерхольда...

У нас, впрочем, 1911 год. И аккурат 25 февраля (разумеется, по старому стилю) в Государственной Думе выступает депутат Пуришкевич.

Современный русский театр является местом растреления, духовного босячества, источником антагонизма между сословиями, классами, обществом... На русской сцене – засилье евреев: луначарских, сологубов, белых, мейерхольдов...

Владимир Митрофанович Пуришкевич страдал, вероятно, из-за «комплекса фамилии». Приведу для ясности параллельный пример: математик Шафаревич, прозаик Пикуль...

Или питерский литературовед, крестьянский сын Борис Иванович Коплан, что без устали ударял на «о». Так будто бы и твердил, умирая в блокаду: не Каплан, дескать, а Коплан, Коплан... Ставлю здесь многоточие, потому что на восклицательный знак у несчастного Бориса Ивановича сил уже не достало...

Руководствуясь давним присловьем, что всякий жид – прирожденный русский литератор, Пуришкевич записал в евреи тогдашних «левых интеллигентов», заведомо местных – Федора Кузьмича Тетерникова (Сологуба) и Бориса Николаевича Бугаева (Андрея Белого).

С Луначарским сложнее. Истинная фамилия его – Чарнолуцкий... так что копайте сами.

Мейерхольд – полукровка. Папаша – выкрест (крещеный еврей), выходец из Германии, лютеранин. Мать – прибалтийская немка. И сына Всеволода у них не было. А был Карл.

Не будем, однако, ударяться в подробности! Какая разница, читал ли Булгаков речь Пуришкевича. Допустим, читал... Ведь доказать – ничего не докажешь! Нам важно, во-первых, что Мейерхольд на протяжении жизни неоднократно возвращался к «Борису Годунову» и, во-вторых, что по данному поводу заявляет Булгаков...

А вот что:

Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушились трапеции с голыми боярами.

Не думаю, что Булгаков, как давний почитатель «Нового времени», издевается над Мейерхольдом. Нет! Прямыми словами, не обинуясь, Михаил Афанасьевич предупреждает Всеволода Эмильевича: матушка-Русь – она толстозадая... ненароком придавит...

Так профессор Преображенский («Собачье сердце») остерегал Швондера: я коренной местный житель и худо-бедно с Шариковым управлюсь... но вам, швондерам, несдобровать!

Сомневаетесь?.. А я, что ли, не сомневаюсь?.. Но вот, пожалуйста, булгаковский текст:

Швондер и есть самый главный дурак... не понимает, что Шариков для него еще большая опасность, чем для меня. Сейчас всячески старается натравить, не соображая, что если кто-нибудь, в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, то от него, Швондера, останутся рожки да ножки.

Булгаков, который подписывался в «Гудке» невинным именем Г. П. Ухов, – он ведь и Швондера мог закодировать: ШВаль, ВОнь, ДЕРьмо – ШВОНДЕР.

Маленькая справка под занавес.

Мастер без Маргариты... Нет, просто Мастер.

Так величали Мейерхольда. По крайней мере среди актеров. Сомнительно, чтобы Булгаков не слышал. Стало быть, пренебрег. А может, и подобрел в 1939 году, когда разогнали театр, арестовали...

Меня здесь били, – писал Мастер из заключения. – Больного 66-летнего старика клали на пол, лицом вниз. Резиновым жгутом били по пяткам и по спине. Когда сидел на стуле, той же резинкой били по ногам. Боль такая, будто лили крутой кипяток. Я кричал. Меня били по лицу.

А кто бил? Следователь Иванов? Следователь Шварцман?..

5

Тирада

10 (23) мая 1907 года на заседании Думы выступил тогдашний премьер Петр Аркадьевич Столыпин. Он сказал:

Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!

По разысканиям современных историков, подлинным автором знаменитой формулы о великих потрясениях и великой России был некто Гурлянд – член совета (понынешнему, вероятно, коллегии) министерства внутренних дел...

За разгадку обратимся к Солженицыну

(«Двести лет вместе». М., 2001. Ч. 1. С. 431):

...способнее других был И.Я. Гурлянд – одинокое явление, – который под псевдонимом «Васильев» писал брошюры, и тайная экспедиция рассылала их заметным в обществе лицам.

Заглянем также в еврейскую энциклопедию, ибо Гурлянд – натурально – сын Хаима.

Сей последний – Хаим-Иона Гурлянд (1843 – 1890) – раввин и ученый. Выпустил книги: «Еврейские архивы в Санкт-Петербурге», «К истории гонений на евреев»... Сынок же, Илья Яковлевич, правовед да публицист, принял христианство и – цитирую: от либерально-ассимиляторских позиций перешел к клевете... Был директором Петербургского телеграфного агентства. Активно поддерживал и вдохновлял «истинно русских националистов». После Февральской революции эмигрировал и отошел от политической деятельности.

Можем лишь порадоваться за расторопного Илью Яковлевича, что покинул страну, не дожидаясь дальнейших событий. А то вон В.В. Шульгин, которого отдельные газеты ласково величали «умницей», – Василий Витальевич Шульгин (1878 – 1976) пережил Великий Октябрь, гражданскую войну, чужбину, Владимирскую тюрьму, дом престарелых... И с высоты чуть ли не векового опыта возглашает:

И тогда и сейчас нам нужна не великая Россия. Нам нужна Россия сильная, миролюбивая, мудрая.

6

Под завязку

Василий Шульгин

Пытка страхом

По ночам на улицах Киева наступает средневековая жизнь. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душераздирающий вопль. Это кричат жида. В темноте появляется кучка вооруженных людей, и, увидев их, огромные пятиэтажные и шестиэтажные дома начинают дрожать сверху донизу. Целые улицы, охваченные смертельным страхом, кричат нечеловеческими голосами. Это подлинный, непритворный ужас, настоящая пытка, которой подвержено все еврейское население.

Мы, русское население, прислушиваясь к ужасным воплям, думаем вот о чем: научатся ли евреи чему-нибудь в эти ужасные ночи? Поймут ли они, что значит разрушать государство, не ими основанное? Что значит, по рецепту «великого учителя», натравливать один класс против другого? Что значит – осуществить в России принцип «народоправства»?

Перед евреями – два пути. Один – покаяния. Другой – отрицания, обвинения всех, кроме себя. И от того, каким путем они пойдут, зависит их судьба.

Неужели же эта «пытка страхом» не укажет им истинного пути?

(Цитирую по: З. С. Островский. Еврейские погромы, 1918-1921. М., 1926., С. 17,18.)

Столичный беженец, ненароком застрявший на сытом юге, Илья Григорьевич Эренбург отвечал Шульгину тогда же, только в другой, либеральной газете:

Научились ли евреи чему-нибудь за эти ночи?.. Да, еще сильнее, еще мучительнее любить Россию.

(«Киевская мысль». 9/22 октября 1919 года.)

7

Взамен эпилога

Êæ è í îã ñî ñæääáí èÿ

Ó èíøääæ í ðñò îã çáí èÿ,

Í á íáðàùàò èò áí èí áí èÿ

Í á ò ðáí ñò è ñóíáò áí áí èÿ.

Так декламировал одесский мальчик (Натан Шор), который при Временном правительстве, как многие студенты и гимназисты, записался в милицию и погиб в стычке с бандитами летом семнадцатого года.

Советские авторы (Катаев, Олеша) окрасили его в красный цвет, эмигрантские (Бунин) – в белый... Сам поэт избрал для себя нейтральное имя...

Но «избрал» не совсем точно. Из-за тогдашней столичной моды (Андрей Белый, Саша Черный) цветные псевдонимы разыгрывались в Одессе по жребию, и Додиду Дзюбину достался, к примеру, Эдуард Багрицкий... А погибшему мальчику – Натану (Натику) Шору – Анатолий Фиолетов.

Специалисты раскопали, что с оглядкой на Толю Фиолетова (стихи печатались в общем сборнике) сочинил Маяковский «Хорошее отношение к лошадям». Хотя в подоснове там, конечно, – Некрасов, Достоевский...

Ëíøääü í á í ááí.

Ëíøääü ñéóæèòá-

÷áñ áñ áóí ááòá ÷òí áñ èò í èíøá?

Ááòí÷èá,

áñ í ú íáí íæèí èíøääè,

èæääé èç í áñ í í-ññ áí ó èíøääü

ЯКОБ ВАССЕРМАН

Њòàòàì Òààéã

От переводчика

Якоб Вассерман (1873-1934) – немецкий писатель, крупный реформатор немецкого романа. В России известны его романы: «История юной Ренаты Фукс» (1900, рус. пер. 1928), «Каспар Гаузер» (1908, рус. пер. 1926), «Человек с гусями» (1915, рус. пер. 1925), «Дело Маурициуса» (1928, рус. пер. 1936).

В открытом письме швейцарскому литературоведу и критику, заведовавшему отделом в газете «Нойе Цюрихер цайтунг» (февраль 1936), Томас Манн писал: «...Еще недавно в связи с биографией Вассермана, написанной Карльвейс, Вы, со свойственной вам точностью и прозорливостью, рассуждали о процессе европеизации немецкого романа. Говоря об изменении типа немецкого романиста, происшедшем благодаря таким дарованиям, как Якоб Вассерман, Вы замечали: под действием интернационального компонента еврея немецкий роман стал интернациональным. “Интернациональный” компонент еврея – это средиземноморский европейский компонент, а таковой является и немецким; без него немцы были бы не немцами, а ненужными миру лодырями...» (Перевод С. Апта)

Письмо, опубликованное в газете, послужило предлогом к лишению Т. Манна германского подданства. Написано это письмо было после смерти Вассермана. Стефан Цвейг написал о роли Вассермана в европеизации немецкого романа в 1912 году, когда талант писателя был на взлете.

Читателю будет интересно сравнить оценки Якоба Вассермана, данные Ст. Цвейгом и Т. Манном.

Њòàòàì òààéã àì àòàì à ïì óàéèéì ààì à à «Neue Rundschau» à àààñòà 1912 ãàà. Í à óàñéèì ÿçúéà í à ïì óàéèéì ààéãàñì

Город во Франконии, где родился Вассерман.

В Германии многие думают, что уже длительное время, возможно, после появления «Вертера»^[1], немецкое искусство рассказа утратило влияние на мировую литературу. То, что было создано у нас в области беллетристики на протяжении последних ста лет, безусловно предназначено лишь для национального, домашнего употребления и наш торговый баланс по эпосу и поныне ужасающе пассивен. Перелистываешь английские, французские, итальянские каталоги, стремящиеся объединить образцы искусства рассказа разных стран и с некоторым удивлением, с большой обидой не находишь среди сотни, а часто нескольких сотен книг ни одного немецкого произведения. Безусловно, это не случайность, а значит, действительно такой скрытый недостаток в немецкой литературе существует. Даже наши наиболее выдающиеся так называемые романы – «Вильгельм Мейстер» и «Зеленый Генрих»^[2] при всей их высокой значимости для каждого, кто ищет в книге психологические переживания, конечно же, нельзя считать чисто эпическими произведениями, — трагический рок, — единственным немецким романом, который смог бы стать книгой всемирной литературы, была объемная рукопись, переданная Генрихом фон Клейстом незадолго до кончины своему издателю, использовавшему ее как макулатуру. Рассказчиком в высшем смысле может быть только свободный, не занятый собой человек, человек, который подобно не имеющему конкретного образа Протею^[3], способен постоянно подавлять свое Я, сливаться с создаваемым им образом, выдавать его мнения за свои, способен в процессе творчества перестать быть сущностью — телом и душой, — сохранить лишь разум и способности видеть, слышать, говорить. Немцы же, каждое художественное произведение которых является лишь поводом приблизиться к себе самому (а не к миру), стремлением создать глубоколичное произведение (а не внешнее произведение), похоже, противятся предельному саморазрушению, не могут достичь совершенной способности к превращениям, условию обязательному для идеального рассказчика. Немецкие прозаики подобны тем актерам (часто сильно подчиненным воле режиссера), которые в создаваемых ими образах никогда себя не теряют, в их игре всегда присутствует что-то от их Я, вместо того чтобы полностью исчезнуть в творческом сновидении. Наши самые значительные романы – я уже называл «Вильгельма Мейстера» и «Зеленого Генриха» – находятся в плену своей двойственности при воспроизведении переживаний, они, если обратиться к геометрическим представлениям, никогда не являют собой полностью заключающиеся друг в друге круги мира, нет, это касательные – от личности автора к миру. У них не произведение – круг, символ безупречной замкнутости, а творец, и не художник завершает себя в произведении, а человек (который собственно, безразличен для произведения). Сочинение о личных переживаниях – не просто выдумка, и растущая замкнутость создателя в себе мстит в созданном им. И лучшие романы нашего времени, которые несравненно более настоятельно, чем все прежние, нуждаются в художественно-теоретическом обсуждении – назову лишь «Будденброки» Томаса Манна, «Путь к свободе» Артура Шницлера, «Людольфа Урслея» Рихарды Хух и «Саменцинда»

Гессе – представляют собой преобразованные личные переживания, воспоминания глаза и уха вместо свободной выдумки, и все они таят в себе опасность с первым непосредственным воспроизведением пережитого предать весь свой внутренний мир. Я очень люблю все перечисленные книги, – поэтому не буду указывать на их недостатки и попытаюсь лишь поговорить относительно несовершенства их жанра. И действительно, всемирная литература подтвердила это несовершенство – ни одно из перечисленных выше произведений не получило где-либо за границей успеха. Личностная культура, унаследованная от Гете, представляется нам роком. У каждого немца в крови метафизический инстинкт копаться в художественном произведении, он отвергает свободное изложение, непринужденный, пожалуй, игривый легкий характер выдумки (англичанин беллетристику именуется «fiction»^[4] и этим определением попадает в самую точку), что всегда особенно характерно для большого рассказчика. Поэтому совершенно закономерно, кроме Томаса Манна, безусловно подающего самые большие надежды на создание действительно немецкого романа, два писателя – Генрих Манн и Якоб Вассерман уже своими книгами показали, что освободились от немецкой традиции. Генрих Манн – благодаря романтическому происхождению^[5] и, прежде всего, из-за внутреннего неприятия всего буржуазного, явления, нынче так угрожающего немецкому искусству ожирением, Якоб Вассерман же – из-за сильно выраженной в нем расовой необычности и тяготения к чистой эпике – другого, подобного ему в Германии сейчас найти невозможно.

Я сказал, Якоб Вассерман уходит от этих традиций. Уходит, так как он еврей. Еврей не только потому, что принадлежит к определенной конфессии, а в значительно более глубоком, более живом смысле. У большинства писателей-евреев Германии еврейство уже давно перестало быть внутренним ядром их сущности, оно осталось лишь неким видом их интеллектуального зрения, характером воззрений, не несущим созидающего начала духовным механизмом и поэтому являющимся скорее препятствием, тормозом высшему творческому напряжению. Это культурное еврейство почти никогда не было и не могло быть питательной средой искусства, так как оно представляет собой слишком тонкий слой, что обуславливает то удивительное отсутствие корней, которое, правда, компенсируется возрастающими возможностями приспособляться, обусловленными ассимиляцией. Под воздействием бесчисленных превращений, преобразований, отфильтровок и смешиваний, ветхозаветное для них стало таким далеким, что подобных культурных евреев еврейскими называть уже нельзя так же, как современных итальянцев – римлянами, а греков – эллинами. Связь Вассермана со своей расой значительно сильнее, он не только «окрашен» еврейством, а почти исключительно им определяется, хотя из всех современных немецких прозаиков-евреев, он вместе с Ю.Ю. Давидом кажется самым немецким. Он происходит из того уголка во Франконии, где еврейские общины осели сотни лет назад и в длительном противостоянии местному населению благодаря своей замкнутости сохранили национальную самобытность и, тем самым, национальные творческие традиции. И вследствие таинственной полярности напряженных противоречий стихийная первобытная сила еврейского видения мира оказалась ближе к немецкой, чем к другим нациям, поскольку и евреи, и немцы стремились к общей конечной цели – к некоему морально-метафизическому одухотворению всей жизни; правда, стремились чрезвычайно разными методами, но с единым высшим мировоззрением, в какой-то степени соответствующим знаменательной близости Спинозы и Гёте в конечных точках их духовного состояния.

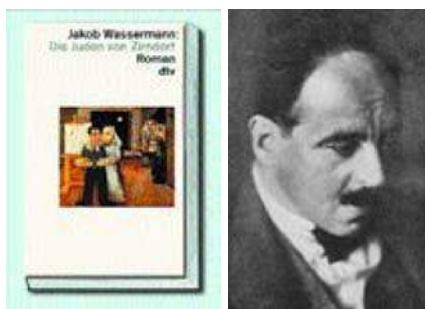
Но если у немцев эта идея единства – прирожденная и нуждается лишь во внутреннем совершенствовании и облагораживании, у еврейства она приобретена, завоевана. Мартин Бубер в своей знаменательной речи о еврействе нашел изящную формулировку этому явлению – оно заключается в постоянном дуализме, неизменно

стремящемся к единению. Эта дуальность духовной и чувственной сфер для художника при внутреннем представлении мира выражается в выборе между видением и анализом. Уже Ветхий Завет, высший образец еврейского искусства, таит в себе первичную форму этой раздвоенности – в нем и по восточному роскошные описания событий, и математически чистые формулировки идеи, скрывающей в себе склонность к духовному закону, который по бесконечным ступенькам поднимается к некоей нечувственной форме Б-га, возможно, самой значительной логической идее мира.

Вассерман, дарование которого коренится в ветхозаветном восточном еврействе, развил в себе обе эти антагонистические титанические силы – пылкую, типично восточную фантазию, предрасположенную к чувственно-таинственному, лирическому изобилию, перекрещивающуюся, однако, с надежным здравым смыслом, с аналитической интуицией; оба эти начала желают творчески проявиться, оба они резко противятся друг другу. И рост Вассермана-художника – в их примирении, в преодолении их антагонистичности возрастающей волей человека к чистому искусству. Сначала не очень-то обремененный чувством ответственности писатель давал обоим этим началам свободу творить; у него имеются книги, созданные только на основе бесцельного чувственно-таинственного начала («Александр» и удивительный пролог к «Евреям из Цирндорфа»), но есть и такие, которые представляют собой лишь дистиллят действительности («Молох» и Диалоги по теории искусства) – в их основе лежит аналитическое начало. Однако творческий рост писателя определился исключительно той могучей силой, с которой он эти независимо друг от друга работающие начала смог объединить, смог слепую силу чувственного отдать целенаправленному интеллекту, сделал возможным логическое упорядочение чувственного и таким образом сформировать в своих книгах художественное восприятие мира, равноценное врожденному стихийному – чувственному.

Ибо искусство целостного восприятия мира Вассермана – это подтверждают его истоки, его раса – не естественное, не прирожденное, как у большинства великих прозаиков, оно приобретено, завоевано. Существуют художники, которым оно изначально даровано. Такими были Лев Толстой, Готфрид Келлер, Чарлз Диккенс – все они писатели, художнический космос которых существует рядом с реальным миром, но идентичен ему благодаря некоей «заранее установленной гармонии» восприятия, причем космос художника всегда непостижимым образом остается идентичным любому мимолетному событию реального мира (это также подтверждает гениальность их представления мира). Художника, создающего лишь на основании видения, можно в известной мере уподобить дальнорукому человеку, перед глазами которого исчезает все реальное, и события как бы возникают в облачной дали, тогда как художник-аналитик, наоборот, словно близорукий, видит все реальное, но из-за отчетливого наблюдения всего близкорасположенного теряет перспективу.

У искренних, естественных, «чистых» прозаиков видение мира нормальное, их зрение воспринимает даль и близь в правильных соразмерностях, они видят все отчетливо, ясно, без искажений. Такие художники – ведь простое, несложное так необычно, встречается в жизни крайне редко, – эти чрезвычайно одаренные природой личности, их художнический мир достигает изначальной тождественности с реальностью.

Вассерман не относится к таким дарованиям. Он, как и всякий увлекающийся человек, сначала имел склонность к вымыслу, к фантазированию, утрировал, преувеличивал значимость мира чувств, причем одновременно – в этом проявляется присущая ему как еврею раздвоенность – пытался как аналитик скепсисом разрушить свой вымысел. Беспокойным было начало его творческой деятельности, развитие его таланта подобно движению вокруг некоей точки равновесия, столь необходимой эпическому художнику для творческого объединения его антагонистических друг другу способностей. Никто из молодых писателей не работал так упорно и осознанно, как Вассерман, над всеми элементами повествования, над стилем и формированием образов, и поэтому развитие его мастерства являет собой одно из прекраснейших проявлений напряжений сил художника в борьбе за внутренний порядок, в борьбе, начатой из чистого чувства чести при возросшем понимании связанных с этой борьбой трудностей. Девять десятых энергии, потраченной Вассерманом на создание художественных произведений, потрачено на отвергнутые им варианты. Его воля к чистому эпическому искусству – одно из героических стремлений таланта к своему внутреннему совершенству, воля, подобная той, которая была присуща Флоберу, демоническая борьба, которую воля человека ведет против сил природы, против судьбы.

Углубившись в книги Вассермана, можно даже по первым его работам понять, как болезненно страдал он из-за врожденной двойственности, можно почувствовать его страстное желание найти непосредственного человека. В его книгах мы увидим высший образец жизни, чистого, прямодушного человека (подобного князю Мышкину у Достоевского), просто, без комплексов думающего, не подавленного чувственностью, не угнетенного логическими построениями. Во всех образах Вассермана прослеживается эта исполненная страстного ожидания идея освобождения, противопоставления себя миру без оружия, постижение мира без какого-либо посредничества. Его «Агатон» был первым из этого ряда, потом «Добрый» с Ансельмом Вандерером, характер которого еще не определился, человек еще не приблизился к Агатону, к символу преодоления еврейской двойственности. Затем следует роман «Каспар Гаузер» с художественным образом человека абсолютно свободного от влияния всех рас и от предубеждений, а рядом женственность чистой «Ренаты» и целомудренной «Виргинии». Во всех этих книгах – ясный, прямодушный, следующий инстинктам человек – по Вассерману идеал совершенства.

И всегда возле или сзади этих образов – противопоставление, свойственный Вассерману прием – параллельными линиями даются описания отрицательных персонажей, сопровождающих положительных героев и при их взлете, и в опасностях, которые тем удастся избежать. Стефан Гудштиккер – лжец, Эрвин Рейнер – обманщик, Арридеус – софист, все характеры, которые позже покажет Вассерман в «Литераторах», люди с обманчивыми личинами, сопровождающие чистых, прямодушных, словно тени; и всегда не полностью преодоленная двойственность подкарауливает единство. Такова большая идея Вассермана, идея Непосредственности, Прямодушия, она незримо

присутствует во всех книгах писателя, подобно тому, как над всеми светлыми и мрачными картинами Библии незримо витает образ безымянного Б-га.

И для того, чтобы к этой чистоте персонажей подняться с равной им чистотой созидания, для того, чтобы объединить это земное совершенство с равным ему по совершенству искусством, писатель отдал пятнадцать лет титанических усилий. Он еще не у цели, ни разу не завершен в его книгах этот идеальный образ нового человека мира: каждый раз погибал этот образ, не заверченный искусством, не созревший для мира автора. Первый из этих образов, Агатон, у Вассермана преждевременно умер, Каспара Гаузера, юношу, автор лишил общения с женщинами, Рената извелась, предаваясь грезам, Виргиния увязла в действительности. Еще не создан идеал, еще не написана история Беатуса, сына Агатона и Ренаты, освободителя и освобожденного, история свободы от обеих рас, свободы, которой не грозят никакие опасности. Лишь над самим собой, художником, в эти годы напряженнейшей работы одержал Вассерман победу, но своей лучшей книги еще не написал.

Есть у Вассермана две книги, написанные им очень рано и теперь забытые, которые ничего не говорят о серьезных проблемах искусства, занимающих писателя в последующих его книгах. Я бы назвал эти две книги беззаботными. Они не были написаны при том болезненном осознании предельной ответственности, характерной для последующих лет, нет еще в них стремления сдержаться от желания претворить пережитое в его описание, однако по укрощенному стилю чувствуется неосознанно оказываемое сопротивление любому лиризму духа, бьющему ключом ритму экстаза. Название одной из этих книг – «Мелузина», другой – «Спишь ли ты, мама?». Обе они автобиографичны, но назвать их произведениями Якоба Вассермана нельзя.

Действительно, первая работа подлинного Вассермана – «Евреи из Цирндорфа» едва ли не самое необычное, поразительное и при всей своей запутанности гениальнейшее произведение нашей новой литературы. Это одно из тех произведений-первенцев – равно предательских для автора и несущих ему опасности, – которое пророческими руническими знаками^[6] повествует о всем последующем развитии автора, о всех ожидающих его переживаниях: подобно иным художественным работам, движется такое произведение словно лунатик по ночной тропе с невероятным трудом и, сознавая опасности пути, последуют за ним другие работы автора. Титаническая сила чувствуется в этой книге, в ощущении мира жаждущей возвращения материнской целостности, в отчаянной тоске, в страстном желании сразу же, единым порывом отважно захватить в кулак все проблемы жизни.

Я хотел бы именно тогда встретиться с Вассерманом, пылким и находящимся в замешательстве, в этот, – я бы сказал, вулканический период, когда он всю свою кровь хотел влить в одно единственное произведение, когда он задумал нечто грандиозное, освобождение себя самого в символе, уничтожение своей расы, создание нового мифа о новом Спасителе (подобно тому, что двадцать лет спустя Гергард Гауптман попытается в «Эмануэле Квинте» создать для нашего мира то, что хотел сделать для русского мира Достоевский). Едва освободившись от еврейских традиций, Вассерман бросает еврейскому миру пламенеющие мысли, вырванные им из глубин этих традиций: мессианскую идею, в которой глубоко коренится весь еврейский идеализм. Ибо этот Агатон, чистый апостол смятенного мира – подумать только! – желает дать своему лишенному Б-га народу новую веру, вновь, как однажды еврей из Измира Саббатай Цеви^[7] хотел спасти мир (так хотел освободить свою Россию Алеша Карамазов). Вассерман передал Агатону всю свою неистраченную страсть, все силы перевозбужденной расы, но художнику, в нем не достало сил, чтобы сохранить Агатону

жизнь. Агатон, которому автором предопределено было стать Христом, в «Еврейях из Цирндорфа» получился Иоанном, провозвестником, а не Спасителем. Видения, которые в историческом прологе начали в нереальности свой невероятный полет, разбились о действительность: дуализм художнического принципа – это проклятие расы – заставил Вассермана поспешно, с юношеским нетерпением завершить произведение. Остались лишь фрагменты «Евреев из Цирндорфа», не внешние, а внутренние – «Прафауст»^[8] Вассермана, хаос возможностей, в котором судьбы не движутся как звезды, подчиняясь неким законам, а носятся, словно метеоры. В то время Вассерман еще не обладал достаточным мастерством художника, только воля была у него, смелая, безбоязненная; и лишь тогда, когда спираль его развития вновь вернется к некоей высшей точке, у которой он тогда необоснованно поспешно скомкал свою работу над «Еврейями из Цирндорфа», годы работы покажут, что он как художник созрел.

Тогда он был еще слишком слаб, чтобы дать законченный образ своего идеала непосредственного, прямодушного человека, и боясь испортить, предпочел уничтожить этот образ, чтобы позже создать другой, отвечающий своему идеалу. Он позволил Агатону исчезнуть в незаконченном произведении, в своем следующем романе, в «Истории юной Ренаты Фукс», в произведении, которое среди книг Вассермана до сих пор пользуется наибольшей популярностью. Популярность эта обусловлена случайными, второстепенными причинами и, прежде всего, интеллектуальным поветрием, жгучей проблемой времени, женским вопросом. Но и в этом романе присутствует внутренний мотив – идея ясного, изначального отношения к миру. Рената Фукс, воля которой, естественно, обращается к непосредственным переживаниям, к эротике, следует чистым чувствам и ради защиты облекает свою душу в панцирь, который должен уберечь ее от всех злосчастий жизни. Сначала Рената – опять судьба художника претворяется в трагедию героев – вследствие какого-то страстного нетерпения безрассудно, слепо расточает свои лирически возбужденные силы, соблазняясь внешним, видимым, не проверяя ценность чувств этого внешнего. Подобно Агатону, дающему ей искупление, она оказалась еще одним ищущим, находящимся в процессе становления незавершенным образом, однако уже полным понимания никчемности искусственной культуры слова, которую в романе символизирует Гудштиkker, поверхностный поэт, литератор, представляющий собой опасность лишь для отраженной, а не действительной, живой жизни. Роман, правда, еще с недостаточной силой, вторгается в действительность. Повышенная оценка женщины, основанная, пожалуй, на мгновенном переживании, имеет здесь, как и у многих художников, по моральным соображениям, сентиментальную окраску, призрачный порыв постоянно подавляется наступательным вмешательством действительности.

Чем ближе Вассерман в этих первых книгах к изображению непосредственного человека, тем отчетливее проявляется недостаточность его художнического мастерства (такое заключение можно дать по его последующим романам). Здесь, в этом произведении образы выбрасываются на сцену, как из распахнутых дверей действительности, еще «тепленькие», вторгаются в сюжет и исчезают, мешая движению быстро вращающегося маховика действий, заслоняют собой внутренний свет. И здесь чье-то нетерпение смещает акцент действия; так же, как в «Еврейях из Цирндорфа», поспешно построенная, утяжеленная множеством деталей искусственная конструкция романа начинает в последних главах романа трещать и внезапно разваливается. Сверкающая огненными красками, но внутренне холодная фантазмагория – единение в смерти Агатона и Ренаты – сжигает кропотливо собранный материал драгоценных наблюдений.

Вероятно, сбитый с толку успехом книги о Ренате Вассерман захотел углубиться в действительность и решил в следующей книге, в романе «Молох», бросить

свои юношеские силы на решение тяжелой художественной задачи, на освещение злободневной темы. В это время в Австрии одна еврейская семья вела процесс против преступника, насильственно крестившего ее ребенка. Процесс этот вызвал чрезвычайно сильное волнение в стране. Вассерман задумал написать роман времени, такой вид произведения, искусства, для создания которого требуется не только талант рассказчика, но и полная уверенность в истинности фактов, на которых строится роман, незаурядная художественная уравновешенность и, прежде всего, абсолютная беспристрастность (ибо роман времени, созданный пристрастным автором, становится памфлетом). Всем этим требованиям талант Вассермана, которому была присуща двойственность, в полной мере тогда не удовлетворял, поэтому «Молох» – самый неудачный его роман, возможно, единственный промах при выборе темы (вообще-то инстинкт всегда подсказывал ему счастливую тему). И в этой книге присутствует мысль о непосредственном, чистом человеке, мысль, которая, как мне кажется, является лейтмотивом юности автора. Чувствуется, Вассерман сам понимает, что разработку этой темы ему не осилить, он постоянно «обкатывает» ее, обглаживает со всех сторон, словно собака большую кость, которую не в состоянии ухватить и сгрызть. Он играет со своей большой идеей, нетерпеливо хватается ее, а она каждый раз ускользает от него, он же не оставляет ее в покое и с благородной целеустремленностью большого художника продолжает бороться с ней, словно с ангелом, до тех пор пока тот его не благословит^[9]. Здесь в романе «Молох» эта освобожденная идея впервые оборачивается трагической стороной, она не показывает, как человек через дикий хаос жизни пробивается к внутренней убедительной ясности, а наоборот, мы видим омрачение, потускнение идеала, гибель чистоты в трясине страстей. Уже в «Истории юной Ренаты Фукс» Ансельм Вандерер, спорный герой, показан автором как-то неопределенно, то творческой личностью, то просто фигляр, то близким к Агатону, то – к Гудштиккеру. В этой же книге наличествует освобождение от иллюзий, разочарование в идее внутреннего совершенства действительности – вероятно, это связано с подавленным состоянием, с депрессией художника. «Молох» отражает внутренний кризис Вассермана, это подтвердит его последующий творческий подъем. Собственно, этими тремя книгами писатель вынес себе приговор – я имею в виду инсказательно, – осудил себя за то, что опрометчиво определил преждевременную смерть своим образам, которых сначала думал довести до полного совершенства. Все они, Рената, Агатон и герой «Молоха», еще недостаточно непосредственны, еще не вполне творческие личности, не полностью освободились от всей грязи расы, от связи с ней, все они несут в себе тяжелую, черную кровь еврея-мечтателя. Они еще борются с жизнью, вместо того чтобы, повзрослевшим, играть ею. Уничтожив эти образы, Вассерман уничтожает в себе великую волю, владеть которой – он чувствует это, – пока еще у него нет достаточных сил. Он знает, что не должен безрассудно тратить себя в этих хрупких образах, что ему следует беречь себя, чтобы идти к решению последней задачи, которая (может быть однажды, с годами) объединит все эти ранние попытки: историю Беатуса, Счастливица, сына Агатона и Ренаты, миф о рождении ребенка двух рас, о ребенке, зачатом в объятиях Жизни и Смерти, Надежды и Разочарования, и тем самым будет достигнута его, художника, высшая цель, достижение которой будет по силам поднимавшемуся до совершенства мастерству.

Первый достойный восхищения героический штурм реальности этими тремя книгами не удался. Живая жизнь слишком своевольна, чтобы со страстью отдаться в горячую минуту, она требует от художника безусловной верности и терпения. Такое упорядочивающее распределение творческих сил свойственно лишь художнику зрелого возраста.

У Вассермана – пауза для самосознания, она по времени совпадает с измерениями его внешней жизни, с женитьбой и переездом в Вену. Здесь горячий, легко

возбуждаемый человек вступает в кружок литераторов, которые, испытывая чувство суровой личной ответственности за создаваемое ими, постоянно внутренне согласовывали свои силы с поставленными перед собой творческими задачами. И Вассерман учится у них. Следуя этому принципу, сдерживая, жестко ограничивая себя, он созревает как художник. Его воля более уже не слуга двух господ, фантазии и анализа, теперь она объединяет оба эти начала и вдохновляет его при создании произведения в едином порыве к искусству – к искусству письма, повествования, разработки образов, к осознанному творчеству.

Необузданный, анархичный Вассерман начинает понимать, что гениальность – это терпение также. Флобер станет его учителем, великие швейцарцы Келлер, Конрад Готфрид Мейер возьмутся за его воспитание. И терпение, напряженная работа медленно заполняют расщелину между двумя врожденными формами его таланта, между фантазией, видением и анализом, логикой, они уже не ведут себя как противники, беспокойно врываясь вперед то в одном, то в другом фрагменте повествования; нет, теперь они, послушные воле художника, помогают друг другу и до сих пор могучее начало видения, фантазии теряет свою пьянящую юношескую силу, логика же художника с каждым днем приобретает все больший опыт.

Покой, внутреннюю уравновешенность испытывает Вассерман, и можно убедительно показать, что это отражается и в его стиле также. Но он сохранил обе особенности своего таланта – чувственность и интеллектуальность, красочно-смутное, лирическое бурление, сверкающие каскады переплетающихся фраз и, с другой стороны, кристаллизацию, склонность к эпиграмической лаконичности – и то, и другое характерно для стиля нынешнего Вассермана, но, однако, – в удивительной уравновешенности. Он освободился от орнаментовки, перешел от избыточности к необходимому и его эпическую дикцию можно теперь сравнить с ритмом волн спокойного моря, который ведет свое повествование с легким, приятным, едва ощутимым, звучащим в унисон баюканьем. Его стиль не назовешь искрящимся, он темного металлического цвета, в нем нет блестящего украшения слов, это шлифованная сталь, упругая и эластичная, не разбрасывающая искры, не брызжащая огнем, а закаленная в огне. Автор жертвует мелодией ради ритма, соблазнительным порывом – ради постоянного упорства, напоминающего равномерный, твердый шаг тренированных альпинистов, стремящихся взобраться на вершину горы и знающих, что прыжки и поспешность быстро лишат их силы. Но его стиль не сух, в темном металле стиля сияет внутренний свет, придающий некоторым стихотворениям Вассермана удивительную орфическую гармоничность^[10]. И он – немец в самом высоком смысле, немец по воспитанию, музыкален – по Баху, литературен – по Клейсту.

Три следующие книги, написанные Якобом Вассерманом, – «Александр в Вавилоне», «Сестры», и «Каспар Гаузер» – с технической точки зрения это безупречные произведения, в них чувствуется возросшее чувство сдержанности. Лишь поняв трудности, связанные с особенностью своего таланта, – с его двойственностью, – которые возникали при создании романа на материале современности, Вассерман вновь вернулся к исторической тематике (или, чтобы попытаться сказать на его языке, он решил создать миф не на основе оптических реалий, а разрабатывая предания).

Исторический материал – нечто удивительное среднее между вымышленным и увиденным, потому что, хотя он и является реальностью, однако реальностью многозначной, своей для каждого индивидуума и, следовательно, неконтролируемой. Чтобы этой реальности стать зримой, чтобы проявиться, художник прежде чем воссоздать ее, должен ее увидеть. И здесь как раз счастливейшим образом в полной мере используется двойственность таланта Вассермана: его зрелый интеллект с помощью натренированного чувства стиля обнаруживает в путанице сохранившихся хроник искры

жизни, присущая же ему фантазия раздувает эти искры в пламя. Теперь Вассерман знает, как опасно слишком опрометчиво желать целого, и поэтому разделяет силы.

В книге «Александр», в этой оргии, как бы созданной отравленным гашишем разумом, он дает полную свободу дикой, утопающей в красках восточной фантазии. Во всей немецкой литературе нет, вероятно, книги, несущей столько опьянения, такого хмеля красок, нет книги так глубоко внутренне связанной с современными писателем художниками, которые своими яркими, кричащими красками вызывали едва ли не чувственное наслаждение. Нигде Восток не был описан с таким восторгом, как в этой книге, писалась она, вероятно, на основе полной тайн, исполненной тоски, ретроспективной памяти крови. Лишь секунду всемирной истории воспроизводит автор в романе. И в этой секунде через судьбу одного единственного человека показана грандиозность распада величайшей в истории человечества империи, самоуничтожение страсти – катаклизм, являющийся, вероятно, откликом на переживания автора, связанные с преодоленными им опасностями. Ибо артистическое чувство ответственности развилось в нем столь сильно, что искусство стало для него проблемой жизни, ему, в понимании Флобера, вся бесконечная жизнь представляется уже не самоцелью, а материей, которая претворяется в искусство.

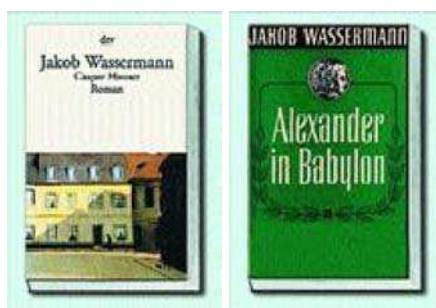
Необыкновенная плодотворность такого осмысления жизни становится очевидной по следующим работам писателя. Не освобождать, как раньше, свой народ или женщин хочет Вассерман, а освободить самого себя, стать совершенно свободным художником. Он вытесняет себя из своих художественных произведений, что делает их законченными, совершенными, хотя кому-то такие произведения и не очень нравятся. Все более превращается он в анонима, в Б-га-созидателя, хотя и дает произведению себя чувствовать, однако никогда в нем не появляется. Все чаще одергивает он свой талант. В трех новеллах книги «Сестры» он с мастерством психолога описывает сложнейшие душевные переживания своих персонажей и угадывается – впервые в его книгах – ясный план, упорядочивающая, направляющая, взвешивающая рука, а не одни только пылкие чувства. Там, где раньше были бурные, таинственные разряды, движущая сила которых несла сюжет по широким песчаным просторам, теперь работает разумно действующая энергия.

Если прежде для новелл характерно было нечто флюктуирующее, какое-то красочное скольжение облаков или снов, то теперь их художественно построенные структуры послушны не только красоте, но и законам силы тяготения, они устойчивы. Особенно заметно это в детективной новелле, в которой случайное подозрение ведет к гибели многих судеб. В этой новелле поражает мастерство литературной полифонии. В новелле, словно в шахматной игре, ход следует за ходом и, казалось бы, такая верная, надежная жизнь очутилась в сетях рока, все происходит с неизбежностью стихийного, также связанного с целью, внутренне присущей судьбе. И здесь, в этих новеллах, писатель

преодолел увлечение орнаментовкой, случайное, элементы украшений заменил упругими, крепкими связками, принудил стиль и материал соответствовать друг другу.

И в этих попытках описать судьбы в час их зрелости художнику достало мужества попытаться воссоздать образ человека с самого начала его развития, решить нерешаемую задачу – потому что органический процесс духовной кристаллизации подобен алхимии искусства.

Я имею в виду роман «Каспар Гаузер»^[11] – но здесь рассматривать его буду лишь в связи с более ранними произведениями писателя. В этой книге Вассерман опять вернулся к своему прежнему идеалу – к непосредственному, прямодушному человеку, но при этом избежал опасности личного тем, что представил этого необыкновенного человека не как тип, а как нечто единичное, неповторимое. Он держал своего героя в стороне от действительности, даже от всего, имеющего отношение к людям, тем самым более сильно связав его с первобытными силами земли, наделил его пророческим даром предчувствовать грозу и другие явления природы, даже свою смерть, дал ему мистическую способность по разговору подслушивать сердце.

Однако одновременно, по Вассерману, в переживаниях Каспара все духовное восприятие мира сужено, а патетическая история безымянного найденыша, трагедией которого было отсутствие детства, сконденсирована в рассказ о детстве, об осознании смутных воспоминаний, связанных с развитием души.

По существу, это книга о таинственном моменте открытия человеком его «Я», противостоящего бесконечно многозначному «Ты» мира, который нам всем грезится, и вновь становится реальностью лишь в художнике (который в иные секунды словно впервые стоит перед космосом). И одновременно этот роман – история чистого человека, не сконструированного на основе совершенно неизвестных понятий, действительно абсолютно непосредственного, который просто и с интуитивной ясностью стоит перед восприятием вещей и поэтому необъясним, как некий символ лишь самим собой определяемого понятия безымянного, безродного человека в потоке различных представлений о нем, давно ускользнувших от нас. И смерть Каспара не подобна уходу из жизни всех прежних героев Вассермана, его смерть не только приговор, отменяющий его жизнеспособность, это рок, судьба – Каспар Гаузер задуман не для жизни, а всего лишь как секунда, секунда юноши – его тело, его жизнь всего лишь окаменевшая промежуточная форма ускользнувшего понятия.

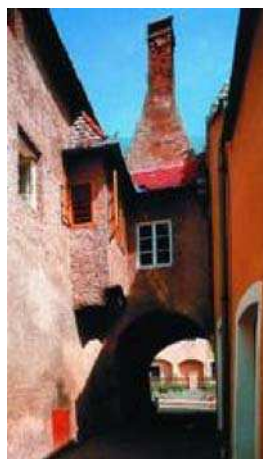
И это произведение – по моим представлениям совершеннейшее из всего написанного Вассерманом – неправильно понимается, если оценивается только как повествование, как история одного человека. Это – символ нашего собственного мистического открытия мира, концентрация нашего обширного детского опыта в нечто целое, в одно единственное переживание, более смелая попытка исследования мгновения пробуждения сознания из тьмы, чем то, что писатель пытался нам до сих пор передать

пламенем поэтического вымысла. И в самом формировании произведения чувствуется неповторимость, монументальность, воля поднять этот колеблющийся в легенде образ на уровень Длительного, Неопровержимого. Глубокая вера Вассермана в созданный им образ побеждает автора: впервые, думаю, писатель любит в своем произведении созданного им человека и, тем самым, впервые подтверждает себя как творческий художник, который до сих пор разрушал все свои образы, не завершив их формирование, не признавая тем самым их соответствие его внутреннему идеалу.

После этих трех книг, ожививших прошлое, Вассерман попытался с созревшими силами вновь вернуться к современной тематике, овладеть ею в своем романе «Маски Эрвина Рейнера», вызвавшем широкую дискуссию и множество враждебных откликов. Создавая героя, писателя Рейнера, Вассерман использовал в качестве прототипов нескольких членов литературного кружка «Литература», придав образу Рейнера едва ли не все черты творчески бездарной личности – обманщика, лгуна, человека, играющего с жизнью, вместо того чтобы жить, оговаривающего жизнь, вместо того чтобы понять ее, предпочитающего чем-то владеть и всегда лишь имеющего отраженный блеск, ничего не стоящее отражение.

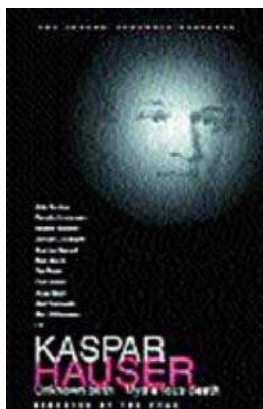
И в противоположность этому образу, в некоей таинственной враждебности – прием, который Вассерман часто использует и который кажется ему не менее важным, чем противостояние друг другу поколений – автором дан простой человек, творческая личность (здесь впервые – в образе женщины), противоположность человеку никчемному. Виргиния^[12] – имена собственные у Вассермана часто «говорящие», символические – цельная натура, она не только физиологически девственна, но и духовно чиста, свободна от всевозможных влияний и своим простодушием, своей бесхитростью способна сильнее, чем обаятельностью, противостоять всем ухищрениям ловкого оболъстителя. И впервые в произведении Вассермана чистая сила непосредственного человека борется против видимости – против человека, не имеющего за своей маской души, являет собой символ – если угодно, – художнического чувства собственного достоинства, надежного мировоззрения художника. Он сам себя утверждает как творящая и поэтому победоносная личность.

В первых книгах Вассермана Агатон и Ансельм были смущены Гудштиккером, здесь же Рейнер – лишь одна из разновидностей людей типа Гудштиккера – сокрушен, разбит под напором непреодолимой силы цельного, внутренне чистого человека. Виргиния проявляет инициативу, добиваясь того, к чему Рената лишь стремилась, – целомудрия чувств, правдивости души, не управляемой более чувствами, состояния, когда женщина не позволяет взять себя, а лишь дарит себя и поэтому совершенно свободна – а все это уже очень близко предельному идеалу Вассермана, идеалу понятия непосредственности. Было бы соблазнительно показать, насколько сильно этот первый реалистический роман Вассермана превосходит его предыдущие произведения, как ограничение проблемы судьбой одного человека без патетических попыток Ренаты проявлять свою актуальную значительность потребовало своей внутренней архитектоники произведения, точного действия, за которым как бы случайно постоянно чувствуются протекающие события.

Вассерман учился систематичнее, чем любой другой, в своем арсенале эпического искусства он испытал все виды оружия, теоретически изучил секреты их действия – его исследования «История повествования», другие теоретические работы говорят о том, куда он направил часть своих творческих усилий. Для стимулирования интереса читателя он, не колеблясь, использует в своих произведениях самые различные, даже обычно пренебрегаемые элементы, художественно облагораживая их, подчас облачает он эпический материал в мелодраматические одежды и смело перенимает то, что неумелые руки его товарищей по цеху уже успели испортить.

Не следует забывать, что «Кларисса Мирабель», мастерски написанная им новелла, новелла-шедевр, своим источником имеет презренный «Питаваль»^[13], что Каспар Гаузер был любимым персонажем многих бульварных романов, что история Эдвина Рейнера по существу является историей, популярной во всех литературах мира – это сюжет о Дон-Жуане. Однако Вассерман осознанно принял эти едва ли не народные элементы, чувствуя, что слишком снобистское презрение ко всему увлекательному, этому исходному элементу любого повествования, суровое исключение из немецкого романа всего своеобразного и необычного, поразило его странным малокровием, и вот немецкая литература больна им уже сотню лет.

Вассерман понял, что хотя психология и должна присутствовать в произведении невидимой движущей силой, но никогда ей не следует быть событийным сюжетом и что экономность в изложении столь же необходима, как и многообразие происходящего в произведении. Этим он решительно уходит от немецкой традиции романа, хотя и пишет более по-немецки, чем, пожалуй, все современные нам прозаики. Сейчас воля писателя выводит его из немецкой литературы в литературу всемирную.

До какой виртуозности выросли технические возможности Вассермана на основе накопленного им опыта и испытанных им неудач, свидетельствует его последняя книга – «Золотое зеркало», произведение по своей структуре новаторское. Это сборник рассказов в некоем литературном обрамлении, но обрамление это в заключение начинает самостоятельную жизнь. Красочно вливается оно в события рассказом о рассказе, упорядочивая, подсвечивая его. Книга эта похожа на мозаику, и все же она более чем мозаика, так как каждый из этих блистательных фрагментов эпоса характеризует своего рассказчика, который оказывается здесь между новеллой и автором, так что характеристика новеллы становится более полной, чем ее мог бы дать только текст. Это чрезвычайно сложный и высококвалифицированный художественский прием. В книгу включены очень небольшие анекдоты – «зародышевые клетки эпика», как очень удачно недавно назвал их критик Баб, – и наряду с ними объемные, отвечающие самому утонченному вкусу новеллы, как например, «Аврора» или «Чума в Винчгау»; все новеллы связаны друг с другом, образуя собой как бы шестереночный механизм часов, в котором маленькие колесики понуждают двигаться большие, серебряные штырьки обеспечивают равновесие, другие элементы механизма подгоняют или замедляют ход, а весь механизм поддерживает в постоянной соразмерности нужный рассказчику ритм. Впервые Вассерман как рассказчик имеет совершенно спокойное дыхание ритмично шагающего человека, впервые ему удалось полностью выключить себя из произведения, сохранить анонимность, остаться вне произведения. Историческое и реальное здесь помирились и, что особенно важно, обе его склонности – к логике и элементам пылкого фантазирования – также.

Произведения Вассермана характеризуются сейчас возрастающим покоем и уверенностью автора в себе. Он не погружается более с великолепным неистовством своей писательской молодости с головой в свои произведения, теперь он укрощает это неистовство. Если раньше травимый миром, он бежал в дебри искусства, спасаясь от насилия жизни, то теперь он уже сам стал охотником, искусство – его оружием, а жизнь – его дичью и, вскоре, добычей. Наконец творчество становится для него не борьбой, а игрой. Неприятно-судорожное, вулканическое, мучительное и, с художественной точки зрения, хаотическое – характерное для молодого писателя – все, что у многих отбивало охоту от чтения его книг, постепенно, словно дым, покидает его произведения, они становятся просветленными, прозрачными и, вместо того, чтобы бесполезно разряжаться в молниях, они теперь гармонически собираются в источник света. Темнота и обременяющая смутность медленно поднимаются и уходят от книг Вассермана, конвульсии юности превращаются в устойчивую силу зрелого человека. И очень может

быть, что вскоре на его книгах будет покоиться то золотое свечение ясности, которое часто играет на поверхности успокоившегося после сильного шторма моря.

Ī ōōōōōōōō, ī āāāāā ā ē ī ðēī ā:āī ēŷ

Ēūāā Ī ēðēī ūāā

[1] «Вертер» – «Страдания молодого Вертера», роман в письмах. Написан Гёте в 1774 году.

[2] «Вильгельм Мейстер» – многотомный роман Гёте, который он писал более 30 лет. «Зеленый Генрих» – роман Келлера был издан в 1854-1855 годах.

[3] Протей – персонаж греческой легенды, морской герой, прорицатель. Обладал даром менять свой облик.

[4] fiction (англ.) – слово это имеет два значения: 1) вымысел, выдумка, фикция; 2) беллетристика, художественное произведение.

[5] ...Благодаря романтическому происхождению... – Дед Г. Манна со стороны матери – Брунс – немец, бабушка – урожденная де Сильва, бразильянка.

[6] Рунические знаки – от германского «тайна». Древнейшие германские письмена. Рунические знаки вырезали на дереве, выбивали на металле, высекали на камне. Старший (древнейший) рунический алфавит относится к I-III векам нашей эры; постепенно, начиная с IX века, он заменяется младшим руническим алфавитом.

[7] Саббатай Цеви – Цви, Саббатай (Шабтай) (1626-1676) – еврей из Смирны (Измир). В 1648 году провозгласил себя Мессией, имел много последователей. В 1666 году принял ислам. Часть его последователей также перешла в ислам, считая себя подлинными носителями иудаизма.

[8] «Прафауст» – так называется первая (рукописная) редакция «Фауста» Гёте (1773-1775). Работу над «Фаустом» Гёте завершил в 1831 году.

[9] ... продолжающегося бороться с ангелом до тех пор, пока тот его не благословит. – Автор имеет в виду борьбу Яакова с ангелом (Брейшис. 32; 24-29).

[10] ... орфическую гармоничность. – Орфей – персонаж древнегреческой мифологии, своими песнями укрощал диких зверей, приводил в движение деревья и скалы.

[11] Каспар Хаузер – историческая личность. Загадочный подкидыш родился вероятно в 1812 году, умер в 1833 году. Появился в Нюрнберге в 1828 году. Сначала в разговоре с людьми не мог связать нескольких слов. Получил какое-то образование. Смерть от колотой раны (убийца не был найден) и другие обстоятельства его биографии дали многим писателям и поэтам повод к обширным мифологическим построениям.

[12] Виргиния – девственница (лат.).

[13] «Питаваль» – Питаваль, Франсуа де (1673-1743) – французский адвокат по уголовным делам, автор книги «Знаменитые и интересные процессы». Фамилия его стала нарицательной для подобной литературы.

ИСЧЕЗАНИЕ

Аїао Уїї аеї

Меня спрашивают: «Откуда вы про каждых знаете?»

Трудно сказать.

А вообще-то был мальчик с котенками под рубашкой, и если заглянуть ему за ворот, те в красноватом, пронцающем ковбоечную ткань сиянии ходили вокруг мальчишечьего торса, словно маленькие троллейбусы, затеивая детскую возню и небольно цапаясь коготками. Мальчик всюду гулял, всюду глядел. Новенькие его мозги запоминали кучу всякой чепухи. Новенькие нервы не давали сердцу до времени стесниться ото всего, что попадалось на глаза.

Вокруг ведь кто плакал, кто нет, а кто просто жил как живется.

Жизнь была непритязательна и общеиспользуема. Ели. Пили. Спали. Ссорились. Мирились. Уезжали «в город». Приезжали с работы. При таком бессобытийном житье даже положенные человеку неурядицы не могли не потрясать благодушную простоту характеров, ощущений и умозрений.

Старый человек был огромен, раж, держал в послушании семью, но имел недостаток – был заикой.

Осложняющим жизнь свой изьян он не полагал, ибо управлял жизнью и семьей почти молча, и уж во всяком случае дефекта этого не стеснялся, потому что жил бы абсолютно так же и с не прыгающей, плавной, как у остальных, речью.

Семья была большая. Жена. Шестеро сыновей. Оська, Володька, Яшка, Аркашка, Муся, Нюська. Одна дочь. Обратим внимание на имена старших – Муся и Нюська, хотя дочь почему-то звали Даней. Тут потребуется пояснение.

Это не смыкался с местным приبلудный и взбалмошный язык, которому звучать оставалось всего ничего. С перепутанными именами все и было в пропавшем теперь прекрасном, как выяснилось, этом языке, которым названные персонажи, а также их соседи, в то время пока еще пользовались.

Лучшего сына убили на войне. У среднего был туберкулез. Один – рос незатейливым и прямодушным. Один – нормально приспособленным к жизни, то есть был достаточно сообразительным, чтобы его не дурачили заурядные жулики. Он картавил. Двое уже были женаты, и, как жили там, где после женитьбы оказались прописаны, нам неизвестно. Дочка – как дочка. Миловидная, временами слезливая, смуглолица. Словом, девушка она и есть девушка. Иначе говоря, даже в первой своей молодости – женщина.

Занимала их семья в громадном деревянном доме жилье в две комнаты с четырьмя чуланами, однако кровати в чуланах помещались нецеликом. Входило только полраскладушки. Голова или ноги оказывались в комнате.

Жена управлялась, все успевая.

Молчаливый старик к жизни относился без надрыва. Ел просто. Иногда пил водку, но мало. Дети, как и отец, были непривередливые и работающие. Когда вырастали, шли учиться ремеслу. Старик, не признавая институтов, давал детям просто специальность. Они становились токарями, часовых дел мастерами, механиками.

Один поступил в пищевой техникум. Выучится – будет техником.

Зарабатывая на всех, старик зарабатывал еще неизвестно на что. Деньги эти он где-то сохранял, а где – знала только жена. Соседи, которых в остальном доме было не счесть, предполагали, что денег у него собралось много.

Возможно, так и было. А возможно – нет.

Во всяком случае, он не был ни скупцом, ни скопидомом. Просто, расходуя сколько надо, лишки откладывал. Что-то же надо было с ними поделаться.

Пища их была традиционна. Привычка к ней сохранилась со времен, когда старик и его жена выросли в родимых местах, где традиции (в еде тоже) пока что не менялись.

Вот как они ели.

Семья садилась за стол, отец по старой привычке благословлял хлеб, а когда бывало вино, бормотал молитву (не будь заикой, он бы произнес ее ясным голосом). Сыновья в благодарении участия не принимали, разве что вставляли где надо «аминь». Иногда, правда, подавали голос где не надо.

Что ж! Время сдвинулось, а он переупрямить его не рвался. Все, что мог сделать из детей, делал. На что мог – наставлял. Чего не мог – не делал.

Не мог, будучи ужасным заикой, учить. Сообщил старшим про десять заповедей – не воруй, не убивай, не прелюбодействуй... – и вроде бы всё. Младшие росли уже по понятиям неполной средней школы.

Война лишила их с женой замечательного сына. Мальчик был поразительных способностей. Они это знали, но горевали в границах тихого горя – детей все-таки оставалось много, а день и так бывал загроможден событиями жизни.

В летние вечера сыновья уходили гулять, играть позади нефтеэкспортного барака в волейбол, или сражаться в городки (это происходило посреди улицы), или смотреть кино – в парк, или туда же на танцы. Других развлечений по вечерам тогда не имелось, хотя разные дневные забавы существовали: пристенок, расшибалка, штандр, пряталки, лапта, ножики. Кроме того, улица практиковала жошку, чижику и круговой волейбол (отбивание друг дружке мяча по кругу: кто несуразно отобьет – вылетает).

А вот загадочная игра «в попа-гонялу» вывелась. Старшие братья ее еще застали, название еще околичивалось в языке, но постепенно и незаметно забава эта себя изжила и прекратилась навсегда, что неудивительно, потому что вокруг все только и делало, что навсегда прекращалось.

Еще недавно, еще каких-то лет двадцать – двадцать пять назад улица жила по правилам огромной лопуховой империи, и вот, пожалуйста, всякий день из нажитых способов жизни что-то исчезало.

Сперва, конечно, случились изменения невероятные. Это когда на окраинную московскую улочку нахлынули множества пришельцев, неведомых по культуре, богопочитанию и укладу. А потом все пошло-поехало вообще. Причем для всех – и местных, и пришлых.

Теперь же случались события помельче: то граммофонная пластинка с куплетами «поручик хочет, мадам хохочет» непоправимо треснет; то окончательно скособочатся туфли на французском каблуке; то переполнится, наконец, выгребная яма, казалось бы, на века вырытая еще до русско-японской войны и уж точно до мазурских поражений обреченного в скором будущем двуглавого и двоедушного отечества.

Правда, как нами будет где-то сказано, никто пока на описываемых улицах не умирал, потому что коренные поселенцы не подошли к нужному для этого возрасту, а новые вообще сорвались со своих мест молодыми. Поэтому... А впрочем, безо всяких «поэтому» сейчас сами увидим, как все будет.

И вот еще что. Весьма символичной и многозначительной оказалась незатейливая игра в чижика. Это когда заостренный по концам вершковый обрезок круглой палки, положенный на кон – нарисованный ножиком или щепкой на земле четырехугольник, – ударялся ребром биты по кончику, вертясь подлетал, и отшибался плоской стороной той же биты как можно дальше, и улетал черт-те куда, а водящий убежал за ним, отыскивал в траве и пытался вкинуть обратно в квадрат. Иначе говоря, вернуться домой. Увы, игрок на кону снова отшибал куда-нибудь готового угодить в прямоугольник чижа, то есть норовил вышибить водящего подальше из родимой (квадратной, домашней, огородной, задворочной) округи.

Вот с этого-то четверугольника, по моему убеждению, и начинало новое тогдашнее поколение свои житейские кочевья. Штандр же, в который охотней играли девочки, хотя и отъединял на время разбегавшихся игравших, однако потом снова возвращал всех в место подкидывания мячика нашей жизни. То есть, кто разбегались, сбегались опять.

А еще девочки, которым определено предназначением крутиться в будущем при детях и кухне, любили прыгалки. Прыгалка крутится, а ты, девочка, успевай в ней умело находиться – не запутывайся ногами.

В будущем, между прочим, по мере преображения женской жизни, замелькают навстречу одна другой уже две веревки. Но это произойдет много позже. А вот нынешние бельевые резинки, которые натягивают бедрами две туповато неподвижные девочки, между тем как остальные перепрыгивают резинки или на двух ногах, или на одной, причем с поворотом и меняя ноги, покамест выросшие груди не помешают подпрыгиванию, это уже декаданс, это уже не надо крутиться, это уже только умей прыгать. То есть совершенно воробьиная судьба.

Вот дочка и уходила крутить с подругами одиночные тогдашние веревки, пока не приступала крутить с каким-нибудь парнем, а старик по вечерам выходил и садился у забора на раскладываемую стульчиком трость, которая, как ни странно, держала всю его громаду. Соседи вечерней порой посиживали тоже, но по скамейкам, по завалинкам, по

крылечкам (а некоторые за незаконную мануфактуру – по тюрьмам) и переживали хорошую летнюю погоду.

Так бывало после ужина. А по ночам все, конечно, спали. Сыновья до поздноты, чтоб не будить домашних (отцу это не нравилось), не загуливались, а если и приходили кто когда, то теплой летней ночью шли спать или в сарай, или укладывались во дворе на известных уже раскладушках, а поскольку во дворе не было ни куста, ни дерева, получалось все, как на улице.

Их дом был до отказа заселенный. Ни дерева, ни огородов во дворе не имелось. Отчасти из-за множества жильцов, каменно утопавших возможную под огород землю, отчасти потому, что такая заселенность влекла за собой разные неизбежные перемещения. Во дворе всегда толкся народ, поскольку по разным поводам туда заходили прочие уличные жители. Во всяком случае мальчик с котенками бывал там часто.

Итак, дом – прежняя фасонистая дача – был большой, в два прихотливых этажа, причем на макушке его, образуя третью жилую верхотуру, имелась квартирнка, где проживала семья простого человека Кумачева с двумя дочками: одной маленькой, а другой уже девочкой. Обе здорово крутились на турнике, и линялые их трусы при этом оттопыривались где надо.

Остальной проживавший на улице народ к нашему рассказу отношения не имеет, так что привлекать его к повествованию мы станем выборочно, хотя, если просто всех перечислить, получилось бы увлекательное и удивительное описание. Поэтому про одного все-таки расскажем. Про Хиню. О нем уже в свое время было сообщено многое, но не самое все-таки главное.

Кстати, мимо его крылечка только что пролетел удачно вдаренный чиж, за которым вереща устремились на бреющем повороте стремительные стрижи.

Дело в том, что Хиня в описываемое время, к всеобщему недоумению, заделался кладбищенским молельщиком, для чего уезжал попрошайничать на какое-то невероятно далекое кладбище, где никто из наших пока не был погребен, но будут похоронены все, кто в будущем безвозвратно не разъедутся, чтобы упокоиться на других вековых полях скорби.

Своего нищевродства Хиня, конечно, стеснялся и то, что навещать близких покойников на недосыгаемое это кладбище никто пока не ездил, ему было, конечно, на руку.

Повадился же он читать поминальные молитвы в столь отдаленное место сразу после войны, основательно сломавшей и без того ленивого от природы и бездельного этого человека. Почему туда? А потому, что в довоенное время, еще на поезде с паровозом, отправлявшимся с вокзала три раза в день, навещал он одну женщину, проживавшую поблизости от этого кладбища, а навещал затем, зачем навещают женщину: сперва не обращать внимания, как она намекает насчет женитьбы, хотя лучше бы молчала или громко дышала, потом слушать, как булькает кипяченая вода с марганцовкой, потом сладко уснуть, хоть и на самом краю узкой койки, ибо, недонамекав насчет женитьбы, женщина тоже уснет, но по-хозяйски – запутавшись в рубашке и раскинувшись на всю ширину.

От станции он обычно шел к своей метрессе напрямик через похоронные места, но никакого страха не испытывал, потому что причудливые буквы надгробных камней и осеняющие священнические ладони над буквами были точь-в-точь, как в родной деревеньке его нездешней молодости. Правда, не хватало вырезанных в старом замшелом камне проливающих елей чайничков, для тамошней местности обычных.

Однажды, пока он ехал на паровозном поезде, случилась страшная метель, и если кладбище он пересек без неприятностей, то потом сбился с занесенной дороги – уже темнело – и провалился обеими ногами, обутыми в ботинки с галошами, в заполнивший какую-то яму – то ли военную воронку, то ли силосную – снег, который, между прочим, валить не переставал, а ветер, тоже между прочим, не прекращал выть и крутился как сумасшедший.

От страха Хиня стал бестолково выпрастываться, неправильно упираться ногами, иначе говоря, суматошно ими переминаться, пытаясь вытащить то ту, то эту и бессмысленно лоя твердь, чем утопание в снегу только усугублял. Ему даже пришло в голову совсем несуразное – из снега выплыть, в чем он довольно долго пытался преуспеть, пропахав за полчаса расстояние в полтора метра, а все наверно потому, что использовал бесполезный, но единственный известный ему стиль «саженки».

Тут, как это всегда случается, в снежной замети затемнелись какие-то дровни, и возница выволок Хиню, почти уже замерзшего в кость, а потом немного даже подвез.

Заслуживает внимания, что ничего у него не отморозилось, кроме (это выяснилось уже на квартире у знакомой) того, что он опасно переохладил мошонку. Сугубо мужская часть его тела, в здешних гостях пылко и нетерпеливо горячевшая, оставалась на этот раз пугающе ледяной. А Хиня, между прочим, приехал свататься! Во всяком случае, насчет «свататься» стал предсмертно подумывать, когда его, одинокого путника, позабытого и позаброшенного на целом свете, заносила снегами подмосковная метель и, кажется, уже приближались волки.

Пусть и не оповещенная о сватовстве, но в душе всегда невеста, Хинина знакомая страшно засутилась и стала отогревать мужской низ теплыми компрессами, однако дело шло медленно, потому что надо было ждать, пока вскипит на плитке вода, а потом понижать ее до некипяточной температуры. Оба страшно огорчались, что нету вот синего света, – универсального тогда средства, в подобных случаях только якобы и помогавшего.

Эх, читатель, взглянуть бы сейчас на совершенно жуткую в синем инфернальном освещении и без того посиневшую Хинину птицу!

А тут еще в крестец вступила неистовая боль, и стало нидохнуть, ни встать, ни сесть, ни пойти куда надо, звеня залубеневшим шульем. Перепуганная женщина вовсе запаниковала, впопыхах и некстати применяя на ночь керосиновые примочки, каковыми по дурости сожгла Хинину поясицу, где навсегда остались темные кожные последствия, по виду точь-в-точь клеймо сатаны.

Было так на самом деле или нет, сказать сейчас трудно, но то, что, приплюсовав к его военным тридцати трем несчастьям нынешнее распевание на кладбище заупокойных молитв, вся улица вообще перестала уважать Хиню, – это несомненно.

Такова история одного из наших жителей, перерассказанная мною вам, а в свое время хорошо известная любому, даже мальчику с котенками под рубашкой.

Старик же, о котором речь, вообще никогда не болел. Он и умер, не болея. Просто лег среди дня и стал звать глазами домашних. Вокруг сразу собралась вся семья. За окнами другой комнаты надрывались пронзительные милицейские свистки, потому что было восемнадцатое мая, а в день этот всегда прилетают стрижи, и теперь, оголодавшие в дороге, кормясь, по слову поэта, на лету, они со своим милицейским свистом всей оравой догоняли на страшной скорости какую-то молниеносную муху.

Стрижи, между прочим, были в наших краях неукоснительным метрономом хода времен, ежегодно исчезая и появляясь, когда этому самому ходу времен их прилетание и улетание были predeterminedены. Заодно по их стремительному полету время корректировало свои секунды. О таком, конечно, никто не догадывался, но, как известно, незнание чего-либо никого не оправдывает.

Умирание старика было для всех и для него самого совершенная новость. Никто в округе, как было сказано, пока не умирал. У постели стояли дети. Незаметно утирала слезы жена. Сам он, оставаясь в полном уме и при памяти, по очереди подзывал глазами каждого. Позванные выходили вперед, а он что-то силился сказать, но не мог прорваться сквозь затыкающий кляп заикания, поэтому слабо и беспомощно махал рукой, подзывал следующего и опять ничего не получалось.

Так он и не смог никому ничего сказать. Единственное, что выпросталось из прыгающего горла, получилось неким словом, которое каждый понял по-своему, и все обсуждали его и все время об этом размышляли, поскольку отец ничего бы зря говорить не стал. А вдруг он хотел сообщить что-то важное или что-то про сбережения? Потом все сошлись, что невнятное слово было или «собирайтесь», или «соберитесь», а если нет, то просто что-то неразборчивое.

Так решили Оська, Володька (прежде чем отойти, отец долго искал кого-то глазами, и все поняли – Яшу), Аркашка, Муська, Нюська и Данька.

Мертвый отец уходом из жизни чрезвычайно осложнил свое продолжающееся в ней присутствие. Вот он лежит на соломе. Вот в его изголовье горят свечи. Он дома. Но в доме сейчас плач и уныние, не бывшие тут со времени известия о Яшиной смерти. А еще недоумение по поводу непонятого напутствия. В доме растерянность – никто не пошел ни на работу, ни учиться. Словом, воскресная какая-то обстановка, но в воскресенье необязательно приезжали старшие сыновья с женами. К тому же никто не уходит играть в волейбол и гулять. Перемещаются все опасливо и осторожно – приходится оглядывать лежащего поперек комнаты отца. Когда кто-нибудь отлучается покурить, он курит на

улице возле дверей один, никто из соседей с ним не заговаривает, потому что о чем говорить? Да и что скажешь? Никто ведь на улице пока не умирал. Дело новое, притихли все.

Возможно, вся эта растерянная перешептывающаяся толчея происходит еще и потому, что решено понимать отцову невянтицу как «собирайтесь» или «соберитесь». Все и собрались. А зачем, пока не очень понятно.

И возможно, такие действия оказалис

ь безотчетны и единственны, поскольку племя, к которому принадлежали старик и его семья, с незапамятных времен придумало верное средство, чтобы, как овцы без пастыря, не разбрестись и не запропасться, ибо совершенно безрассудное животное – овца бессмысленно пасется в любую сторону, и только наличие пастуха не позволяет ей уйти невесть куда или гибельно заблудиться (отсюда – «заблудшая овца» святых книг).

Так вот, завет означенного племени измыслил такого «вечного пастуха» – неукоснительно вменил говорить заупокойное моление по умершему родителю. Непроизнесение каждодневной этой молитвы есть чуть ли не главный грех и непрощаемая низость. Однако говорить ее следует только в присутствии как минимум десяти мужчин-сомолитвенников, иначе она не считается, а значит, бессмысленна. Вот ради этой молитвы и сбредались, и сходились овцы, и селились кучно, и не расползались особо далеко друг от друга. Правда, в таковых скоплениях их проще было забивать и унижать, но это уже другая история, и нам – в нашей – ее не охватить.

На травяной улице случилась первая смерть. Как к ней приноровиться и как с ней обойтись, мало кто знал. Верней, некоторые знали, а остальные нет. Двор во всяком случае затих. Все, кто играли в чижа, играть перестали. Зато свиристящие в установившейся тишине стрижи на все той же стремительной скорости продолжали гонитву за все той же стремительной мухой, а возможно, и не за ней, разве тут разберешь? Среди перешептывавшихся соседей стоял и мальчик в заправленной в сатиновые шаровары ковбойке, и если было исхитриться заглянуть ему за ворот, получалось видно, как в красноватом сияющем полумраке ходят за пазухой вокруг худенького его туловища двое котят.

Покойника перенесли с кровати на пол, уложив сперва, как положено, солому, за которой сходили к Лымаревым, у которых корова. К удивлению сыновей, сведущие соседи, пошептавшись, переносить отца из его с мамой спальни их не позвали, а проделали это сами с помощью московинских сыновей. В головах покойника зажгли свечи, и потянулся пустой день. Все, конечно, плакали и убивались, но что делать дальше, не знали.

И тут, ближе к вечеру, когда стрижи, казалось, вовсе осатанели, неистово облетая после почти девятимесячного отсутствия все закоулки и тупички уличного протяжения, появился кем-то откуда-то позванный, нужный, оказывается, в таких случаях заношенный старик. Он сел у стола в некотором отдалении от покойника и всю ночь негромко и непонятно читал вслух черную книгу, отказываясь от еды, но от чая – нет. Причем запивал им что-то свое, что брал из носового платочка, но для этого уходил в кухню.

– Это ихний дьячок! – решили у Московиных, еще одних, кроме Кумачева соседей, добрых трудовых людей с нестрашными рослыми сыновьями. – Не ест ничего из почтения, а деньги, паразит, обязательно возьмет.

– Бла-бла-бла! Бла-бла-бла! Блюхеру он, что ли, своему молится! – сказал сведущий в политике Кумачев.

– На хер им Блюхер! Симка Михалыч человек своей веры был! – возразил на это дядя Сережа Московин.

– В завтрий день хоронить будут.

– В завтрий день у их шубота, – зашамкала древняя бабка, лежавшая лет сто на диване и диван этот уже не проминавшая. – В послезавтрий.

– Что ты, старая, порешь? Какая тебе суббота?

– У их усю жисть шубота!

А бородатый тощий старик-псаломщик всю ночь качался над книгой и голос его иногда возвышался, и «бла-бла-бла» начинало звучать громче, возможно, знача в данный момент вот что: «рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями... отошел, и где он?..»

С гробом поехали далеко-далеко.

По уличным представлениям столь далеко нам было позволено упокоиваться в здешней земле не без небрежительного умысла. На кладбище оказалось не слишком много могил, но зато в преизбытке подбегали расторопные старики, по договоренности с посещающими родственниками певшие зауспокойные молитвы и говорившие необходимые славословия. Был там еще и низкий обмывательный дом со всем необходимым для подготовки покойников к погребению.

Всё сделали как положено – за этим проследили сведущие взрослые, причем один из них особо не совался и помалкивал, ибо считался пустым и невежественным человеком, и хотя подрабатывал (об этом уже сказано) на этом кладбище бормотанием заупокойных молитв, на самом деле был круглым невеждой, ни в чем таком не осведомленным. Просто морочил доверчивым людям голову своими самозванными «бла-бла-бла».

Он же, Хиня то есть, место свое понимал, и особенно не совался, а уж кладбищенских знакомств с могильщиками и конторщиками вообще не обнаруживал.

Сфотографировались у гроба. Дети встали позади его продольной доски, а сам гроб наклонно поставили на низкую подставку, чтобы виднелся отец. Для наклонности под гробовой низ что-то подсунули.

После похорон пошел дождь. Потемнело небо. Началась серая погода. Когда приехали домой, в большой комнате было совсем сумеречно, а в маленькой, куда сразу перебралась дочка, вовсе скопилась тьма – комнатка была без окон.

Дочь перебралась сразу, потому что в одной комнате с братьями ей давно уже было неудобно проживать, хотя спала она ногами в большой чулан и, если случалась необходимость, запиралась там по девичьим своим надобностям, о которых никто не должен был догадаться.

Несмотря на то, что отец фактически ушел из жизненного устройства, все продолжали жить, принимая во внимание его обязательное присутствие в домашнем бытованье.

Так что, когда его в доме больше не стало, всем стало казаться (а такое всегда всем кажется), что он куда-то временно девался (а он и в самом деле девался, но куда?) и вот-вот вернется (нет, не вернется!), и они растерялись, не зная, как продолжить день, и опять стали размышлять над протиснувшимся сквозь отцову гортань единственным словом, которое предположительно было или «собирайтесь», или «соберитесь», или что-то вообще непонятное.

Из-за дождя в квартире стояла темнота, и они, несмотря на многолюдство, намного сильнее почувствовали себя растерянными и одинокими, как это всегда бывает в доме смерти с проводившими кровного своего на кладбище. Поэтому совет, поданный кем-то из сведущих, соблюсти положенный семидневный траур был принят. Кстати, он соответствовал и предполагаемому отцовскому «соберитесь».

Поэтому оба старших сына решили к себе пока не возвращаться, хотя жены их пестовать детей и не запускать хозяйство уехали. В те годы запустить хозяйство было просто. Никаких ведь холодильников ни у кого не было: значит, предстояло что-то доесть; подлить, чтобы не размякло сливочное масло, в масленки воду; полить вазоны – фикус и олеандр; доупотребить куда-нибудь и так уже наверно скисшее молоко; перекипятить вчерашний суп и многое еще, а что, уже не помню.

К ночи вдруг оказалось, что в доме и в самом деле всё не так. А это не раздалось отцовского храпения. Отец, едва коснувшись головой подушки, всегда незамедлительно издавал взрывной захрап и пускался громоподобно звучать, уничтожая любую тишину и сотрясая воздух ночи, словно лежал в древней какой-то степной дебри и угрожающим горловым рокотом отпугивал хищных зверей от сбившейся на ночь отары.

Взрывные раскаты, всхлипы, провалы дыхательной функции, предваряющие выдуваемый одним махом столпившийся в обширной его груди воздух и налаживающие на какое-то время равномерный паровозный ход выдохов, – все это понуждало остальных спящих жаться по стенкам своих снов, не потакать и не потворствовать им, не позволяя сновидениям присниться как следует. И остальные спящие не решались обнаружить себя ни сопением, ни участвующимся дыханием, ни метаниями в постели, ни бормотанием. Во сне, кстати, всегда разговаривал погибший напрасной смертью Яша.

Исчез отцов храп, оказывается, тоже определявший порядок жизни, и обнаружилось, что по ночам теперь возможна жуткая тишина, а с нею вольница для всевозможных, каких кому заблагорассудится сновидений.

Сперва, правда, было слышно, как в своей комнате тихо плачет мать, а перебравшаяся туда сестра, тихо но недолго ее успокаивает, потому что засыпает, хотя мать продолжает тихо плакать.

В пустом безмолвии и во тьме навалившейся после хмурого дня ночи один за другим засыпают на всех раскладушках сыновья. У одних в чуланы приходится ноги и низы туловищ, у других, наоборот, головы, а из одного выдвинулись и ноги, и голова, это спят валетом Оська и Володька. Правда, в темноте ничего все равно не разглядишь.

И всем начинают сниться сны.

Не стесняемые отцовским храпом непуганые сновидения наваливаются на спящих, а те, непривычные к их сбивчивой сумятице и мешанине сразу предаются им в полное овладение и неволю. Вдобавок все еще не окончательно покинувший двора отец, досиживавший, как оказалось, возле дома на складной трости собственной смерти, во все эти сны заявляется и повелительно начинает каждому сниться.

Оську, чтоб не запускал уроки в техникуме, он отгоняет от окна, а в окне как раз здорово крутятся на турнике Танька и Тонька в застиранных, оттопыренных где надо трусах, из-под которых вот-вот завиднеется упитанная у таких еще девчонок взрослая женская плоть...

Аркаше, у которого чахотка, примерещилось, что он обыграл отца в подкидного и теперь шлепает его по носу тремя картами. Нужно отмять две тысячи раз. В жизни Аркашка делает это ловко как никто, но сейчас каждый замах словно тормозится непонятым противодействием, что констатирует из-за туч некий непреложный левитановский голос: «Замах остался в жопе! Раз! Замах остался в жопе! Два!...». Но так подначивают, когда играют в городки! Ну-да же! Это не карты, это городошная бита в руке у Аркашки и он, и он, и он...

Володьке, мастеровому, приснилось нарезание резьбы, хотя навстречу его суппорту движется какой-то нелепый, не имеющий права существовать встречный. А это – суппорт отца, и он преодолевает Володькин, чего вообще быть не может, и обрабатывает заготовку по-своему, нарезая резьбу левую. Она же, оказывается, тоже должна быть справа налево... «Ты что, папа, зачем так, папа, ведь план же по деталям?!...» Но отец продолжает вредничать и портит изобретенные Володькой захват-пассатижи. А пассатижи – Володькина тайна. Он войдет в возраст, зарегистрирует их как рационализаторское предложение и прославится.

Володька, конечно, рассказал бы о пассатижах Яше, но тот спит как убитый...

Муське привиделось, что не успела его жена вернуться домой, а там уже почему-то отец, и она с отцом заваливается на перину, а он, Муська, вошел, и отец при нем с ней соединяется, и она принимает отца всего сколько есть, для чего раскидывает белые, хорошо видимые в темноте ноги. Муська прямо обмер, а расвирепевший отец стал выплевывать странные слова: «И увидел Хам наготу отца своего...» «Но что ты делаешь, папа?» «Что делаю? Тебя зачинаю!» «Как это может быть, папа?» «Убирайся или будешь проклят!». «Как это – зачинает меня с моей женой?» – недоумевают и плачет ошарашенный Муська...

Нюська, старший, сновидит, что ему открылась главнейшая из заповедей и он додумался до самой сути! Новая! Отец когда-то, заикаясь, учил его: не во-во-воруй! не у-у-убивай! не п-п-п-прелюбодействуй! И вот сейчас, учитывая, по-видимому, Муськин с кровосмесительным прелюбодейством кошмар, Нюська взял и чудесной догадкой слепил все три заповеди в удобную – и, как оказалось, – главную! Не воробействуй! Отец же отчетливо и не заикаясь (оказывается, у него замечательный глубокий голос), велит: «Забудь все правила жизни! Главное знают только те, кто ушел! Заповедь эта – н е у м и р а й!» «А как же – не воробействуй?!» «Она тоже главная, – говорит отец, – но ее главнота не главнее...» – и принимается неудержимо воробействовать. И Нюська орет: «Не воробействуй, не воробействуй!» – кричит он отцу. «А ты не умирай!..» – огрызается отец...

Но тут оказывается, что отец не один. Неужели с Яшкой?! И Яшу – подумать только! – с дороги даже покормить некому – мать спит, а с ней спит сестра, и той что-то снится, но что – нам не узнать. Разве могут знать мужчины, тем более братья, что снится по ночам сестре...

Кровати для Яшки не нашлось, и он, подложив под голову скатку, засыпает красноармейски на полу. И снится ему, что они с отцом целятся друг в друга, потому что отец – главный враг. Он же породил Яшку, чтобы того убили молодым. И оба, целясь, поют: «Врагу мы скажем: “Нашей родины не тронь, а то откроем сокрушительный огонь!”» Отец поет, конечно, громче. Поэтому Яшке приходится безо всякой жалости пристрелить его метким сокрушительным огнем. А что же еще, если не пристрелить? Однако подлый враг – отец, успеваает пустить по Яшке свою меткую пулю, и невезучий красноармеец падает на родной, чисто вымытый мамой пол...

Оська меж тем пытается хоть сбоку, хоть как-нибудь заглянуть мимо отца, но тот заслоняет собой все окно, а оно пытается из-за отцовой спины высунуться, чтобы Оська хоть одним глазком глянул на турник, но тут отец разрастается в ширину и высоту, и становится тьмой... Отец повсюду...

И Оська начинает от страха кричать...

Замахивается битой Аркашка, чтобы с отяжкой шлепнуть картами по отцову носу, но карты – тоже бита (карта ведь бита!), и он в ужасе кричит...

Потому что все закоулки сна полны отцом.

«План же, отец, план же!» – орет Володька, отпихивая неодолимый с п р а в а н а л е в ы й суппорт...

Муська видит, что жена его приняла всего отца в себя, и от этого кричит, и Муська кричит. И жена, орущая под взмахами отцовых чресел почему-то не своим, а Оськиным голосом уже совсем под ним неразличима, только груди подпрыгивают...

Отец повсюду...

«Не воробействуй! – кричит отцу Нюська. – Не воробействуй же!» – но отец давно уже сплошная тьма, и к Нюське присоединяются воющие, вопящие, захлебывающиеся, косноязычные во сне голоса братьев...

Темнота. Мрак. Комната полна криков, всхлипов, задыханий.

– Что? Что? Что?! Дети, что вы так кричите?! – мечется при свете поминальной свечи мать. И сама, поскольку дремала и выдернулась из сна, не может ничего понять – эти большие длинные дети – неужели она родила их?

Все просыпаются, все ничего не понимают. Ясно только (много ли спросонья бывает ясно?), что отца почему-то снова нет, хотя только что он был с каждым. И совсем уж непонятно, откуда в тесной комнате, где никому, кажется, больше не поместиться, на полу появилось пустое место, куда вполне можно было бы постелить гостю, как это делается, когда наезжают родственники...

...Итак, по подсказке знающих людей было решено соблюсти траур. И значит, в течение семи дней посторонние станут собираться к ним в дом, как в молельню, а они, дети то есть, будут при этом «сидеть». Возможно, решили они, всё таким образом и получится по отцовскому слову, да и всем вместе легче управиться с растерянностью первых сиротских дней.

Ненужных рубашек, на которых полагается делать надрез, заменяющий р а з д р а н и е одежд, не оказалось. Все были нужные и переходили от старшего к младшему (это к легенде об отцовых богатствах). Поэтому на лавке пришлось сидеть в старых нижних. Только на Яше была заношенная гимнастерка, и ее было бы не жаль, но как раз в ней ему привелось неизвестно где полечь.

Дождь, дождь, дождь. Майский, не проливной, но долгий. С примолкшими стрижами. С прекратившимися чижами, расшибалками, штандрами и прыгалками. Сумрак от этого к вечеру в комнате сгущается прежде чем следует, и, поминая отца, на физкультурной низкой скамейке белеют нижними рубашками братья. Сидеть им тесно, но сидеть надо. То и дело всхлипывает мать. Начинают появляться те, кто будет теперь семь дней подряд приходиться по вечерам молиться.

Приходящие снимают галоши. У некоторых они глубокие с языками.

«Ё-моё! В галошах притащились! – думает Аркашка. – В глубоких!»

До чего же было стыдно носить галоши! Особенно глубокие. И что это вообще такое – стыд за одежду? Не оттого ли он, что для движения жизни следует обязательно и непременно одеваться по-новому, а нового этого ничего нет, вот и компенсируется все изыманием старого, то есть, в данном случае, посрамлением глубоких галош. По раскисшей земле, оказывается, предпочтительней ходить в протекших и заглиненных до шнурочных дырок ботинках, но ни в коем случае не в разуваемых галошах. Да еще с языками!

Между тем уходящее былое, пока землю визжа закручивали на всё новые обороты стрижи, делилось всем, что имело. Например, теми же глубокими галошами. Несколько повышенные с боков, они вдобавок отличались постыдными языками, хотя именно языки эти и были здорово придуманы для защиты шнурков, уязвимейшего места, потому что с ботинок, когда просохнут, глину счистить можно, а шнурки что – стирать, что ли? И меж шнурочных клапанов обязательно затекала уличная вода. И руки грязнились, когда шнурки развязываешь.

Галоши (всякие, не только глубокие), хоть запоминай, где их снял, хоть не запоминай, обязательно перепутывались. Поэтому в подошву пунцового их фланелевого нутра втыкались специальными острыми отгибами латунные буквы, соответствовавшие твоей фамилии или имени. Или имени родственника, если ты воспользовался его галошами. Еще у них было странное свойство. Имея стандартную форму и так называемый размер галош, они на одни твои ботинки налезали, а на другие – нет или сваливались с них. Вот как тут быть?

Но это я зашел в рассуждениях слишком далеко, потому что, где они, вторые ботинки?

А в сумеречной комнате между тем продолжали появляться печальники. Пришедшие доставали бархатные с перламутровыми пуговицами мягкие плоские сумки с полагающимся для молитвы принадлежностями, откашливались, раскрывали где надо темные старые книги и начинали, подгибая и распрямляя колени, кланяться и бормотать, а братья тесно сидели на длинной физкультурной скамейке, которую приволокли откуда-то Московины, и глядели на гостей, как сперва глядели на их галоши.

Ни молиться, ни вникнуть в слова моления они, конечно, не умели, да и при общей молитве присутствовали впервые. Поэтому сперва все им было любопытно, но через какое-то время братья стали отвлекаться на свое и начали думать кто про что.

Вон, скажем, ерзает и размышляет о своем Володька. Он же изобрел удивительные хват-пассатижи, чтоб руки каждый раз не приспособливать. У них нос, как у пинцета, но отогнут вбок – это при захвате того, что в данный момент необходимо, будет всегда удобней. С их помощью он прославится, только сперва тайно изготовит, а потом зарегистрирует как рационализаторское предложение.

Муська вспоминает свой жуткий сон и, пребывая все еще в замешательстве, озирает, чтобы отвлечься, старый комнатный буфет, на открытом верху комодной середины которого имеется фоном золотушное зеркало, а перед ним на мельхиоровом почерневшем подносике стоят три разномастных, мельхиоровых же, то ли сливочника, то ли кофейника варшавской работы.

В один комком напиханы мелкие обрывки спутанных ниток, верхковые обрезки измахрившегося по кромке сутажа, сухие, побывавшие уже не в одних трусах, узластые резинки, кучерявые хвостики синельки, обрывки мулине, которые не получилось бы вдеть в иголку даже на раз. Изо всего этого, если вытянуть из кофейника лежалый комок на стол, получается пухлая куча, где кроме сказанного обнаруживаются мертвые мощи бахромы, мятые выцветшие ленточки, недействительные уже метки какой-то прачечной, раскрутившиеся шнурки – и пахнет все медным нутром облезлого мельхиорового сосуда.

В двух кофейничках поменьше содержатся сплошь пуговицы, пугови, одиночные запонки с кривой ногой и отколотой эмалью, машинки от чулочных резинок с остатками поржавевших, тоже взмахрившихся резин, запонки от пристежных воротничков и запонки от наволочек. Пуговицы, конечно, все кто какая – двух одинаковых подобрать не выйдет – бельевые, одежные, перламутровые, бантиком из плексигласа, костяные, воинские со всякими знаками, а среди них и царский гривенник или четвертак, гайка от значка, апплики, то есть брючные и пальтовые крючки, крохотные английские булавки, а в придонной уже трухе малюсенькие стрелки каких-то неведомых, то ли наручных, то ли карманных часов – когда-то погубленного и умершего, а прежде – живого давнего времени.

В сокровищах этих каждый из детей копался не раз и знал всё наперечет, но всякий раз разглядывал и разглядывал, словно причащаясь неведомой жизни, ибо заваль эта скапливалась со времен деда и прадеда – горбатых и тощих водевильных портных, от которых, вероятно, пошла даже их теперешняя фамилия.

Еще представляются Муське стоящие кеглями в темном нижнем нутре буфета большие пустые бутылки, кое-какие, правда с полуприсухшей наливкой или позабытыми вишнями, давно слипшимися в глянцевоый и бугорчатый плесневидный слой. Горлышки бутылей обвязаны посеребренными марлевыми тряпицами...

Но тут он от мыслей отвлекается, потому что степенно и величаво входит гость не в галошах, а в каких-то невиданных коричневых сапожках. Это высокий осанистый старик, своей громадностью сразу напомнивший отца. Все на вошедшего удивленно косятся, а он, ни с кем не здороваясь, подготавливается к молитве и одиноко в нее погружается. Откуда он взялся, как отыскал, где молятся, никто так потом и не узнал. Старик не говорил по-нашему и не понимал нас, а мы не понимали его – потому что на вопросы он отвечал на своем среднеазиатском языке, сам, по-видимому, будучи из тамошних краев, и – бородатый, громадный, благочестивый (наши-то – мы же знали, кто они на каждый день!) – был, как отрасль библейского древа.

Вот-вот! Это сопоставление давно уже напрашивается. Еще когда про покойника говорили, напрашивалось. Вот оно и появилось. А гость и вправду был поразительный. Ну как он мог прознать, где молятся? Как нашел дорогу? У кого спрашивал?

Не надо только думать, что в текст введена многозначительная аллегория. Нет! Человек этот был вполне реальный, и поражало, в основном, то, как он среди нас очутился.

В любом случае среднеазиатский гигант, сперва было озадачивший сыновей схожестью с отцом, тем не менее поспособствовал отъединению отца от их жизнью. Ведь оказалось, что отцеподобные есть, существуют, наличествуют! Пусть в других мирах, пусть говорящие на непонятных наречиях, пусть в коричневых мягких сапогах. Они – есть, и пустоты, значит, нету.

Так что покинутость и одиночество оказались не безусловны. Мир не опустел. Доводом тому был этот некто, кстати, как и они, не признававший галош. Вчера еще было непонятно, как быть и что делать. А сегодня вчерашнее отчаяние и сиротство на чуточку, но оттеснились в уголки душ, где сберегаются воспоминания.

И тут случилось уж вовсе поразительное! Когда стали вслух читать из книги, подошла очередь Хини, и все то ли незаметно улыбнулись, то ли озаботились – улица ведь рисковала опозориться в глазах благочестиво молившегося азиатского теревинфа. Усмехнулись и сидевшие на скамейке. Ой, что сейчас будет!

А Хиня, потешный и несуразный Хиня, отчетливым уверенным голосом, почти как диктор по сравнению с бормотанием уличных наших галантерейщиков и ловчил, стал произносить святые слова непостижимых строк, отделяя и выговаривая каждое, и хотя смысл их оставался непонятен, зато стало ясно, что они есть, что они не бормотание и невнятица, а какие-то завершенности и целостности с началами и концами, с паузами и звучаниями. И Хиня – распоследний этот уличный дурак и кладбищенский попрошайка – то глядел в книгу, то на присутствующих и не сбивался, и не запинаясь, и страницу переворачивал слева направо, как будто каждый день только это и делал, и даже указал пальцем соседу, который от удивления потерял место откуда читать и поэтому стал заглядывать Хине в молитвенник.

И братьям даже показалось, что вот сейчас в комнату, внимать великолепному молитвословию и поразиться нашему уличному случаю, повернет со своей неведомой дороги обрадованный таким поворотом покинутой жизни отец.

– Выпивают там, что ли? Гости говорят? – спросил пристрастный к вину Кумачев у молчаливого Московина.

– Молятся, дурак! По Симке Михалычу!

– Прямо! Блюхеру они своему молятся! А сейчас втихаря мацу едят.

– На хер им Блюхер! Скажи еще Троцкому!

– Ленин Троцкого спросил... – хором заладили московинские сыновья Толька, Санька, Костя и Славка, оттого что помер жилец, а сейчас людей понашло и дождик, лишённые возможности гонять голубей.

– Тихо, сволочи! Вас чего, мало раскулачивали? – рявкнул погоревавший в кулаках бывалый Кумачев.

«...Что Ты ищешь порока во мне и допытываешься греха во мне, хотя знаешь, что я не беззаконник?..» – с укором обращается Хиня словно бы ко всем нам, а на самом деле известно к Кому.

Оська слушает теперь не вполуха. Он же, пока не вступил Хиня, глядел в окно на пустой турник, и не заметил, как отец пропадает из мыслей, а вместо него появляются Танька и Тонька. Пацаны ведь, подсаживая не дотягивавшихся до турника любителейниц на нем вертеться – ядреных Таньку и Тоньку Кумачевых, прихватывали их и за тайное девчачье добро. А те только и успевали пискнуть «Чего за пуньку хватаешься?», потому что надо было успеть уцепиться за отполированный ладонями лом, уложенный на два столба и закрепленный по их торцам пригнутыми большими гвоздями. Вот про что думал Оська, пока не услышал Хинино чтение и не опомнился.

«Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотию одел меня, костями и жилами скрепил меня... и попечение Твое хранило дух мой?..» – неслышанный Хинин голос уже вырвал всех братьев из посторонней задумчивости, и они сосредоточились на непонятном глаголе ветхого времени, когда крутились по циферблату стрелки, затерянные в мельхиоровой трухе... И недопроизнесенное отцовское слово вот-вот могло обратиться невнятным постижением, хотя было всего лишь неразборчивым звуком...

Опять ночь. В пещерах комнаты, преображенных мраком в собственные провалы, если лежать и смотреть, а не вставать и, натываясь на невидимый мир, не ходить – темнота совсем черная. Все, кто остался, снова видят сны, потому что всего чуть-чуть применились к новой жизни, которая оттого, что нарушилась ее цельность, не успела пока до конца скопиться в новую цельность, но скапливаться уже начала, верней сказать, приступила к благодетельным трудам забвенья.

Из непроглядных чуланов невидимо торчат ноги и головы. Повторены позы, но уже не повторяются вчерашние сновидения.

И кричать со сна сегодня никто не будет. Правда, будет плакать мать, но тихонько, чтобы не мешать сну опять наревевшейся за целый день дочери.

Все спят в непроницаемой тьме, а отец, конечно, окончательно ушел, как многие потом уйдут из этого повествования. Он наверняка уже в достаточном отдалении и начал навсегда пропадать, чтобы запастись в никуда.

Хотя сейчас, наверно, идет себе и бормочет: «...отойду – и уже не возвращусь – в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака... где нет устройства, где темно, как самая тьма...»

Через неделю поедут на кладбище за фотокарточкой. Отец в гробу, к сожалению, получился нерезко. «Извиняюсь, – скажет фотограф, – покойничек вот шевеленный. Оплошность и случай. Камень, что ли, выбили из-под гроба кто-нибудь?»

Пропал отец и на фотографии.

Не так ли исчезнут и они, и цельность нарушится уже непоправимо? Не останется никого. Ни одного человека. А уж мальчик с котенками, тот сперва быстро вырастет и оттого перестанет быть кем был в нашем повествовании.

И про все это даже сочинить историю будет некому.

А пока что все продолжают жить и, конечно, в о р о б е й с т в о в а т ь. И пассатижи я куплю в каком-нибудь тридевятом государстве, точь-в-точь неосуществленные когда-то Володькой. Володька свои наверняка бы доделал, не отвлекись он собирать этикетки, среди которых, между прочим, имелась, несмотря на введение нумерации грузинских вин (их одно время оставили без названий), вся секвенция, весь двадцативосьмиэтикеточный комплект, включая неуловимую полумифическую наклейку вина «Мухранули».

Как в свое время с поколением моего брата пропала на улице игра в «попа-гонялу», так вслед поколению мальчика с котятками исчезла игра в чижика.

Хотя стрижи по-прежнему осатанело мечутся. Окружающее на таких скоростях неразборчиво мелькает, ни во что невозможно взглядеться, но они мчатся, разинув клювы для улавливания встречных мух и ни во что не врезаясь.

И вереща напоминают, что у времени все еще остается категория секунды.

Ñáí ò à Ì àdèí àěěà Èpíú 2001

Dááí ò á í àä ò àéñò ì ì ç í à : è ò à éüü î ì ì ì àěěà ñ ò è í á í à éü «Áéüò à Ááí éà» è Ì ì ñ é í à é í à é è è ò à ò à ò ó ò í í à ò í í à à (í ò è ì . à à ò í ò à)

Èéëpñò òáòéè

Yááá ò á á ç à ò ý í ñ é í à

СВЕТ НЕМЕРКНУЩЕЙ ПЕЧАЛИ

Àdè à dè é Èàí í à è :-

Я знал, что делать мне там нечего, и тем не менее, захлестнутый чувством непонятной, время от времени поскребывавшей душу тоски то ли по далекому детству, еще шумящему в застуженной памяти, как зеленеющее дерево; то ли по угасшей мальчишеской любви, когда-то одарившей меня своим великодушным сиянием и промелькнувшей, как чистая утренняя звезда на подшитом мягким, голубоватым бархатом небосклоне; то ли по чему-то другому, не нареченному и глубоко засевшему в подсознании, я купил билет на ночной поезд и отправился в родное местечко, в котором, кроме его названия, уже вроде бы ничего – ни реку, ни прибрежные ракиты, ни даже небо – родным назвать нельзя было.

Отправился я туда не сразу, поезд опаздывал, я томился в полупустом зале ожидания, ерзая на большой выщербленной скамье, с вялым любопытством наблюдая, как напротив молодая цыганка убаюкивает запеленутое в отрепье свое кочевое счастье-несчастье – жалобно, по-щенячьи скулящего младенца. Она то вставала, то снова присаживалась ненадолго, косясь, как диковинная, случайно залетевшая в окно птица, на лавку, где, положив под головы Б-г вещь чем набитые котомки, посапывали еще двое ее птенцов – девчушки в длинных платьицах.

Иногда я ловил ее загадочный взгляд и странно поеживался не столько от вокзального холода, сколько от внушаемой ею тревоги. Мне хотелось, чтобы скорей пришел поезд – пусть первым ее – но, к моему разочарованию, тишина, пованивавшая окурками и водочным перегаром, ничем не нарушалась – ни паровозными гудками, ни хриплыми объявлениями из репродуктора о «прибытии» и «отправлении».

– Куришь? – вдруг услышал я.

– Курю.

– Дай.

Цыганка как сверток положила на скамью затихшего младенца и на цыпочках, словно танцовщица к кавалеру, подошла ко мне и соблазнительно надула губы.

Я протянул ей «Приму», и она изящно, двумя смуглыми, тонкими, как стрелы лука, пальцами вынула из пачки сигарету, повертела ее в окольцованной звонкими браслетами руке, впилась в гильзу острыми, безжалостными зубками и спросила:

– Далеко, красавец, едешь?

Чиркнула трофейной зажигалкой, затянулась.

– На родину, – сказал я, не сомневаясь, что одной только сигаретой ее интерес ко мне не ограничится, что через минуту-другую, вдоволь насладившись куревом, она за мелкую мзду предложит мне заглянуть в мое будущее, которое несмотря ни на какие предусмотренные линиями на ладони злключения и испытания в конце концов окажется безоблачным и светлым. Ведь за мзду, мелкую или крупную, никто никому на свете еще мрачного будущего не напророчил.

Но я ошибся.

Она и не помышляла о гадании, полностью захваченная обрядом курения, и, как нарисованная оперная Кармен, смотрела поверх моей головы, уперев правую руку в бок. Волокнистый сигаретный дымок спокойно клубился над ее спящими детьми, как будто это был не зал ожидания, а привал, устроенный табором где-нибудь в степи или в чистом поле, и я невольно, сам не зная почему, позавидовал ее нищенской, горестной свободе, ее упоительному, самозабвенному легкомыслию, ее сладостному и разорительному пренебрежению ко всему на свете.

– А у нас нет родины... – произнесла она, выдув в воздух серебристое колечко – просто, без натуги. – Там, где цыган разбил шатер, там его родина. Сегодня – одна, завтра – другая, послезавтра – третья. Весь мир для цыгана – родина и в то же время – чужбина...

Она помолчала, озорно сверкнула глазами и выпалила:

– А ты кто?

– Еврей.

– О! – воскликнула она.

Я ждал, что же она еще скажет, но тут снова зашевелился сверток, младенец заскулил, захрипел, и цыганка, не расставаясь с сигаретой, взяла его на руки и принялась качать с какой-то медлительной торжественностью, осыпая искрами, табаком и любовью.

– Еврей, – равнодушно повторила она, когда дитя умолкло. – Один из ваших – тогда я была еще совсем молоденькой – обещал на мне жениться... Богатый такой... Хотел в Одессу увезти... Ты знаешь, где эта Одесса?

– Знаю. У Черного моря...

– Далеко?

– Далеко...

– Зачем цыгану Черное море?.. Цыгану моря не нужны... – Она достала из кармана юбки гребень, расчесала черные, густые, как зимняя тьма, волосы и тихо рассмеялась. – Дай еще!

Сигарет было не жаль.

– Бери всю пачку. У меня еще есть...

– У евреев все есть... И сигареты, и деньги... Так говорил тот из Одессы... Самуил, кажется... Все, кроме родины, как и у цыган...

– Есть и родина, – заступился я за евреев.

– Деньги лучше, – промолвила она. – Родина что конура – сидишь на цепи и – больше никуда...

За окнами на стыках загремел поезд.

– Мой, – засуетилась цыганка и стала будить дочерей, торопя их на непонятном, таком же густом, как ночная тьма, языке.

Не дожидаясь хриплого объявления по вокзалу, она подхватила на руки живой сверток, проснувшиеся дочери вцепились в котомки и нехотя поплелись за ней на перрон.

Когда они ушли, за сигаретой потянулся и я.

Как я ни пытался сосредоточиться на своей поездке, как ни тщился избавиться от смутившего душу впечатления, навеянного неожиданной встречей со скиталицей, ее мудреные слова роились в моей воспаленной голове, а перед глазами мелькали ее жесты, ее роковая, искуссительная улыбка, зажженная сигарета во рту, искры которой то гасли, то, лепясь одна к другой, превращались в охапки огня, как бы освещающего все закоулки моей прошлой и будущей жизни.

Я уже подумывал о том, чтобы сдать в кассу билет, не тащиться в стылом купе сквозь ночь сто с лишним километров, а вернуться домой, завалиться в теплую постель, зарыться с головой в теплую подушку, как в стог воспоминаний, а на завтра для утоления своей тоски по детству и по мальчишеской любви найти какой-нибудь другой, менее обременительный способ.

Но когда решение, подобно зеленоватому помидору на солнечном подоконнике, созрело, из глубины ночи, сверкая и подмигивая сонным полям своим огромным циклопым глазом, вынырнул мой поезд.

Солнце уже стояло над низкими, крытыми дранкой крышами, когда я наконец добрался до цели.

Я спрыгнул с подножки вагона и побрел куда глаза глядят.

По рассказам родителей я знал, что в местечке не осталось ни одной живой еврейской души.

– Кладбища, и того не найдешь, – предупредил меня отец.

Родители не хотели, чтобы я туда ехал и всячески отговаривали от этой затеи. Может, жалели меня, а может, за меня боялись – время было послевоенное, беспокойное, неровен час – пальнет кто-нибудь из-за угла в приبلудившегося еврея. Но чем больше они отговаривали, тем упорней я туда стремился.

– Ты что там собираешься найти? – сокрушалась мама, и морщины у нее на лбу змеились чуть ли не надгробными строками.

– Зайду к соседям и спрошу... – уклончиво отвечал я.

– Ну о чем ты у них спросишь? Разве тебе все и без спрашивания не ясно? – кипятилась она. – Всему миру ясно, только ему, нашему правдолюбцу, не ясно!

– Я задам только один невинный вопрос: куда девался наш «Зингер?» Пусть вернут хотя бы его...

– Пусть едет, – уступил отец. – Он уже взрослый мужчина...

Шагая по заросшим лопухами шпалам к местечку, я вспомнил и уговоры мамы, и печальную уступчивость отца, и будоражащие, жалящие, словно крапива, слова безымянной цыганки, не уехавшей, казалось, в ночь, а безропотно и освобожденно канувшей в небытие, как в раскинутый над землей скитальческий шатер, и только это перистое облачко, как бы сотканное из дешевой «Примы» и висящее сейчас над моей головой, напоминает о ее существовании, о ее трех птенцах, о ее женихе из Одессы, о ее молодости.

Я шел к местечку, частенько задирая к небу голову, словно на нем, на этом перистом облачке, которое послушно следовало за мной, было начертано что-то важное, как и на моей ладони, и это начертание не имело ничего общего с дурными предчувствиями моей матери и беспричинным прекраснодушием моего отца.

Иногда оттуда, с небес, до моего слуха долетало стрекотание «Зингера», и мне чудилось, что на облачке сидит мой молодой, довоенный отец и своими крепкими, как узловатые корни вяза, ногами, еще не поврежденными осколками в окопах на Курской дуге, легко и счастливо нажимает на педаль, и белая тонкая нитка – ни дать ни взять струйка парного молока – струится по Б-жьему велению в его руки, как в душу, и в душу, как в руки, а я стою рядом с ним, маленький, кудрявый, как барашек, и окунаю в эту благодать свои еще не приученные различать на свете ни зло, ни страдания глаза, у которых цвет – спелой черники и которые без опаски мерцают в ранних сумерках, как запертый под стекло огонь домашней лампы.

Шаг мой утяжелялся от нахлынувших воспоминаний, но счета времени я не вел; мне было все равно, когда доберусь до главной улицы местечка; трофейные часы, купленные на Калварийском рынке в Вильнюсе, тикали тихо – им-то подавно было все равно, их тиканье умиротворяло, как и негромкий щебет птиц, которых и послевоенная пальба не распугала.

Незаметно, думая то о случайно встретившейся мне цыганке, то о «Зингере», неизвестно кем присвоенном в войну, то об экзамене по диалектическому и историческому материализму, тайны которого, как лаз к сокровищам, открывал нам, студентам-филологам Вильнюсского университета, ссыльный профессор из братской Армении Генрих Габриэлян, почему-то выговаривавший слово «цивилизация» на свой лад – «сифилизация»; я дошел до реки, до того самого места, где когда-то с мостков удочкой-самоделкой ловил доверчивых плотвичек; остановился и вперил в прозрачную, пахнущую босоногим детством воду взгляд. Нисколько не сообразуясь со временем, которое я себе отмерил для посещения родины-чужбины, как выразилась выдавшая виды цыганка, я стоял на мостках и неспешно закидывал в воду невидимую удочку в надежде извлечь из потока не мелкую рыбешку, но то, что мне было так дорого и близко.

Не успела леска коснуться речной глади, а грузило пойти ко дну, как я за своей спиной услышал чей-то голос.

– Утро доброе, юноша! – поприветствовали меня по-литовски.

– Доброе, доброе, – почти в испуге ответил я и обернулся.

На берегу в легком полотняном пиджаке и таких же брюках, с бамбуковой удочкой в руке стоял тучный мужчина, отечное лицо которого показалось мне знакомым.

Г-споди, да это ж местный настоятель.

– Если память мне не изменяет, – пробормотал он, – вы сын портного Соломона.

– Да.

– Перед самой войной он сшил мне зимнее пальто из черной английской шерсти. Я его до сих пор ношу. Твой отец жив?

– Жив.

– Слава Б-гу, – вздохнул настоятель и стал разматывать свою снасть.

Он разматывал ее долго-долго, молча распутывая какие-то узелочки, и это неловкое, безотчетное молчание тяготило душу, как будто мы оба были в чем-то виноваты друг перед другом. Может, и в самом деле были виноваты. Свою вину перед ним я знал – таскал из ксендзовского сада яблоки – тяжелую, как булыжники, антоновку. А чем передо мной провинился он?

– Ваша домоправительница Марцеле поймала меня однажды и за ворованные яблоки здорово надрала за уши, – ни с того ни с сего признался я.

– Марцеле, увы, умерла... Прошу за нее у вас прощения... Что яблоки? – настоятель достал из стеклянной баночки из-под сметаны червяка, наживил. – Ведь в вашем саду почти все деревья вырубил... Вот это впрямь – страшная беда.

Никакого сада у нас не было, но я понял, о чем он говорит – недаром у ссыльного Генриха Габриэляна учил основы диалектического и исторического материализма.

От присутствия его преподобия что-то неожиданно сломалось в моем горестно-приподнятом общении с рекой, но уйти сразу было неудобно. Тем более, что, следя за безмятежным поплавком на поверхности воды, настоятель как ни в чем не бывало преуспевал и в другом ужении – ответов на скопившиеся за десять лет вопросы. Я старался удовлетворить его любопытство, рассказывал о Казахстане, приютившем нас, беженцев, у подножия Ала-Тау; о воевавшем на Курской дуге отце; о своих занятиях русской классической литературой. Удильщик кивал головой, от него, давно презревшего суету мирскую, исходило стойкое пастырское спокойствие, а я смотрел на него и ловил себя на мысли, что и его нос с широко вырезанными ноздрями похож на поплавок, невозмутимо покачивающийся на водной глади.

– Надолго к нам?

– На денек.

– Может, заглянете на часок, – он сменил червяка и забросил удочку на новое место.

– Спасибо, – сказал я нетвердо. – Если время позволит.

– Заходите, заходите... Иудеи, конечно, в свой храм ходить должны, к рабби, а не в костел, но, к великому сожалению, ни одного сородича вы уже в местечке в живых не найдете... – Он сделал многозначительную паузу. – Не сочтите за хвастовство, но я дважды в год по невинно убиенным мессу служу. Печаль – своя ли, чужая ли – не меркнет. Как и солнце. Но в отличие от солнца она никогда не заходит... от нее рукой не заслонишься...

Я слушал его и диву давался не его словам, а тому, что он мне, зеленому юнцу, у которого над губой только-только пушок пробился и для которого другого солнца, кроме того, совершавшего день-деньской свой круговорот в небе, не было, решил чуть ли не исповедаться.

Я вдруг припомнил, как он, этот толстяк в сутане, и местечковый рабби Элиэзер, оба заядлые рыболовы, на досуге, пытаясь притушить вражду между паствами, рыбачили вон у той тихой щучьей заводи, в которой свои ветви купали девственницы-ракиты, а высыпавшие на косогор прихожане дружно кричали:

– Рабби, клюет!

– Святой отец, клюет!

И я, несмышленный, дерзкий, как воробей, тоже что есть мочи кричал:

– Клюет, клюет, клюет!

На какую же наживку клюнули в кровавом сорок первом убийцы рабби Иехезкеля или хромоногого подмастерья моего отца Хаима, пытавшегося под грохот канонады вынести из нашего дома и спасти, как живое существо, швейную машинку «Зингер», за которой он прилежно на протяжении пяти лет постигал премудрости портновского ремесла? На венские стулья, которые мельник Вайнштейн привез из насквозь продутой вальсами Австрии, когда меня еще на свете не было? На золотое ожерелье дочери домовладельца Капера Рахели, которое ей в самый канун войны подарил

к свадьбе любвеобильный папа, не предполагавший, что через день-два она обручится не со своим суженым – сыном табачного фабриканта Абрамсона из Риги, а с паршивой, вечно голодной смертью.

Журчала река, дул приятный ветерок, на прибрежных деревьях ликовали птицы, в стеклянной банке из-под сметаны копошились обреченные черви. Все ярче светило солнце, и чем выше оно поднималось, тем печальней – как ни странно – становилось на душе, тем сильнее хотелось, чтобы сверкавший пасхальной чистотой купол затянули тучи и полил дождь. Но вверху бродяжничало только одно невесомое, отчаянное, неприкаянное облачко.

– Понадобится ночлег – милости просим, – сказал настоятель, когда я глянул на часы.

Я поблагодарил его за любезность и стал взбираться на косогор.

За косогором серела родина-чужбина.

Отсюда, с насыпи, можно было увидеть дом, где я родился.

Но дома не было. На том месте, где он прежде стоял и где в незапамятные времена возвел его мой дед-каменотес, разбили скверик и построили ясли.

Над яслями, выкрашенными в цвет детского кала, красовался огромный транспарант, на котором заглавными буквами, неизвестно от чьего имени, по-литовски было начертано: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». От счастливого детства разлило солодом, ибо в дальнем углу скверика разместился фанерный пивной бар, открытый, как гласила вывеска, до «20.00».

Я прошел мимо «товарища Сталина», не останавливаясь, и, к моему удивлению, никаких чувств – ни возмущения, ни сожаления – не испытывая. Как говорила бабушка, не каждому счастью надо завидовать.

Пора было что-то перекусить, со вчерашнего вечера у меня во рту маковой росинки не было, я только тянул одну сигарету за другой, но прежде чем забежать в какую-нибудь столовку, я по пути завернул в школьный двор, где когда-то на переменах с гиканьем и восторгом гонял футбольный мяч.

Шел урок, и вокруг было непривычно тихо и пусто.

Из окон школы тоненьким ручейком лилась во двор литовская речь. Учитель что-то говорил про далекий и суровый Северный полюс, про отважных челюскинцев, про героический перелет Чкалова в Америку.

На миг мне почудилось, что это голос моего учителя Бальсера. Неужели он жив? Но безупречный, непогрешимый, как Г-сподь Б-г, Бальсер никогда не рассказывал про полюсы и про челюскинцев, а смеялся, со слезами на глазах, читал наизусть занимательную повесть про мальчика по имени Мотл, сироту и горемыку и про его приключения.

Какие бы нас ни ждали приключения, вдруг пронзила меня на школьном плацу простая и жуткая мысль: все мы сироты. И наше сиротство неизменно. Там, где цыган

разбил шатер, там его родина. А там, куда ступил еврей, там его сиротство. Нет такого уголка на свете, где можно было бы от него избавиться. Оно ходит за нами повсюду, плывет неотступно, как то невесомое, отчаянное облачко. И не скажешь ему: стой, растай, пролейся дождем!..

– Ты кого-то, парень, ищешь? – обратилась ко мне женщина с толстой папкой под мышкой.

– Нет.

– А вид у тебя такой, как будто ты заблудился...

Нет, нет, я не заблудился, я никого не ищу, ибо то, что ищу, найти невозможно, даже если на поиски потратить год, десять лет, всю оставшуюся жизнь, даже если призвать на помощь всех чудом уцелевших своих сородичей, всех дочерей и сынов Израилевых. Почему же я ищу то, чего найти невозможно? Что с того, что я, скажем, найду тот довоенный, истрепанный, полинявший футбольный мяч, ту швейную машину «Зингер», то золотое обручальное колечко? Разве от этого закатится моя печаль, разве не взойдет она назавтра?

Моя поездка внезапно обесмыслилась, я озлился на самого себя: все, что я увидел, можно было себе представить, не садясь в поезд, не блуждая по улицам и задворкам местечка, без всякого стояния у реки и душеспасительных бесед с настоятелем, который, кроме веры в бессильного Б-га, ничего тут не выудил.

Мне захотелось вернуться назад – сесть на первый попавшийся автобус, идущий в Вильнюс, примоститься у окна и ехать, ехать, глядя в тусклое окно, как в свое полинявшее прошлое, из которого, как из футбольного мяча, выпустили воздух – воздух моего детства и которое безнадежно сплюсилось у меня на глазах.

Но что-то все-таки меня удерживало. Я сам не мог взять в толк, что.

Может, это невесомое, отчаянное облачко, клубившееся надо мной, словно полузабытые мои сновидения? Может, надежда на то, что меня окликнет кто-нибудь из моих сверстников – пусть не еврей, пусть литовец, Вацис или Феликсас, свободно говорившие по-еврейски и приходившие в наш дом за мацой и медовыми пряниками.

Но никто меня не окликал. Казалось, все разъехались, разлетелись, спрятались. Ведь послевоенное лихолетье вихрем раскидало всех – кого в лес, кого в Красную Армию, кого на Колыму.

И все же я надеялся на встречу с кем-то из них, подолгу всматривался в понурые лица прохожих, особенно молодых. Те, однако, либо куда-то спешили, либо не узнавали меня, либо я их не узнавал. Чем дальше, тем больше я убеждался, что не туда приехал, что та – всамделишная – родина, которая жила в моих снах, в моем мягко высланном грезами, как колыбель перинками, воображении, осталась где-то за закрытыми ставнями, за семью засовами и щеколдами. А тут вовсе не родина, а затерявшаяся в глухомани перевалочная станция для странников и скитальцев.

До летних сумерек было еще не близко, голод меня донимал, и я решил перед обратной дорогой подкрепиться, съесть комплексный обед – остывшую котлету с жареной

в украинском подсолнечном масле картошкой, свекольник сомнительной свежести и компот из сухофруктов, в котором, как сваренные пиявки, плавали дольки чернослива.

Столовка, в которой я очутился, была битком набита рабочими-строителями, возводившими в Скаруляй, в густом грибном сосняке неподалеку от местечка, завод химических удобрений. От рабочих пахло хвоей и глиной.

Я покорно встал у окошка раздачи обедов, комкая в руке пробитый дебелой кассиршей талончик.

– Простите, пожалуйста, – прошептал сзади меня мужчина в очках с толстыми, казалось, пуленепробиваемыми стеклами, в твидовом пиджаке, словно щедро усыпанном мелкими зернами проса, – вы случайно не... – он замаялся и, еще больше понизив голос, выдал: – еврей?

– Да, еврей, – нарочито громко ответил я шептуну.

– Очень приятно... Очень приятно... Ростислав Розенфельд... – представился соплеменник-сотрапезник.

Назвал свое имя и я.

Мы сели за один столик, покрытый дырявой клеенкой в луговых цветочках, и стали молча есть, словно были глухонемые, а когда справились с безвкусной казенной едой, так же молча вышли на улицу.

– Меня сюда из Одессы прислали.

Не тот ли он богач-одессит, который обещал жениться на цыганке, подумал я про себя.

– Я инженер... Прислан литовским товарищам на подмогу... А вы, Григорий?..

– А я... я проездом...

У меня не было желания разводить с ним тары-бары.

– Жаль... – искренне посетовал Ростислав. – Не с кем в этом медвежьем углу словом перемолвиться. По-моему, кроме нас с вами, тут никого из наших нет.

– Живых – нет... Мертвых много...

– С мертвыми какой разговор? – прошептал Ростислав, без сомнения названный так в честь какого-нибудь русского князя, и, закулив, добавил: – И в Одессе их много. Но, слава Б-гу, в наличии еще и живые имеются... Что за жизнь без евреев?

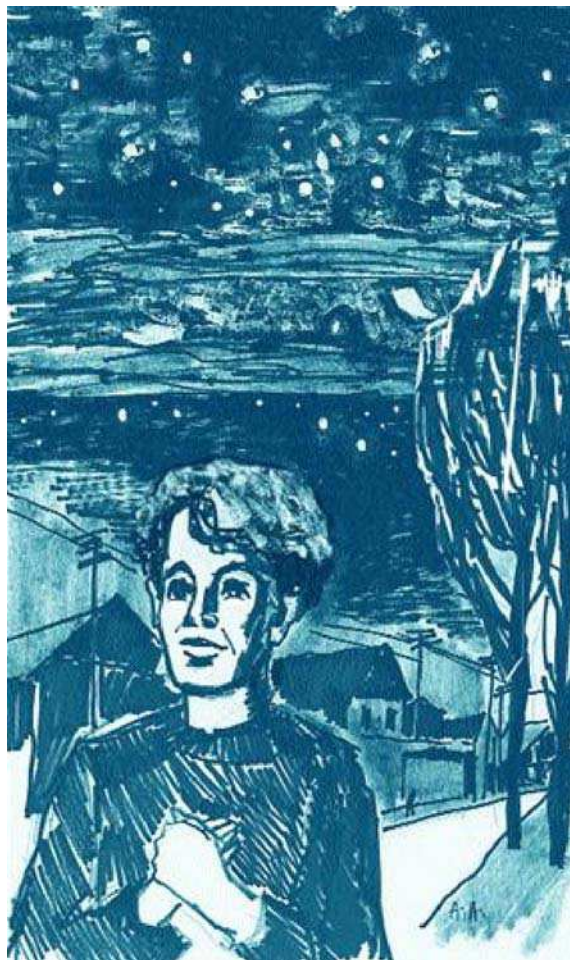
– А с евреями? – улыбнулся я. – Что за жизнь с евреями?

– И то правда... Было очень приятно, очень. Может, еще свидимся, городок-то махонький...

И Розенфельд откланялся, смешавшись с ватагой тех, к кому приехал на подмогу.

Невесомое, отчаянное облачко порозовело в лучах предзакатного солнца и застыло над белой колокольней костела.

Откуда-то с пастбища донеслось сытое мычание коров.

Скоро пастух Еронимас – если в войну не помер – пригонит их в местечко, и во дворах начнется дойка.

В детстве я очень любил с бабушкиного крыльца наблюдать за их возвращением домой, за их неторопливым, царственным шествием и слушать перезвон колокольчиков, подвешенных к неуклюжим коровьим шеям. Так, думал я, перезваниваются в ночной тишине, когда весь мир засыпает, звезды, подбадривая запоздалых или заплутавших путников и указывая им, усталым, путь.

По правде говоря, я и сам себя сейчас чувствовал таким путником, попавшим Б-г весть куда.

Наконец, в сумерках из-за поворота показалась простодушная, пропахшая луговой травой морда первой буренки. За ней, трубно и нетерпеливо мыча, грузно вышагивала другая.

Стадо медленно и мощно приближалось.

Слышно было, как то тут, то там приветливо отворяют воротца и калитки.

– Марге! Марге! (Пеструха! Пеструха!) – любовно звал высокий старик и тянул вверх морщинистую руку.

– Му-у! Му-у! Му-у! – звучало в ответ.

– Линда, Линда, – приговаривала сухопарая баба в длинном фартуке, с подойником в руке.

– Чернуха, Чернуха! Ты куда, холера? Дом свой забыла, что ли? – по-русски сердилась босоногая молодуха.

Мычанье, топот, крики.

И вдруг сквозь шум, сквозь выкрики голос:

– Зара! Зара!

Не ослышался ли я?

– Зара! Зара!

Нет, не ослышался. Ведь так свою кормилицу – корову голландской породы с крупными звездами-яблоками во лбу окликал брат моей бабушки – вдовец, Фроим-Менаше. Поначалу, правда, у нее была другая кличка – Сара, но рабби Элизер воспротивился такому кощунству и чуть ли не с амвона синагоги запретил величать животное именем жены праотца Авраама и велел называть то ли по-цыгански, то ли по-турецки – Зара.

– Зара, Зара, – сорвалось с моих губ.

А, может, моим голосом говорил он – Менаше, убитый в сосняке, там, где сейчас строят завод химических удобрений? У него все отняли – дом, четырех детей, корову, но голос... может, голос пощадили?

Стадо рассыпалось, пастух Еронимас, переживший, как и его буренки, войну, заткнул за пояс кнут, нахлобучил на лоб соломенную шляпу и поплелся, насвистывая, домой; улица опустела; зазвенели подойники; хозяйюшки взялись за коровьи соски, и потекла река сладкого, как сон, молока.

Кто-то доил Зару убитого Менаше.

Кто-то строчил на «Зингере» – швейной машинке моего отца.

Кто-то перед тем как лечь взбивал чужие подушки.

А я пялился в плеснувшую растопленным дегтем темноту.

Она снова кишела исчезнувшими

стадами и толпами, снова звучала на все лады замолкшими, задушенными голосами, снова глядела на меня глазами тех, кого я искал и не нашел, и та темнота была моей родиной. Единственной на свете.

Как в детстве, от обиды першило в горле.

Надо мной, в моих давно нестриженных, дремучих волосах, как в большом удобном гнезде, спало невесомое, отчаянное облачко.

Вокруг него горели поминальные звезды. От долгого смотрения вверх небо раскачивалось, как полное вымя; я припадал к его мерцающим соскам губами, и в меня парной струйкой тек и тек пронзительный свет немеркнушей, возвышающей душу печали.

– Зара! Зара!

– Му-у-у-у...

– Динь-динь-динь...

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Здравствуйте, дорогая редакция!

Письмо начну, наверное, немного неожиданно:

B æéâî òáý íéãá

í à ãò ðá:æ,

Í î ñãáü í à Ì æéé Áðííé

Óæãæ, èæ èàòèòí

ò ðáóí úé áæ,

Óñúðæ, èæ ðáòíñ ñòíí.

È ýòí ñéãü òæéí ú áüñèð

çàòæ.

Á àí òèñáè èòíéé ò ðáæá

Ñpáà çááíí óé ì æéó-éóáæ,

× òíáú íòáàòü õíòü ááé

Èàíèp òááá Òú óæè ñá-òí

òàí.

Í óòüá èèóáð áæáæ áííðíí,

Í à áðáóíé çàè èá í á íæé èèóü ááðæ -

Ááü ì èð òáý ííí èò,

І еоіуён

Вместе с другими моими стихами, свидетельствовавшими, как тогда считалось, об антисоветском настрое, на стол следователя лег и этот стишок 1948 года, обнаруженный при обыске в моем дневнике.

А появился он после гражданской панихиды по народному артисту СССР Соломону Михайловичу Михоэлсу, зверски убитому в Минске вместе с литературным критиком Голубевым. Официальное сообщение гласило об автомобильной катастрофе, но вся Москва, особенно интеллигенция, знала, что произошло умышленное убийство.

Михоэлс был известен и популярен у людей более старшего поколения, чем был тогда я. Мой отец, помню, часто напевал старые еврейские песенки из репертуара Соломона Михайловича. А как он гордился своим соплеменником, рассказывая, что в еврейской общине Америки благодаря бурной деятельности Михоэлса устраивались на площадях благотворительные сборы в пользу сражавшейся с фашистами России! Помосты ломались под собранным золотом и разными драгоценностями. Здесь были богатеи и даже бедняки, отдававшие последние сбережения. Через Михоэлса еврейская община Нью-Йорка передала подарок – Сталину бобровую шубу.

После страшной войны, унесшей столько жизней, обстановка в мире резко изменилась: бывшие союзники стали врагами. В Советском союзе заметно усилился, поощряемый властью антисемитизм. Однако еврейский театр на Малой Бронной еще действовал. Открыто против евреев Сталин пока не выступал. Готовил удар исподтишка.

Жизнь артиста Михоэлса оборвалась 13 января 1948 года.

На траурном митинге в помещении Государственного еврейского театра выступали А. Фадеев, председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А. Гундоров, поэт И. Фефер, режиссер А. Таиров и многие, многие другие...

16 января мы, студенты ГИТИСа, приняли участие в панихиде. Огромная толпа загрохотала Малую Бронную, очередь протянулась через Тверской бульвар. Народ прибывал и прибывал. Стоял хмурый день. Небо заволочили тяжелые тучи. Проталкиваясь сквозь очередь к залу театра, я столкнулся с В. Зускиным, ближайшим помощником Михоэлса. Он был страшно бледен, подавлен. Беспокойный взгляд кого-то искал. Мимо пробежали растерянные артисты театра, вероятно, осознавшие и свой печальный конец.

Густой людской поток медленно втягивался в убранный черным крепом зрительный зал, молча пересекал его. В почетном карауле застыли видные деятели искусства. Оказавшись вблизи гроба, я взглянул на покойника и поразился. Вздутое ужасное лицо, совсем не похожее на висевший здесь же портрет: белое-белое от слоя пудры и света софитов. Мелькнула мысль, что труп подменили. Позже ходили упорные слухи: Михоэлс был так изуверски покалечен, что анатомам пришлось много поработать над телом. Сильно пострадала и высоколобая голова.

Но в тот миг я, конечно, не заметил никаких швов, да и не до этого было. Домой вернулся с тяжелым сердцем, с нехорошим предчувствием...

И последнее, но может быть и главное, что побудило меня написать в редакцию - это призыв Мельского «принять радикальные меры» к устранению «еврейской опасности», то, как он соглашается с российским законодательством. Нет ли здесь... криминала? Можно ли это терпеть, простить? Нужно ли, можно ли привлечь издательство «Витязь» и его авторов к ответственности?

Сборник издан три года назад. Почему компетентная еврейская общественность до сих пор молчала?

Статья в «Лехаиме», конечно, важна для «самопознания» евреев, но для антисемита она, на мой взгляд, «фига в кармане».

Ń ōāāēāī ēāī,

Ā.Ī. Ōīēī āī,

āīōāāī āīēī ū ē ōōāā

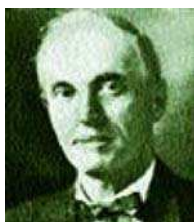
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЯ

2 ЯНВАРЯ

75 лет со дня смерти писателя-публициста, философа, одного из главных теоретиков сионизма, основателя и руководителя ордена «Бней-Моше», директора издательства «Агиасеф», редактора журнала «А-Шилоах» **Ахада а-Ама** (наст. имя и фамилия Ошер-Гирш Гинзберг) (1856, Сквир, Киевской губ. – 1927, Тель-Авив).

4 ЯНВАРЯ

70 лет со дня смерти государственного деятеля, первого еврей-губернатора американского штата (Айдахо), чьим именем назван город в штате Айдахо, **Мозеса Александра** (1853, Обриггейм, Германия – 1932, Бойсе, США).

125 лет со дня рождения спортсмена, пловца и фехтовальщика, президента Австрийского олимпийского комитета, обладателя олимпийских медалей: бронзовой по плаванию 1896 года и серебряной по фехтованию 1912 года **Отто Хершмана** (1877, Вена – 1942, концлагерь Ижбица, Польша)

5 ЯНВАРЯ

120 лет со дня рождения журналиста, первого обладателя Пулитцеровской премии в журналистике **Герберта Баярда Свопа** (1882, Сен-Луис, США – 1958, Сандс-Принт, США).

7 ЯНВАРЯ

115 лет со дня рождения юриста, литератора, академика АН СССР, директора института государства и права АН СССР, заведующего кафедрами Государственного права московского юридического института, Военно-юридической академии и Института международных отношений, автора трудов по государственному, конституционному и международному праву, межнациональным отношениям, а также публицистических статей по вопросам истории, права, литературы, искусства, пьес, повестей **Ильи Павловича Трайнина** (1887, Рига – 1949, Москва)

11 ЯНВАРЯ

95 лет со дня рождения государственного деятеля, министра иностранных дел и премьер-министра Франции, подписавшего Женевские соглашения 1954 года, положившие конец войне Франции в Индокитае, **Пьера Мендеса-Франса** (1907, Нейми сюр Сен– 1982, Париж).

13 ЯНВАРЯ

85 лет со дня рождения физика-теоретика, основателя научной школы по физике твердого тела, академика АН СССР, АН УССР, члена Национальной АН США, профессора Харьковского университета и МГУ, автора трудов по теории компенсированного состояния, первых работ по физике неупорядоченных систем, динамической теории твердого тела, физике квантовых кристаллов и др., совместно с учениками создавшего электронную теорию металла, лауреата Государственной премии СССР **Ильи Михайловича Лифшица** (1917, Харьков – 1982, Москва).

14 ЯНВАРЯ

100 лет со дня рождения логика и математика, одного из главных представителей львовско-варшавской школы, основоположника логической семантики, академика Национальной АН США, члена Нидерландской королевской АН, профессора Гарвардского, Принстонского, Калифорнийского и др. университетов, автора трудов по теории множеств, математической логике и основаниям математики **Альфреда Тарского** (наст. фамилия Тайтельбаум), (1902, Варшава – 1983, Беркли, США).

17 ЯНВАРЯ

100 лет со дня рождения кинорежиссера, сценариста, народного артиста РСФСР, директора Высших режиссерских курсов в Москве, поставившего (совм. с Г.М. Козинцевым) фильмы «Шинель», «Новый Вавилон», кинотрилогию «О Максиме» (1-я премия Мкф в Москве, 1935), «Мертвые души и др., лауреата Государственной премии СССР **Леонида Захаровича Трауберга** (1902, Одесса – 1991, Москва).

18 ЯНВАРЯ

70 лет со дня рождения боксера, чемпиона мира среди профессионалов в наилегчайшем весе 1957-1959 годов Альфонса Халими (р. 1932, Константин, Алжир).

20 ЯНВАРЯ

50 лет со дня рождения музыканта, одного из основателей, вокалиста и гитариста рок-группы «KISS» **Пола Стенли** (наст. фамилия Айзен), (р. 1952, Нью-Йорк).

21 ЯНВАРЯ

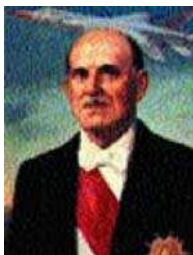

90 лет со дня рождения биохимика, члена Национальной АН США, Американской академии наук и искусств, профессора биохимии Чикагского и Гарвардского университетов, установившего роль холестерина в обмене веществ у животных и основные этапы его биосинтеза, лауреата Нобелевской премии по медицине 1964 года (совм. с Ф. Линеном) **Конрада Эмиля Блоха** (р. 1912, Нейсе, Германия).

125 лет со дня рождения дирижера, народного артиста СССР и УССР, художественного руководителя и главного дирижера Большого театра и Ленинградского театра оперы и балета, руководившего постановкой опер «Фауст», «Борис Годунов», «Иван Сусанин» и др., лауреата трех Государственных премий СССР **Ария Моисеевича Пазовского** (1877, Пермь – 1953, Москва).

22 ЯНВАРЯ

110 лет со дня рождения авиаконструктора, разрабатывавшего и выпускавшего истребители Mystere и Mirage, **Марселя Дассо** (1892, Париж – 1986).

65 лет со дня смерти актрисы, примы трупп В. Талли – Э. Рейнаха, Ф. Андо, Ф. Паста, Л. Коринни **Вирджинии Рейтер** (1868, Модена, Италия – 1937).

23 ЯНВАРЯ

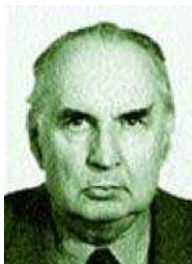

50 лет со дня смерти физика-теоретика, члена-корреспондента АН СССР, профессора Миннесотского университета, разработавшего первую квантовую теорию ферромагнетиков (независимо от В. Гейзенберга) и теорию их доменной структуры (совм. с Я.Г. Дорфманом), предложившего кинетическую теорию жидкостей, введшего понятия экситона и дефектов в кристаллах, автора трудов по квантовой теории электропроводности, ядерной физике, астрофизике, биофизике и др., первых отечественных теоретических курсов: «Волновая механика», «Электродинамика», «Кинетическая теория жидкостей» и др., лауреата Государственной премии СССР **Якова Ильича Френкеля** (1894, Ростов-на-Дону – 1952, Ленинград).

65 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, профессора Новосибирского университета **Иосифа Бенционовича Хриповича** (р. 1937).

26 ЯНВАРЯ

75 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по оптике, атомной спектроскопии, квантовой электронике, лауреата Государственной премии СССР **Игоря Ильича Собельмана** (р. 1927, Москва).

27 ЯНВАРЯ

30 лет со дня смерти математика, иностранного члена АН СССР, профессора Геттенгемского и Нью-Йоркского университетов, автора трудов по теории конформных отображений математической физики, по дифференциальным уравнениям **Рихарда Куранта** (1888, Люблинец, Польша – 1972, Нью-Йорк).

95 лет со дня рождения военачальника, в годы Великой Отечественной войны командовавшего морским районом Балтийского флота, начальника Высшего военно-морского училища контр-адмирала **Абрама Михайловича Богдановича** (1907, Воронеж – 1975, Ленинград).

28 ЯНВАРЯ

110 лет со дня рождения кинорежиссера, поставившего фильмы «Мадам Дюбарри», «Глаза мумии Ма», «Анна Болейн», «Принцесса устриц», «Иветта», «Дочери Колхизеля», «Брачный круг», «Патриот», «Парад любви», «Восьмая жена Синей Бороды», «Небеса могут подождать», «Быть или не быть» и др., **Эрнста Любича** (1892, Берлин – 1947, Лос-Анджелес).

115 лет со дня рождения пианиста, солиста и ансамблиста в дуэтах и трио со скрипачами Я. Хейфецем, Г. Шерингом, виолончелистами Г. Пятигорским, Э. Файерманом, одного из продолжателей традиций романтического пианизма и лучших исполнителей сочинений Ф. Шопена и И. Брамса, автора фортепьянных и камерных сочинений **Артура Рубинштейна** (1887, Лодзь, Польша – 1982, Женева).

30 ЯНВАРЯ

65 лет со дня рождения шахматиста, чемпиона СССР, 10-го чемпиона мира, международного гроссмейстера **Бориса Васильевича Спасского** (р. 1937, Ленинград).

31 ЯНВАРЯ

65 лет со дня рождения композитора, автора опер «Эйнштейн на пляже», «Сатъяграха», «Фотограф, далекий от жизни» и др. **Филиппа Гласса** (р. 1937, Балтимор, США).